

ВЕСТНИК

Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2025

№ 1 [71]

1995

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)

Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin KSPU)

Научное периодическое издание
Scientific serial

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»
Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution
«Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-29950 от 19.10.2007

«Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)» включен:

в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 05.03.2010; электронно-библиотечную систему издательства «Лань»; систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); международную базу данных периодических изданий ULRICHS WEB

Журнал размещен на платформе публикаций Readera

Периодичность 4 раза в год

Главный редактор: Ильина Нина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе и внешнему взаимодействию, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Editor-in-Chief: Ilyina, Nina F., DSc (Pedagogy), Professor, Provost for Research and External Interface, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по языкознанию: Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Linguistics: Vasilyeva, Svetlana P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Завьялов Дмитрий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Zavyalov, Dmitry A., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Саволайнен Галина Савельевна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Savolainen, Galina S., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по психологии: Сафонова Марина Вадимовна, кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Psychology: Safonova, Marina V., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Шашкина Мария Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Shashkina, Mariya B., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Ответственный секретарь: Шкерина Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Executive Editor: Shkerina, Tatiana A., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Редакционная коллегия

Editorial board

Адольф В.А., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Adolf V.A., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Абрамова М.А., доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск (по согласованию)

Abramova, Maria A., DSc (Pedagogy), Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (by agreement)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Волкова О.В., доктор психологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск (по согласованию)

Volkova, Olesya V., DSc (Psychology), Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk (by agreement)

Гафурова Н.В., доктор педагогических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск
Gafurova N.V., DSc (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Григорьева Т.М., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск
Grigoryeva T.M., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Завьялов А.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Zavyalov A.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Кольга В.В., доктор педагогических наук, профессор, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск (по согласованию)

Kolga, Vadim V., DSc (Pedagogy), Professor, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk (by agreement)

Кошкарёва Н.Б., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск

Koshkareva N.B., DSc (Philology), Professor, the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Логинова И.О., доктор психологических наук, профессор, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

Loginova I.O., DSc (Psychology), Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

Майер В.Р., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Mayer V.R., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Миллер О.М., кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Miller O.M., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Молокова А.В., доктор педагогических наук, доцент, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (по согласованию)

Molokova, A.V., DSc (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk Institute of Advanced Training and Retraining of Educational Workers, Novosibirsk (by agreement)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Н.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Pak N.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Расчётина С.А., доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Raschetina S.A., DSc (Pedagogy), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Серый А.В., доктор психологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет

Sery A.V., DSc (Psychology), Professor, Kemerovo State University

Сольвьёва С.Л., доктор психологических наук, профессор, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург

Solovyeva S.L., DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg

Фурьева Т.В., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Furyaeva T.V., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Чижакова Г.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Chizhakova G.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Шкерина Л.В., доктор педагогических наук, профессор (по согласованию)

Shkerina L.V., DSc (Pedagogy), Professor (by agreement)

Шмелёв А.Д., доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет

Shmelev A.D., DSc (Philology), Professor, Moscow Pedagogical State University

Янова М.Г., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Yanova M.G., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

***Международное представительство
в редакционной коллегии
журнала «Вестник КГПУ» обеспечивают:
International representatives
of the Bulletin editorial board:***

Бидайбеков Есен Ыкласович, доктор педагогических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алма-Ата

Bidaybekov, Esen Yklovich, DSc (Pedagogy), Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty

Бровка Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск
Brovka, Natalya Vladimirovna, DSc (Pedagogy), Professor, Belarusian State University, Minsk

Самбалхундэв Хаш-Эрдэнэ, доктор педагогических наук, профессор, Университет Маргад, Эрдэнэт, Монголия
Sambalkhunde, Hash-Erdene, DSc (Pedagogy), Professor, Margad University, Erdenet, Mongolia

Стоилкович Снежана, доктор психологических наук, профессор, Нишский университет, Сербия
Stoilkovich, Snezhana, DSc (Psychology), Professor of the School of Philosophy, Nishsky University, Serbia

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION AND UPBRINGING

Д.И. Прохоров, Н.В. Бровка
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ И АКТИВИЗАЦИИ
САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ
D.I. Prokhorov, N.V. Brovka
APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY
IN THE PROCESS OF IMPROVING THE QUALIFICATION
AND ENHANCEMENT OF SELF-EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF MATHEMATICS TEACHERS

[5]

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Ю.В. Калегина
ОЦЕНКА КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА
Yu.V. Kalegina
COGNITIVE SAFETY ASSESSMENT OF UNIVERSITY
EDUCATIONAL PROOCCESS

[24]

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF PHYSICAL EDUCATION

А.А. Кужугет, П.В. Бойко, А.Р. Нугаев
НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЯТИКЛАССНИКОВ
К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ
A.A. Kuzhuget, P.V. Boyko, A.R. Nugaev
MENTORING AS A FACTOR
OF SUCCESSFUL FUNCTIONAL ADAPTATION
OF 5TH GRADE STUDENTS TO THE CONDITIONS
OF MIDDLE SCHOOL

[50]

И.И. Орлова, А.Ю. Осипов, Д.В. Логинов
ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕВОЧЕК
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
I.I. Orlova, A.Yu. Osipov, D.V. Loginov
INFLUENCE OF VARIOUS PHYSICAL EDUCATION
PROGRAMS ON PHYSICAL DEVELOPMENT INDICATORS
OF PRESCHOOOL GIRLS

[58]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PSYCHOLOGY

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ PERSONALITY PSYCHOLOGY

Е.В. Бауэр, М.В. Сафонова
ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ
E.V. Bauer, M.V. Safonova
REVIEW OF RESEARCH IN THE FIELD
OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF ADOLESCENTS

[70]

Р.И. Гвоздкова, В.А. Чикер
ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ
R.I. Gvozdkova, V.A. Chiker
FEATURES OF SELF-PRESENTATION
AND VALUE ORIENTATIONS OF REPRESENTATIVES
OF DIFFERENT GENERATIONS

[88]

Ю.В. Дубовских, М.Ю. Леонтьева, В.А. Чикер
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
Yu.V. Dubovskikh, M.Yu. Leontieva, V.A. Chiker
TOPICAL ISSUES OF PROFESSIONAL ORIENTATION
AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF CHILDREN AND YOUTH

[104]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Н.В. Колесова
КАЛЬКИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
КАК РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
N.V. Kolesova
CALQUING IN THE TEXTS OF CONTEMPORARY
RUSSIAN-SPEAKING AMERICAN WRITERS
AS A RESULT OF CULTURAL INTERACTION

[115]

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ SCIENTIFIC DEBUT

Н.В. Аладьева

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

N.V. Aladjeva

ORGANIZATIONAL MODEL OF THE STUDENT YOUTH
HEALTH CARE SYSTEM IN THE RUSSIA

[125]

С.С. Баженов

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

СРЕДСТВАМИ РЕГБИ

S.S. Bazhenov

DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES
AMONG SECONDARY SCHOOL STUDENTS
BY MEANS OF RUGBY

[145]

А.А. Ключникова

ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»
И «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

A.A. Klyuchnikova

THE CONCEPTS OF 'PROFESSIONAL COMPETENCE'
AND 'PROFESSIONAL COMPETENCY'
IN THE CONTEXT OF LIFE-LONG CONTINUING
PROFESSIONAL EDUCATION

[153]

А.С. Кривошеев

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ
СРЕДСТВАМИ ХОККЕЯ

A.S. Krivosheev

INCREASING THE LEVEL OF FUNCTIONAL
AND PHYSICAL FITNESS AMONG SECONDARY
SCHOOL STUDENTS BY MEANS OF HOCKEY

[165]

А.И. Панов

ПОВЫШЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ
МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ

СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

A.I. Panov

INCREASING STRESS RESISTANCE OF YOUNG TEACHERS
BY MEANS OF PHYSICAL EDUCATION

[174]

У Цюн

КОЛОРАТИВ «КРАСНЫЙ» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ
НАРОДНОГО МИРОВИДЕНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ ИЗ СБОРНИКА В.И. ДАЛЯ
«ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)

Wu Qiong

THE COLORATIVE 'RED' AS A REFLECTION
OF FOLK WORLDVIEW

(BASED ON PAREMIAS FROM V.I. DAL'S
PROVERBS OF THE RUSSIAN PEOPLE)

[187]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
INFORMATION FOR AUTHORS

[197]

УДК 37.018.46

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И АКТИВИЗАЦИИ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

Д.И. Прохоров (Минск, Беларусь)

Н.В. Бровка (Минск, Беларусь)

Аннотация

Постановка проблемы. Инновационный многовекторный процесс цифровой трансформации системы дополнительного педагогического образования ставит перед научным сообществом вопросы, связанные с разработкой, внедрением и методическим сопровождением использования веб-ориентированных ресурсов повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики. В статье представлен авторский взгляд на разрешение данной проблемы.

Цель работы – определение направлений разрешения несоответствия между потенциально эффективными дидактическими возможностями современных веб-ориентированных ресурсов как средств организации повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики и отсутствием теоретически обоснованной, внутренне целостной и логически непротиворечивой дидактической системы реализации этих возможностей в практике дополнительного образования учителей.

Методология и методы исследования: изучение философской, психолого-педагогической и методической литературы, историко-генетический подход к выявлению генезиса и определения этапов становления процесса повышения квалификации учителей математики, сравнительный анализ учебных математических апплетов, анкетирование.

Результаты исследования. Представлено описание дидактической системы повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики. Даны определения понятиям «мобильный учебный математический апплет» и «веб-ориентированный ресурс обучения». Показаны результаты сравнительного анализа мобильных апплетов, содержащих справочную информацию, позволяющих обрабатывать математические данные, решать математические задачи, учащимся проверять свои знания. Построена хронологическая линейка развития искусственного интеллекта как направления в науке. Приведен и проанализирован алгоритм работы GPT-чата с текстовой и графической информацией, проведения математических вычислений. Дано содержательное и функциональное описание авторского веб-ориентированного ресурса, предназначенного для сопровождения обучения учителей математики на повышении квалификации по теме «Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях общего среднего образования» и активизации их самообразовательной деятельности. Ресурс включает глоссарий, форму обратной связи (форум и телеграм-бот), учебные материалы (структурированные в спиралевидную конструкцию из четырех витков), примеры фрагментов дидактических сценариев учебных занятий, коллекцию готовых учебных математических апплетов и методические указания по их использованию, фрагменты видеоуроков, материалы для текущей и итоговой аттестации (дифференцированные по трем уровням сложности).

Заключение. На данный момент еще не в полной мере разрешены психолого-педагогические и морально-этические проблемы, связанные с взаимодействием педагогических работников и особенно учащихся учреждений общего среднего образования с нейронными сетями. В этом контексте считаем перспективным внедрение разработанной дидактической системы, направленной на повышение уровня профессиональных компетенций учителей математики, в том числе в области цифровых технологий, в систему дополнительного педагогического образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, веб-ориентированный ресурс, GPT-чат, дидактическая система, методика обучения математике, повышение квалификации, самообразовательная деятельность, учителя математики.

Прохоров Дмитрий Игоревич – кандидат педагогических наук, доцент, Минский городской институт развития образования (Республика Беларусь); e-mail: prohorov@minsk.edu.by

Бровка Наталья Владимировна – кандидат физико-математических наук, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный университет (Минск); e-mail: n_br@mail.ru

Постановка проблемы. В современных условиях курс на обеспечение высоких темпов роста национальных социально-экономических показателей Союзного государства требует выявления и мобилизации всех существующих ресурсов, важнейшим из которых является человеческий потенциал. При этом большое значение имеет система дополнительного образования взрослых, которая должна носить инновационный многовекторный характер. В XXI в. необходимы учителя, которые могут адаптировать содержание своей профессиональной деятельности к изменяющимся приоритетным запросам общества и государства. В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г.¹ указано, что «дополнительное образование взрослых становится основным связующим звеном между системой профессионального образования и рынка труда, обеспечивая непрерывную адаптацию выпускников учреждений профессионального образования к постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям», при этом цель развития системы образования в контексте процессов цифровизации определена как «совершенствование национальной системы образования на основе развивающихся цифровых технологий, подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе».

В эпоху цифровизации и глобализации образование переживает трансформации, обретая новые высокоинтеллектуальные аспекты, включая внедрение различных цифровых инструментов, таких как нейросети, искусственный интеллект, GPT-чаты и другие технологии. В последние годы искусственный интеллект (далее – ИИ) все больше интегрируется в нашу повседневную жизнь, предоставляя социуму разнообразные возможности, улучшая качество жизни и способствуя самообразованию и самореализации. Сегодня можно с уверенностью сказать, что ИИ является сложным и

многогранным феноменом, который вызывает значительные социокультурные изменения, как положительного, так и отрицательного характера, влияя на человека и человеческую цивилизацию в целом.

ИИ и машинное обучение в настоящее время активно используются в образовательной сфере для организации и проверки контрольных работ, тестов, экзаменов, автоматического подбора учебных материалов для обучающихся, в том числе для построения индивидуальной траектории обучения, выявления и ликвидации пробелов в знаниях и т.д. Вместе с тем 28 марта 2023 г. более 1125 ведущих специалистов в области IT, в том числе глава Tesla, SpaceX и X Илон Маск, сооснователь Pinterest Эван Шарп и сооснователь Apple Стив Возняк, подписали открытое письмо с заголовком: «Мы призываем все лаборатории ИИ немедленно приостановить как минимум на 6 месяцев обучение систем ИИ, более мощных, чем GPT-4!»². Авторы послания ставят следующие вопросы: «Должны ли мы позволять машинам заполнять наши информационные каналы пропагандой? Следует ли нам автоматизировать все рабочие места? Нужно ли развивать нечеловеческие интеллекты, которые в конечном итоге могут превзойти нас по численности, обмануть, сделать нас ненужными и заменить? Стоит ли рисковать утратой контроля над нашей цивилизацией?»². Таким образом, возникает вопрос: если у руководителей лабораторий самого высокого ранга, занимающихся разработкой машинного обучения, возникают опасения в связи с развитием ИИ, то каково его влияние на функционирование системы дополнительного образования в целом и как ее неотъемлемой части, системы повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики (далее – ПКисД)?

Цель работы – определение направлений разрешения несоответствия между потенциально эффективными дидактическими возмож-

¹ Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г., утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 ноября 2021 г. № 683.

² Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (дата обращения: 28.01.2025).

ностями современных веб-ориентированных ресурсов как средств организации повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики и отсутствием теоретически обоснованной, внутренне целостной и логически непротиворечивой дидактической системы реализации этих возможностей в практике дополнительного образования учителей.

Методология и методы исследования. В ходе исследования генезиса мы выделили ключевые этапы развития процесса повышения квалификации учителей математики за последние 150 лет, сосредоточив внимание на основных дидактических принципах, формах организации и методах представления учебного материала. Исследование показало актуальность задачи **проектирования и разработки дидактической системы повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики с использованием веб-ориентированных ресурсов** [Прохоров, 2021]. В ходе работы использовался комплекс *методов*: изучение философской, психолого-педагогической и методической литературы, сравнительный анализ учебных математических апплетов, анкетирование.

Обзор научной литературы. Проблеме научно-методического обеспечения профессионально-педагогического становления будущих учителей математики, последующему их сопровождению в процессе повышения квалификации, активизации самообразовательной деятельности, непрерывному повышению уровня их профессиональных компетенций и т.д. уделялось достаточно большое внимание. В Беларуси такие исследования проводили: Н.Б. Бровка [Бровка, 2009], М.В. Ильин [Ильин, 2002], А.В. Позняк [Позняк, 2022] и др., в России: Н.Ф. Ильина, А.С. Ильин, Е.Э. Хохлова [Ильина и др., 2020], Л.В. Шкерина, М.Б. Шашкина, О.А. Табинова [Шкерина и др., 2022] и др., в странах Западной Европы: М.В. Кларин [Кларин, 1995], J. Kotter [Kotter, 2005] и др.

Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании под повышением квалификации

руководителей и специалистов мы понимаем процесс «реализации образовательных программ, направленных на профессиональное совершенствование работников»³. Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что проблемы самообразовательной деятельности учителя в основном рассматриваются с двух позиций: как «самостоятельная деятельность педагога по повышению своих профессиональных компетенций» (В.А. Адольф, 2021) и как «индивидуально-личностный процесс целенаправленного и систематического улучшения, развития себя и своей деятельности» (Кулюткин, 2022). В данной работе мы сосредоточимся на первом подходе, так как второй предполагает исключительно личностный аспект самообразования учителя (как его саморазвития), что не отвечает направлениям нашего исследования.

Несмотря на тщательное изучение методологических, методических и управленческих аспектов поддержки будущих учителей математики в ходе их обучения и профессионального развития, в исследованиях не были рассмотрены особенности и структурные элементы процесса ПКисД учителей математики, основанного на применении веб-ориентированных ресурсов.

Основу современной концепции развития системы ПКисД учителей математики составляют цифровые технологии интернета, мобильные сервисы, технологии Web 2.0, 3.0, ИИ, предусматривающие активное участие пользователей в формировании в учреждениях образования учебного контента. На сегодняшний день защищены ряд кандидатских и докторских диссертация по философским⁴, онтологическим⁵,

³ Кодекс Республики Беларусь об образовании 13 января 2011 г. № 243-З, принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г., одобрен Советом Республики 22 декабря 2010 г., в редакции Закона Республики Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З.

⁴ Степанеко А.С. Социокультурные и технологические предпосылки искусственного интеллекта: дис. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 203 с.

⁵ Смирнов Е.В. Проблема искусственного интеллекта: онтологические и гносеологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2012. 210 с.

социальным⁶, юридическим⁷ аспектам, методике обучения информатике⁸, в которых представлены исследования различных направлений внедрения технологий ИИ. В целом нейронные сети представляют собой математические модели и мощные вычислительные алгоритмы, которые способны прогнозировать, решая интеллектуальные задачи на основе оценки критериев заданного вопроса. Они анализируют обширные объемы информации и баз данных, что позволяет ИИ формировать наиболее точные и актуальные ответы на запросы в GPT-чатах. Одним из главных преимуществ нейросетей является их способность к самообучению, что позволяет им развиваться без необходимости постоянного вмешательства IT-специалистов в область машинного обучения [Абламейко и др., 2023; Фирсов и др., 2020; Markova et al., 2021]. Важность роли учителя математики не просто как источника знаний, но организатора процесса их передачи, использующего потенциал современных технологий, подчеркивается в аналитической записке Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: «эффективное применение искусственного интеллекта, данных и аналитики, а также машинного обучения может сделать процесс обучения более увлекательным, используя технологии для погружения в виртуальную среду»⁹. Искусственный интеллект выполняет задачи по изучению и сопоставлению данных, предоставляя рекомендации ученикам для освоения материала и позволяя учителю математики анализировать результаты, что помогает отслеживать уровень

подготовки каждого учащегося, корректировать его индивидуальную траекторию обучения, выявлять и ликвидировать пробелы в его знаниях.

Изучение исследований, касающихся проблемы использования образовательных сервисов интернета Е.Д. Патаракина [Патаракин, Ярмахов, 2021], S. Downes [Downes, 2024], Ed. Krol [Krol, 2022], T. Richardson [Richardson, John, 2023], J. Thompson [Thompson, 2021] и др., более чем пятнадцатилетний опыт проведения лекций и практических занятий, организации диалоговых площадок, научно-практических конференций и самообразовательной деятельности для учителей в ГУО «Минский городской институт развития образования», а также результаты анкетирования, в котором приняли участие 378 учителей математики, свидетельствуют о том, что современные педагоги проявляют интерес к систематическому повышению своей квалификации в сфере **цифровых компетенций**. Учителя математики осознают необходимость непрерывного самосовершенствования и самообразования в направлении повышения уровня знаний и способов деятельности по использованию ИКТ в повседневной и профессиональной деятельности, однако не имеют технического и методического инструментария. На вопрос «Какую форму представления информационно-обучающего ресурса Вы считаете наиболее эффективной в современных условиях?», 56 % – размещенный в интернете, 39 % – мобильные приложения, 5 % опрошенных учителей математики предпочитают ресурс, установленный на персональном компьютере. 83 % опрошенных учителей математики хотели бы повысить свои профессиональные компетенции и пройти повышение квалификации по теме «Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях общего среднего образования».

Результаты исследования. Мы рассматриваем **дидактическую систему повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики с использованием веб-ориентированных ресурсов** как «теоретически обоснованную, внутренне целостную и логически непротиворечивую

⁶ Бадмаева М.Х. Социально-философские проблемы и принципы применения систем искусственного интеллекта: дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2023. 237 с.

⁷ Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.

⁸ Меренкова П.А. Вариативное обучение системам искусственного интеллекта в рамках учебного предмета «Информатика» основной школы: дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 190 с.

⁹ Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 44 с.

систему, построенную на основе **полипарадигмального подхода** (взаимодополнение и взаимообогащение положений синергетического, системно-деятельностного, праксеологического, компетентностного, логистического, коннективистского, инструментального подходов в обучении) с учетом **методических условий цифровой дидактики, общедидактических принципов** (фундаментальности, гуманизации и гуманитаризации; опережающего характера обучения), **дополненных принципами, обусловленными спецификой процесса повышения квалификации и самообразовательной деятельности учителей математики** (партисипативности, фундирования, оптимальной информационной насыщенности), включающую **взаимосвязанные цели, содержание, формы, методы, средства, веб-ориентированные ресурсы, контрольно-измерительный инструментарий определения эффективности обучения**, функционирующую во **взаимодействии преподавателя и слушателей** для повышения уровня **профессиональных компетенций учителей математики»** [Прохоров, 2024, 32].

В данной статье мы рассмотрим технологический и методический аспекты взаимодействия учителей математики в рамках ПКисД с веб-ориентированными ресурсами, созданными на основе мобильных технологий с применением элементов GPT-чата, а также ИИ. Но прежде необходимо дать ряд определений.

Мобильный учебный математический апплет (апплет от англ. applet, application – приложение и -let – уменьшительный суффикс) (далее – мобильный апплет) – учебно-методическое средство, являющееся составной частью веб-ориентированного ресурса и/или самостоятельное средство обучения, требующее установки на мобильный носитель (смартфон, планшет и т.д.), предоставляющее возможность как линейного, так и нелинейного изучения содержания, сочетающее символьный и графический способы представления материала и включающее динамическую модель математического объекта, краткий теоретический материал, а также диагностический инструментарий

эффективности его усвоения. Мобильные апплеты – это программы, которые устанавливаются на операционные системы мобильных устройств, таких как Microsoft, iOS, Android и т.д. Они обеспечивают функционал для взаимодействия между пользователем и мобильным устройством, а также между пользователями. Эти апплеты позволяют реализовывать различные алгоритмы интерактивного взаимодействия участников образовательного процесса, включая использование технологий ИИ.

Искусственный интеллект (англ. artificial intelligence – AI) – способность цифровых компьютеров или контролируемых роботами компьютеров решать задачи, которые обычно связывают с человеческими¹⁰.

Веб-ориентированный ресурс обучения – гибкий и мобильный ресурс, который содержит учебно-методический и диагностический материал, коммуникационно-методический инструментарий, позволяющий в режиме реального времени обучающемуся выстраивать свою индивидуальную траекторию обучения (самостоятельно и/или под руководством преподавателя) [Прохоров, 2024, с. 31].

В ходе исследования нами проведен анализ востребованности педагогической ответственностью содержательного, методического, учебно-методического, информационного и ресурсного обеспечения построения обучения математике учащихся II–III ступеней учреждений общего среднего образования на основе веб-ориентированных ресурсов, включающего мобильные апплеты и поддерживающего коммуникацию с ИИ. Интерес к таким разработкам со стороны пользователей интернета (по объективным причинам выделить среди них категорию «учитель математики» не представляется технически возможным) подтверждается динамикой популярности соответствующих запросов в интернет-поисковиках. Шкала частоты запросов, построенная на основе инструмента ИИ Google Trends (<https://trends.google.com>),

¹⁰ Encyclopedia Britannica 2023. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (дата обращения: 28.01.2025).

представлена виде графика динамики соответствующих обращений (рис. 1), где 100 баллов означают самый высокий уровень популярно-

сти соответствующего запроса по отношению к аналогичным в Республике Беларусь в периода с 01.01.2019 по 01.01.2025.

Рис. 1. Частота запросов в интернете по данным Google Trends
Fig. 1. Frequency of Internet queries according to Google Trends

Таким образом, на графиках четко прослеживается постоянный интерес пользователей интернета к мобильным апплетам, содержащим справочную информацию, позволяющим обрабатывать математические данные, решать математические задачи, учащимся проверять свои знания. Запрос общественности к возможностям использования ИИ в процессе обучения математике постоянно растет с конца 2021 г.

На сегодняшний день в русскоязычном сегменте интернета мобильных учебных приложений по математике для платформ Microsoft, iOS и Android насчитывается более 50. Анализ их содержания и качества представленного контента позволил классифицировать их по основным направлениям с точки зрения решаемых педагогических задач: математические справочники и тестовые среды, мобильные апплеты для решения математических задач, мобильные ма-

тематические тренажеры и математические симуляторы. Наибольшей популярностью (рейтинг приложений в AppStore и GooglePlay выше 4,5 из 5,0) пользуются мобильные апплеты с математическим содержанием, которые представлены в табл. 1. *Примечание:* некоторые из представленных мобильных апплетов содержат рекламу, авторы статьи не являются разработчиками данных апплетов и не несут ответственности за их содержания. Содержание табл. 1 выполняет исключительно информационную функцию.

Следует отметить, что многие мобильные апплеты созданы на основе технологий нейросетей, в частности приложения для решения математических задач и математические симуляторы. Технология обработки текстовой, графической и мультимедийной информации нейросетями достаточно подробно описана У. Холмсом, М. Бялик, Ч. Фейделом [Холмс и др., 2022].

Таблица 1

Примеры мобильных учебных математических апплетов

Table 1

Examples of mobile educational math applets

Название	QR-код доступа	Описание
1	2	3
Математические справочники и тестовые среды		
Математика: формулы + тесты		Мобильный апплет предназначен для школьников и студентов, охватывает школьный курс алгебры, геометрии и начал анализа
Формулы по алгебре с тестом		Апплет содержит справочную информацию по алгебре, тестовые задания для проверки знаний учащимися формул
Учебники по математике		Приложение содержит пошаговые уроки по арифметике, алгебре, дробям, геометрии, тригонометрии и т.д.
Мобильные апплеты для решения математических задач		
Photomath		Приложение с помощью камеры мобильного устройства мгновенно сканируется печатный текст, разбивает решение на шаги
Mathway		Мобильный апплет предназначен для решения алгебраических задач, построения графиков, математического анализа

Окончание табл. 1

1	2	3
Maple Калькулятор: решатель		Приложение является универсальным калькулятором на основе Maple, решает математические задачи, визуализирует двухмерные и трехмерные графики выражений и предоставляет пошаговые решения
Мобильные математические тренажеры		
Математика – игры для ума		Апплет способствует развитию логического и математического мышления, содержит головоломки, тренажеры и тесты по математике
Мышление и логика для взрослых и детей		Приложение содержит более 1000 заданий, способствующих развитию логического мышления и пространственного воображения
Математические загадки		Тренажер позволяет закрепить навыки устного счета, арифметических вычислений задач, установления математических закономерностей
Математические симуляторы		
GeoGebra		Мобильные апплеты, позволяющие проводить онлайн-вычисления арифметических, алгебраических и геометрических задач, содержат элементы 3D моделирования математических объектов

В. Юрченковым и Д. Кургановым проведен анализ ключевых этапов зарождения и развития алгоритмов машинного обучения, GPT-часов и ИИ [Юрченков, Курганов, 2022]. Основываясь на данных работах, рассмотрим хронологию истории становления ИИ как направления в науке (рис. 2).

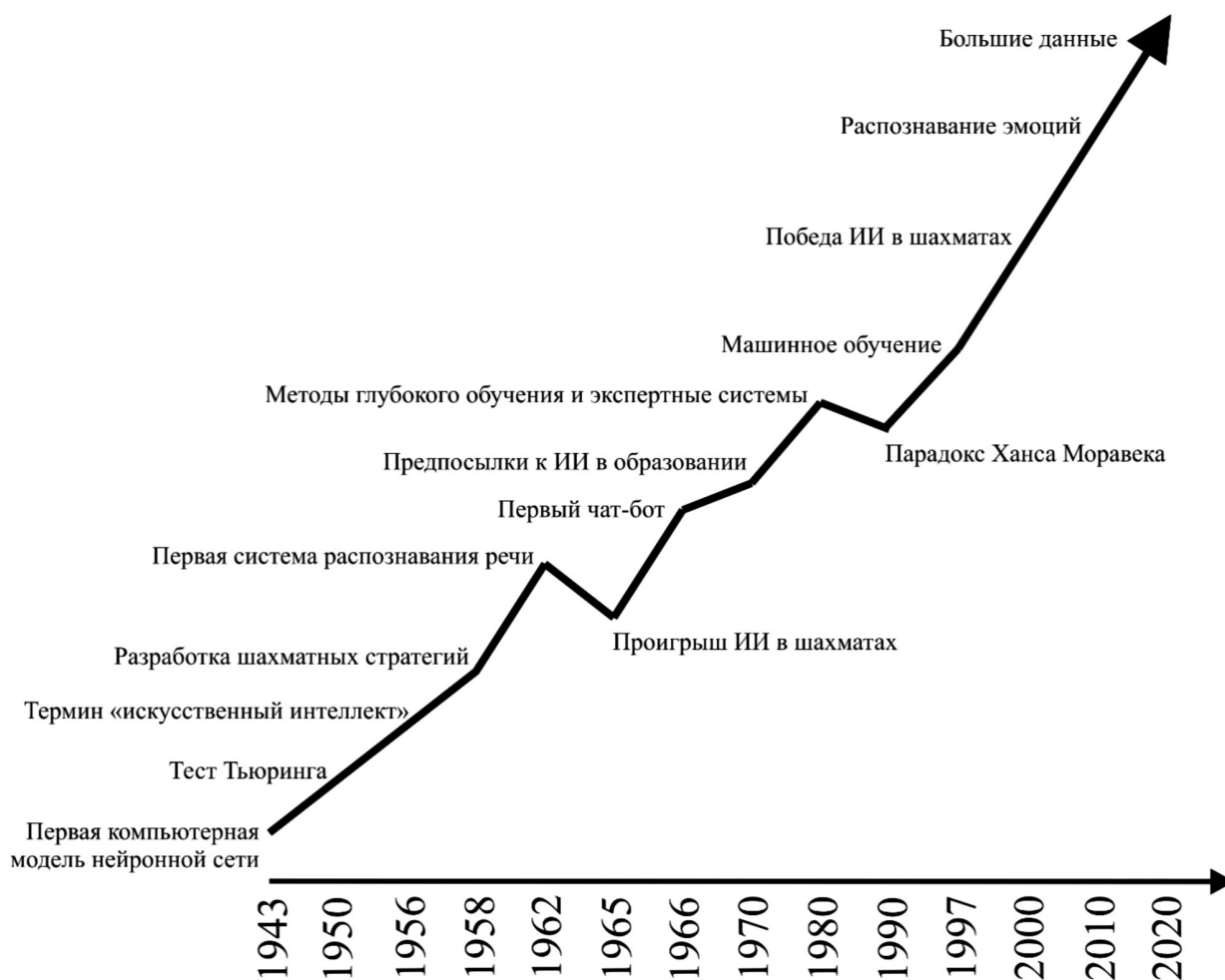

Рис. 2. Хронологическая линейка развития искусственного интеллекта
Fig. 2. Chronological timeline of Artificial Intelligence development

1943 г. – Н. Винер, У. Питтс и У. Мак-Каллок теоретически обосновывают возможности создания ИИ на основе биологических нейронных сетей.

1950-е гг. – А. Тьюринг публикует ряд работ о том, может ли мыслить машина, предлагает идею эмпирического теста (тест Тьюринга: исследователь взаимодействует с одним компьютером и одним человеком. Исходя из полученных ответов на заданные вопросы, ему необходимо решить, общается ли он с программным обеспечением или с человеком. Основная цель программы – запутать исследователя, чтобы он принял неверное решение. Все испытуемые не имеют возможности видеть друг друга. Если исследователь не может однозначно определить, кто из участников является человеком, значит, машина успешно прошла данный тест.).

1956 г. – в работах Д. Маккарти, М. Мински, Н. Рочестера и К. Шеннона появляется термин «искусственный интеллект». Представлена первая программа ИИ – Logic Theorist.

1958 г. – Г. Саймон предполагает, что ИИ в ближайшие десять лет может обыграть чемпионов мира по шахматам.

1962 г. – IBM демонстрирует систему распознавания речи Shoebox (16 слов – цифры и команды для арифметических операций сложения и вычитания чисел).

1965 г. – ИИ проигрывает матч в соревнованиях по шахматам участникам возраста 10 лет.

1966 г. – создан первый ГПТ-чат «Элиза», который ведет беседу на естественном языке.

1970-е гг. – Дж. Карбонеллом создана программа SCHOLAR – интеллектуальная обучающая система.

1980-е гг. – Д. Хопфилд и Д. Румельхарт представили методы «глубокого обучения», позволяющие компьютерам учиться на основе опыта. Э. Фейгенбаум представил системы, имитирующие принятие решений человеком.

1990-е гг. – Х. Моравек сформулировал парадокс: «достигнуть уровня взрослого в таких активностях, как тестирование на IQ или игра в шашки, достаточно просто. Однако освоить навыки, характерные для младенца, в области восприятия или познавательной активности либо сложно, либо вовсе невозможно».

1997 г. – разработаны алгоритмы Machine Learning, по которым компьютеры могут накапливать знания и обучаться на основе собственного опыта. Суперкомпьютер DEEP BLUE побеждает мировых чемпионов по шахматам.

2010-е гг. – появляется новое направление в исследованиях ИИ – аффективные, или эмоциональные, вычисления (англ. affective computing), анализирующие реакции и их воспроизведение.

2020-е гг. – появляются алгоритмы обработки Больших данных (англ. Big Data), методы глубокого обучения нейронных сетей [Юрченков, Курганов, 2022].

Рассмотрим алгоритм обработки текстовой информации на основе GPT-3-чата, размещенного для бесплатного использования в интернете (<https://botprofi.ru>). GPT-чат при обработке текста опирается на те данные, которые уже размещены в интернете, оперируя при этом более чем 175 миллиардами параметров. Например, при обращении к ИИ с просьбой дополнить фразу «методика обучения математике – это...» GPT-чат создаст список из возможных слов, просчитывая вероятность их присутствия в данном месте. Можно предположить, что следующим словом во фразе будет то, которое имеет самую высокую вероятность, однако создатели ИИ высказывают другое мнение: «... по какой-то причине (возможно, однажды мы ее узнаем), если всегда будет выбираться слово с самым высоким рейтингом, т.е. для которого определена самая высокая вероятность, мы получим очень гладкий текст, без малейшего признака креативности, который будет

слово в слово повторять множество других текстов» [Вольфра, 2024, с. 17]. Нейросеть выбирает нужное слово для продолжения фразы случайным образом из всех возможных, имеющих вероятность примерно 0,8, при этом имея достаточно большой объем текста на русском языке, ИИ может определить вероятность выбора подходящих букв, слов, словосочетаний, предложений, фрагментов текста и т.д. На первый взгляд, технология достаточно простая, однако в интернете содержится несколько миллиардов слов, в книгах, которые были оцифрованы, еще 100 миллиардов. Но при наличии 200 тысяч общеупотребительных слов в русском языке (данные Национального корпуса русского языка) число возможных словосочетаний из двух слов составляет примерно 32 миллиарда, а число возможных комбинаций из трех слов – 160 триллионов и т.д. Для разрешения этой проблемы была разработана Большая языковая модель (англ. Large Language Model – LLM), она специально сконструирована для оценки вероятностей выбора слов и лежит в основе работы GPT-чатов.

Анализ графических данных происходит схожим образом: целое изображение распределяется на слои, происходит анализ отдельных объектов на каждом из слоев, высчитывается вероятность правильной интерпретации, корректности преобразования рисунка в векторную графику и последующей обработки.

По такому алгоритму работает, например, мобильный апплет Photomath (табл. 1). Приложение, получив изображение от камеры смартфона, разбивает его на отдельные части (цифры, буквенные символы, арифметические действия и т.д.), преобразует его в цифровой вид, понятный для программных средств вычисления, проводит математические действия и представляет последовательность вычислений, выдает ответ. Пример такой последовательности шагов, выполняемых приложением при решении дробно-рационального уравнения

$$\frac{9x^2 - 4}{x - 1} = \frac{5 - 10x}{1 - x}, \text{ представлен в табл. 2.}$$

Таблица 2

Последовательность некоторых действий мобильного приложения Photomath
при решении дробно-рационального уравнения

Table 2

Sequence of actions of the Photomath mobile applet when solving a fractional rational equation

№ шага	Скриншот	№ шага	Скриншот
1	2	3	4
1		2	Сканирование и преобразование изображения в цифровой формат
3	$\frac{9x^2 - 4}{x - 1} = \frac{5 - 10x}{1 - x}$ Найдите все значения x , при которых знаменатель дроби $\frac{9x^2 - 4}{x - 1}$ равен 0 $x - 1 = 0$...8	$x = 1$ Чтобы найти область допустимых значений, нужно удалить недопустимые значения $\frac{9x^2 - 4}{x - 1} = \frac{5 - 10x}{1 - x}, x \neq 1$
9	$\frac{9x^2 - 4}{x - 1} = \frac{5 - 10x}{1 - x}, x \neq 1$ Упростите уравнение путем перекрестного умножения $(9x^2 - 4) \times (1 - x) = (5 - 10x) \times (x - 1)$...18	$19x^2 - 9x^3 + 1 - 11x = 0$ Использовать переместительный закон, чтобы изменить порядок членов $-9x^3 + 19x^2 - 11x + 1 = 0$
19	$-9x^3 + 19x^2 - 11x + 1 = 0$ Запишите $19x^2$ в виде суммы $-9x^3 + 9x^2 + 10x^2 - 11x + 1 = 0$...23	$-9x^3 + 9x^2 + 10x^2 - 10x - x + 1 = 0$ Вынести знак минус за скобки $-9x^2 \times (x - 1) + 10x \times (x - 1) - (x - 1) = 0$
24	$-9x^2 \times (x - 1) + 10x \times (x - 1) - (x - 1) = 0$ Вынести за скобки общий множитель $-(x - 1)$ $-(x - 1) \times (9x^2 - 10x + 1) = 0$...30	$-(x - 1)^2 \times (9x - 1) = 0$ Изменить знаки обеих частей уравнения $(x - 1)^2 \times (9x - 1) = 0$

1	2	3	4
31	$(x-1)^2 \times (9x-1) = 0$ <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;">Если произведение равно 0, то как минимум один из множителей равен 0</p> <p style="text-align: center;">↓</p> $(x-1)^2 = 0$ $9x-1 = 0$...34	$x = 1$ $x = \frac{1}{9}, x \neq 1$ <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;">Проверить, принадлежит ли решение заданному интервалу</p> <p style="text-align: center;">↓</p> $x = \frac{1}{9}$

Безусловно, представленный в табл. 2 алгоритм решения уравнения $\frac{9x^2 - 4}{x-1} = \frac{5-10x}{1-x}$ (состоящий из 34 шагов!!!), выполненный при помощи Photomath, не является рациональным, недоступен для понимания подавляющему большинству учащихся учреждений общего

среднего образования. Платная версия мобильного приложения «Maple Калькулятор: решатель» проводит вычисления этого же уравнения за 12 шагов, однако предлагаемое подробное решение также сильно отличается от того алгоритма решения дробно-рациональных уравнений и его оформления, которое предлагается учащимся на уроках по математике¹¹:

$$\frac{9x^2 - 4}{x-1} = \frac{5-10x}{1-x}; \quad \frac{9x^2 - 4}{x-1} - \frac{5-10x}{1-x} = 0; \quad \frac{9x^2 - 4}{x-1} + \frac{5-10x}{x-1} = 0;$$

$$\frac{9x^2 - 4 + 5 - 10x}{x-1} = 0; \quad \frac{9x^2 - 10x + 1}{x-1} = 0; \quad \begin{cases} 9x^2 - 10x + 1 = 0, \\ x-1 \neq 0; \end{cases} \quad \begin{cases} x = \frac{1}{9}, \\ x = 0, \\ x-1 \neq 0; \end{cases} \quad x = \frac{1}{9}.$$

Очевидно, что такое решение значительно более рационально в сравнении с выполняемыми мобильными приложениями. Однако последние версии GPT-4-чат (выпущенные в 2024 г., но работающие пока только в тестовом режиме) уже способны предлагать решения математических задач (алгебраические, из математического анализа и теории вероятностей и т.д.) и их оформления, неотличимые от проводимых человеком.

Нами разработан веб-ориентированный ресурс (далее – авторский ресурс) для сопровождения обучения учителей математики на повышении квалификации по теме «**Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях**

общего среднего образования»¹². Разработка учебной программы ПКисД была обусловлена необходимостью комплексной модернизации образовательного процесса посредством использования цифровых инструментов, формирования у учителей математики навыков работы со специальными онлайн-сервисами и приложениями

¹¹ Арефьева И.Г., Пирютко О.Н. Учебное пособие для 9 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Минск: Народная асвета, 2019. 328 с.

¹² Прохоров Д.И. Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях общего среднего образования: методическое обеспечение учебной программы повышения квалификации, 2024. URL: <https://do.minsk.edu.by/course/view.php?id=8832#section-12> (дата обращения: 28.01.2025).

по созданию дидактических многомерных инструментов и информационно емких визуальных материалов. Учебная программа ПКисД учителей математики направлена на совершенствование их профессиональной компетентности в области структурирования и визуализации учебной информации с использованием современных компьютерных приложений. В ходе обучения слушатели осваивают технологии построения дидактических многомерных инструментов, а также методику их использования на учебных занятиях. Авторский ресурс рекомендован к использованию в процессе ПКисД учителей математики Научно-методическим советом государственного учреждения образования «Минский городской институт развития образования» (протокол от 27.01.2025 № 1) и **включает**:

- глоссарий (более 180 понятий и терминов);
- следующие формы установления взаимодействия преподавателя со слушателями (учителями математики): форум «Вопрос-ответ» (обсуждение заданий, методическая поддержка, техническая поддержка), чат-бот «Профессор МГИРО» (@professorMGIRO_bot) – телеграм-чат на основе ИИ;

- материалы для освоения содержания программы ПКисД учителями математики «Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях общего среднего образования»: вопросы государственной политики в сфере цифровизации образования (2 темы), научно-теоретические основания структурирования содержания обучения математике (5 тем), основы работы со специализированным программным обеспечением (11 тем);

- примеры фрагментов дидактических сценариев учебных занятий, отражающих методику использования дидактических многомерных инструментов при обучении математике (база постоянно пополняется материалами, разработанными учителями математики в процессе ПКисД);

- коллекцию готовых учебных математических апплетов и методические указания по их использованию на учебных занятиях по математике на II–III ступенях общего среднего образования;

- фрагменты видео лекций и практических занятий, где даются инструкции по работе с компьютерными программными средствами: редакторами векторной графики, динамическими программными средами, конструкторами инфографики, учебными математическими апплетами, GPT-чатами и т.д., а также алгоритмы разработки собственных веб-ориентированных ресурсов;

- материалы для текущей и итоговой аттестации (дифференцированные по трем уровням сложности).

Каждая учебная тема, размещенная на авторском ресурсе, состоит из основного материала, дополнительной литературы, заданий для самостоятельного выполнения. Содержательный блок авторского ресурса, обеспечивающего повышение ПКисД учителей математики, имеет **спиралевидную конструкцию из четырех витков**:

- 1) учителя математики под руководством преподавателя осваивают алгоритмы структурирования учебной информации для учащихся II–III ступеней общего среднего образования с использованием возможностей дидактического дизайна (таблицы, блок-схемы и т.д.) и простых веб-ориентированных ресурсов (веб-презентации, онлайн-интерактивные доски и т.д.). Например: «Используя возможности Google Disk, создайте электронную таблицу «Свойства тригонометрической функции $f(x) = \sin x$ » (область определения/значения, четность/нечетность, периодичность, промежутки возрастания/убывания, достижение максимального/минимального значения, интервалы положительных/отрицательных значений, нули функций);

- 2) учебная информация предыдущего витка обогащена алгоритмами решения педагогических задач на основе использования различных существующих веб-ориентированных ресурсов, применения на учебных занятиях по математике информационно емких визуальных изображений (учебные математические апплеты, инфографика, структурно-логические схемы и т.д.) по отдельным учебным темам в готовом виде. Например: «Используя созданную ранее электронную таблицу и возможности онлайн-редактора

<https://canva.com>, создайте инфографику по теме «Свойства тригонометрической функции $f(x) = \sin x$ ». Дополните созданную инфографику ссылками на учебные математические апплеты библиотеки сайта <https://urok.1c.ru.>»;

3) содержание обучения дает возможность учителям математики под руководством преподавателя самостоятельно разрабатывать веб-ориентированные ресурсы, рассматривать различные методические аспекты обучения учащихся навыкам обобщения и структурирования учебной информации по укрупненным темам (логико-смысловые модели, учебные математические апплеты и т.д.), прогнозировать свою педагогическую деятельность в конкретном классе на перспективу. Например: «Используя возможности динамического программного онлайн-сервиса 1С: “Математический конструктор” создайте учебный математический апплет “Тригонометрическая функция (синус)”, в котором отображается график тригонометрической функции вида $f(x) = a \cdot \sin(bx + c) + d$, где a , b , d – параметры со значениями от -5 до 5 , шаг изменения $0,1$, c – параметр со значением от $-\frac{\pi}{2}$ до $\frac{\pi}{2}$, шаг изменения $\frac{\pi}{12}$. Настройте апплет так, чтобы в записи тригонометрической функции $f(x) = a \cdot \sin(bx + c) + d$ отображались значения параметров (коэффициентов) a , b , c , d . Например:

$$f(x) = -\sin\left(2 \cdot x + \frac{\pi}{3}\right) + 1.»;$$

4) предназначен преимущественно для самостоятельного освоения учителями математики способов построения процесса обучения математике с использованием веб-ориентированных ресурсов, что позволяет слушателям самостоятельно обобщить и транслировать свой педагогический опыт коллегам. Например: «Дополните учебный математический апплет $f(x) = a \cdot \sin(bx + c) + d$ еще одним параметром вида $x = e$, где e – параметр со значениями от -5 до 5 , шаг изменения $0,1$. Оформите апплет так, чтобы с его помощью можно было визуализировать решение тригонометрического уравнения вида $a \cdot \sin(bx + c) + d = e$, где a , b , d , e – действительные числа от -5 до 5 , шаг

изменения $0,1$, c – параметр со значением от $-\frac{\pi}{2}$ до $\frac{\pi}{2}$, шаг изменения $\frac{\pi}{12}$. Разработайте сценарий проведения учебного занятия с использованием данных апплетов. Перешлите коллегам для экспертизы разработанный вами апплет и сценарий учебного занятия».

Каждый виток спирали включает в себя несколько слоев: содержательный слой, который представляет собой теоретическое обобщение укрупненных дидактических единиц математического, дидактического и методического знания; информационно-технический слой, содержащий инструкции и алгоритмы работы с доступными ресурсами, а также рекомендации по самостоятельной разработке веб-ориентированных ресурсов, и методический слой, который охватывает методику и технологии использования веб-ориентированных ресурсов на учебных занятиях по математике.

Структурно-логическая схема освоения содержания обучения при ПКисД учителей математики, представлена на рис. 3.

Телеграм-бот «Профессор МГИРО» разработан на основе технологии нейросетей GPT-4, свободно ведет диалог по содержанию учебной программы повышения квалификации учителей математики по теме «Дидактический дизайн в преподавании математики в учреждениях общего среднего образования». Кроме общедоступных баз методической литературы и цифровых образовательных технологий, в телеграм-бот добавлены дополнительные векторные базы: 12 пособий по методике преподавания математики и внешние базы данных, касающиеся применения ИКТ в образовательном процессе.

В целях безопасности и противодействия нарушению нормативных правовых положений, распространению фейков и деструктивной информации, а также с целью соблюдения морально-этических норм педагога алгоритм ИИ телеграм-бота «Профессор МГИРО» жестко ограничен рамками содержания методики обучения математике, психолого-педагогическими требованиями к разработке и внедрению цифровых технологий в образовательный процесс.

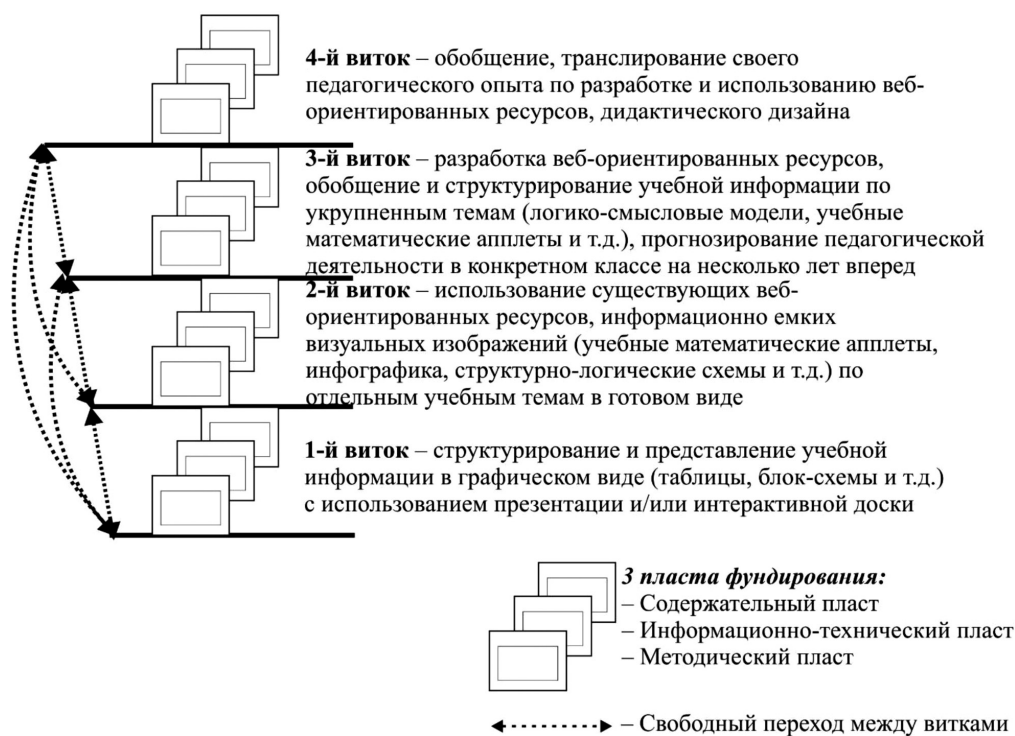

Рис. 3. Структурно-логическая схема освоения содержания обучения учителями математики на веб-ориентированном ресурсе

Fig. 3. Structural and logical diagram of mastering the content of teaching by mathematics teachers on a web-oriented resource

В случае если пользователь попытается задать вопрос, выходящий за рамки ограничений, телеграм-бот выдаст ответ: «Извините, но я не могу обсуждать вопросы, не связанные с методикой обучения математике и цифровыми технологиями. Если у Вас есть вопросы по дидактическому дизайну, преподаванию математики или внедрению цифровых технологий в образовательный процесс, я с радостью помогу Вам!».

Заключение. Искусственный интеллект все прочнее входит во все социально-экономические аспекты жизни человека, в том числе определяет вектор развития цифровизации процессов системы образования. На данный момент еще не в полной мере разрешены психолого-педагогические и морально-этические проблемы, связанные с взаимодействием педагогических работников и особенно учащихся учреждений

общего среднего образования с нейронными сетями. В статье представлено авторское видение возможного разрешения несоответствия между запросом общества в обогащении методического инструментария учителей математики веб-ориентированными ресурсами обучения, включающими современные возможности нейросетей, ИИ, GPT-чатов и мобильных учебных математических апплетов, и недостаточной разработанностью методологического, методического, технологического и технического аспектов данного процесса. Считаем перспективным внедрение разработанной дидактической системы ПКисД учителей математики, направленной на повышение их уровня профессиональных компетенций, в том числе в области цифровых технологий, в систему дополнительного педагогического образования.

Библиографический список

1. Абламейко С.В. Преподавание и использование искусственного интеллекта в высшей школе // Абламейко С.В., Журавков М.А., Бровка Н.В., Абламейко М.С. Вышэйшая школа. 2023. № 3. С. 9–14.
2. Бровка Н.В. Интеграция теории и практики обучения математике как средство повышения качества подготовки студентов. Минск: БГУ, 2009. 242 с.

3. Вольфра С. Как устроен ChatGPT? Полное погружение в принципы работы и спектр возможностей самой известной нейросети в мире. М.: МИФ, 2024. 192 с.
4. Ильин М.В. Проектирование содержания профессионального образования: теория и практика. Минск: РИПО, 2002. 338 с.
5. Ильина Н.Ф., Ильин А.С., Хохлова Е.Э. Посткурсовое сопровождение профессиональной деятельности педагога как условие становления его профессиональных компетенций // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020. № 2. С. 24–32.
6. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение с использованием исследования, игр, дискуссии. Анализ зарубежного опыта. Рига: Пед. центр «Эксперимент», 1995. 176 с.
7. Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Выращивание данных для школьных виртуальных лабораторий // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2021. Т. 18, № 4. С. 347–359. DOI: 10.34612/pres.2021.4.18
8. Позняк А.В. Концептуальные основы и научно-методическое сопровождение формирования у будущих педагогов компетенций для устойчивого профессионального самоопределения. Минск: БГПУ, 2022. 206 с.
9. Прохоров Д.И. История и перспективы развития системы повышения квалификации педагогических работников // Збірник наукових прац Академії післядипломної адукації. 2021. Вып. 19. С. 345–359.
10. Прохоров Д.И. Основные положения дидактической системы повышения квалификации и активизации самообразовательной деятельности учителей математики // Continuum. Математика. Информатика. Образование. 2024. № 4 (36). С. 29–46. DOI: 10.24888/2500-1957
11. Фирсов М.В., Филатова О.Н., Гушин А.В. Опережающие обучение навыкам будущего (Future Skills) посредством разработки компьютерных тренажеров и цифровых ассистентов с искусственным интеллектом // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2020. № 3 (53). С. 11–16.
12. Холмс У., Бялик М., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения. М.: Альпина ПРО, 2022. 304 с.
13. Шкерина Л.В., Шашкина М.Б., Табинова О.А. Выявление и преодоление предметных дефицитов студентов – будущих учителей математики // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 173–192. DOI: 10.32744/pse.2022.4.11
14. Юрченков В., Курганов Д. Что такое искусственный интеллект и где мы встречаемся с ним сегодня? // EduTech. 2022. № 4 (49). С. 5–11.
15. Downes, S. (2024). Bantin’s Speech: Learning Objects. *International Journal of Educational Technologies and Distance Learning*, 1 (11), 3–14. DOI: 10.2472/ijetdl-2024-0001
16. Kotter, J. (2005). *Accelerating change: How to Give Your Organization the Strategic Agility to Succeed in a Fast-Changing World*. Harvard Business Review Press, London. URL: <https://www.perlego.com/book/837130/accelerate-building-strategic-agility-for-a-fastermoving-world-pdf> (access date: 27.01.2025).
17. Krol, E. (2022). *The whole Internet: User’s Guide & Catalog*. Sebastopol (Calif.). URL: <https://www.jstor.org/stable/41308820> (access date: 27.01.2025).
18. Markova, S.M., Tsyplakova, S.A., Sedhuh, E.P., Filatova, O.N., & Khizhnyi, A.V. (2021, January 1 – December 31). University modernization in the conditions of industrialization of production and intelligent machines. In: *Current problems and ways of industry development: equipment and technologies* (Volume 200, pp. 940–947). Springer, Warsaw. DOI: 10.1007/978-3-030-69421-0_104
19. Richardson, T., & John, R. (2023). *Mental Images: A Cognitive Approach*. Taylor & Francis, UK. DOI: 10.1080/14640749108400972b
20. Thompson, J. (2021). *Books in the Digital Age: The Transformation of Academic and Higher Education Publishing in Britain and the United States*. UK. DOI: 9780-74568-326-3

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF IMPROVING THE QUALIFICATION AND ENHANCEMENT OF SELF-EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MATHEMATICS TEACHERS

D.I. Prokhorov (Minsk, Belarus)

N.V. Brovka (Minsk, Belarus)

Abstract

Statement of the problem. The innovative multi-vector process of digital transformation of the system of further pedagogical education poses questions to the scientific community related to the development, implementation, and methodological support of the use of web-oriented resources for advanced training and activation of self-educational activities of mathematics teachers. The article presents the authors' view on the solution of this problem.

The purpose of the article is to determine the directions for resolving the discrepancy between the potentially effective didactic capabilities of modern web-oriented resources as a means of organizing advanced training and activation of self-educational activities of mathematics teachers and the lack of a theoretically sound, internally holistic and logically consistent didactic system for implementing these capabilities in the practice of further training of teachers.

Methodology and research methods: study of philosophical, psychological, pedagogical and methodological literature, historical and genetic approach to identifying the genesis and determining the stages of development of the process of improving the qualifications of mathematics teachers, comparative analysis of educational mathematical applets, questionnaires.

Research results. The article presents a description of the didactic system for improving the qualifications and activating the self-educational activities of mathematics teachers. Definitions are given for the concepts of 'mobile educational mathematical applet' and 'web-oriented learning resource'. The article shows the results of a comparative analysis of mobile applets containing reference information that allow processing mathematical data, solving mathematical problems, and help students to test their knowledge. A chronological line of development of Artificial Intelligence as a direction in science is constructed. The algorithm for working with GPT chat with text and graphic information and performing mathematical calculations is presented and analyzed. A substantive and functional description of the authors' web-oriented resource is given. It is intended to support the training of mathematics teachers during advanced training on the topic "Didactic design in teaching mathematics in general secondary education institutions" and to activate their self-educational activities. It includes a glossary, a feedback form (forum and telegram bot), educational materials (structured in a spiral structure of four turns), examples of fragments of didactic scenarios, a collection of ready-made educational mathematical applets and methodological instructions for their use, fragments of video lessons, materials for current and final certification (differentiated by three levels of complexity).

Conclusion. At the moment, psychological, pedagogical and moral-ethical problems related to the interaction of teaching staff and, especially, students of general secondary education institutions with neural networks have not yet been fully resolved. In this context, we consider it promising to introduce the developed didactic system aimed at increasing the level of professional competencies of mathematics teachers (including the field of digital technologies), into the system of further pedagogical education.

Keywords: *Artificial Intelligence, web-oriented resource, GPT chat, didactic system, mathematics teaching methods, advanced training, self-educational activities, mathematics teachers.*

Prokhorov, Dmitry I. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Minsk City Institute for Education Development (Minsk, Belarus); e-mail: prohorov@minsk.edu.by

Brovka, Natalia V. – DSc (Pedagogy), PhD (Physics and Mathematics), Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus); e-mail: n_br@mail.ru

References

1. Ablameiko, S.V., Zhuravkov, M.A., Brovka, N.V., & Ablameiko, M.S. (2023). Teaching and using artificial intelligence in higher education. *Vysheishaia shkola* [Higher School], 3, 9–14.

2. Brovka, N.V. (2009). *Integratsiya teorii i praktiki obucheniya matematike kak sredstvo povysheniya kachestva podgotovki studentov* [Integration of Theory and Practice of Teaching Mathematics as a Means of Improving the Quality of Student Training]. Minsk.
3. Wolfra, S. (2024). *Kak ustroen ChatGPT? Polnoe pogruzhenie v printsipy raboty i spektr vozmozhnostey samoy izvestnoy neyroseti v mire* [How ChatGPT Works? Full Immersion in the Operating Principles and Range of Capabilities of the World's Most Famous Neural Network]. Moscow.
4. Ilyin, M.V. (2002). *Proektirovanie sodержaniya professionalnogo obrazovaniya: teoriya i praktika* [Designing the Contents of Professional Education: Theory and Practice]. Minsk.
5. Ilyina, N.F., Ilyin, A.S., Khokhlova, Ye. E. (2020). Post-course support for a teacher's professional activity as a condition for the development of his professional competencies. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific Support for the Personnel Advanced Training System], 2, 24–32.
6. Klarin, M.V. (1995). *Innovatsii v mirovoy pedagogike: obuchenie s ispolzovaniem issledovaniya, igr, diskussii. Analiz zarubezhnogo opyta* [Innovations in World Pedagogy: Teaching Using Research, Games, and Discussion. Analysis of Foreign Experience]. Riga.
7. Patarakin, E.D., & Yarmakhov, B.B. (2021). Growing data for school virtual laboratories. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education], 18, 347–359. DOI: 10.34612/pres.2021.4.18
8. Poznyak, A.V. (2022). *Kontseptualnye osnovy i nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie formirovaniya u budushchikh pedagogov kompetentsiy dlya ustoychivogo professionalnogo samoopredeleniya* [Conceptual Foundations and Scientific and Methodological Support for the Formation of Competencies for Sustainable Professional Self-Determination in Future Teachers]. Minsk.
9. Prokhorov, D.I. (2021). History and prospects of development of the system of advanced training of teaching staff. In: *Zbornik navukovykh prats Akademii posliadyplomnai adukatsyi* [Collection of scientific works of the Academy of Postgraduate Education], 19, 345–359.
10. Prokhorov, D.I. (2024). Basic provisions of the didactic system for advanced training and activation of self-educational activities of mathematics teachers. *Continuum. Matematika. Informatika. Obrazovanie* [Continuum. Mathematics, Computer Science. Education], 4 (36), 29–46. DOI: 10.24888/2500-1957
11. Firsov, M.V., Filatova, O.N., & Gushchin, A.V. (2020). Advancing learning of future skills through the development of computer simulators and digital assistants with artificial intelligence. *Izvestiya Baltyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota* [Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet], 3 (53), 11–16.
12. Holmes, W., Byalik, M., & Feidel, Ch. (2022). *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii : perspektivy i problemy dlya prepodavaniya i obucheniya* [Artificial Intelligence in Education: Prospects and Challenges for Teaching and Learning]. Moscow.
13. Shkerina, L.V., Shashkina, M.B., & Tabinova, O.A. (2022). Identifying and overcoming subject deficits of students – future mathematics teachers. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 4 (58), 173–192. DOI: 10.32744/pse.2022.4.11
14. Yurchenkov, V., & Kurganovym, D. (2022). What is Artificial Intelligence and where do we meet it today? *EduTech*, 4 (49), 5–11.
15. Downes, S. (2024). Bantin's Speech: Learning Objects. *International Journal of Educational Technologies and Distance Learning*, 1 (11), 3–14. DOI: 10.2472/ijetdl-2024-0001
16. Kotter, J. (2005). *Accelerating change: How to Give Your Organization the Strategic Agility to Succeed in a Fast-Changing World*. Harvard Business Review Press, London URL: <https://www.perlego.com/book/837130/accelerate-building-strategic-agility-for-a-fastermoving-world-pdf> (access date: 27.01.2025).

17. Krol, E. (2022). The whole Internet: User's Guide & Catalog. Sebastopol (Calif.). URL: <https://www.jstor.org/stable/41308820> (access date: 27.01.2025).
18. Markova, S.M., Tsyplakova, S.A., Seduh, E.P., Filatova, O.N., & Khizhnyi, A.V. (2021, January 1 – December 31). University modernization in the conditions of industrialization of production and intelligent machines. In: Current problems and ways of industry development: equipment and technologies (Volume 200, pp. 940–947). Springer, Warsaw. DOI: 10.1007/978-3-030-69421-0_104
19. Richardson, T., & John, R. (2023). Mental Images: A Cognitive Approach. Taylor & Francis, UK. DOI: 10.1080/14640749108400972b
20. Thompson, J. (2021). Books in the Digital Age: The Transformation of Academic and Higher Education Publishing in Britain and the United States. UK. DOI: 9780-74568-326-3

УДК 37.02

ОЦЕНКА КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

Ю.В. Калегина (Челябинск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы исследования. Необходимость уравнивания значимости формального, неформального, информального видов образования в образовательном процессе, непрерывного обновления, совершенствования всех аспектов образовательного процесса в вузе, экспансия в образовательный процесс слабо контролируемых педагогами цифровых образовательных средств на фоне делегирования полномочий обеспечения безопасности образовательного процесса в нормативных регламентах самим университетам актуализировали проблему оценки когнитивной безопасности образовательного процесса вуза.

Целью статьи является представление диагностической методики оценки когнитивной безопасности образовательного процесса в современном вузе.

Методология и методы исследования. С опорой на превентивную модель развития культуры безопасности, системно-синергетическую концепцию образования, деятельностный, аксиологический и компетентностный подходы на технологическом уровне разработана диагностика когнитивной безопасности образовательного процесса. В технологию вошли: анализ нормативно-методического и информационно-обеспечения образовательного процесса, экспертная оценка когнитивной безопасности компонентов образовательного процесса, беседы с экспертами, выявление уровней когнитивной безопасности.

Результаты исследования. В статье рассмотрена суть оценки, которая состоит в поэтапном взаимодействии педагогов и студентов с целью выявления когнитивных угроз в образовательном процессе с использованием нормативного, научно-социального и технологического критериев когнитивной безопасности, их устранения и совместного соиздания безопасных вариантов образовательного процесса университета. Предложены критерии и показатели когнитивной безопасности образовательного процесса, учитывающие специфику высшего образования, описаны уровни когнитивной безопасности: угрожающий, уязвимый, инертный, развивающий в тесной связи с критериями культуры безопасности выпускника вуза. Описана экспертная оценка как диагностическое средство для выявления степени сформированности критериев когнитивной безопасности. Высокий уровень развития компетенции оценки когнитивной безопасности студентов связан с показателем высокого уровня развития его культуры безопасности. Специфическим условием оценки когнитивной безопасности всех элементов образовательного процесса автор видит совместную деятельность педагогов и студентов в выявлении когнитивных угроз и их преодолении.

Заключение. Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса представляет собой средство решения актуальной проблемы, включающей обеспечение когнитивной безопасности образовательного процесса вуза и развитие компетенции выпускников в оценке когнитивной безопасности образования. Она способствует и развитию всей культуры безопасности студента. Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса осуществляется непрерывно во всех компонентах образовательного процесса: целерезультатном, содержательном, организационно-методическом. Предложенное исследование может служить методическим ориентиром для педагогов вузов, исследователей в области культуры безопасности, методистов учебных центров, специалистов в сфере обеспечения когнитивной безопасности.

Ключевые слова: когнитивная безопасность, критерии и показатели когнитивной безопасности образовательного процесса, уровни когнитивной безопасности образовательного процесса в вузе, диагностика когнитивной безопасности.

Калегина Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск); ORCID ID: 0000-0001-5606-5864; e-mail: kalinayv@susu.ru

Постановка проблемы исследования. Современное состояние культуры безопасности человека обусловило общественное понимание ограниченности традиционной концепции защищенности, делегирующей государству, органам управления профессиональных и социальных организаций (производственных, торговых, иных сообществ) обязанности по обеспечению безопасности, защите своих сотрудников, подопечных и перенос фокуса внимания на способы распределения ответственности за безопасность между государством, профессиональными структурами и самими гражданами.

Особую озабоченность в этой связи у политиков, ученых и общественных деятелей вызывает ситуация с когнитивной безопасностью в сфере образования. Неспособность отвечать на цивилизационные вызовы средствами сложившейся образовательной системы, в психологической основе которой лежит не превентивно-культурная, а виктимно-культурная модель [Поздняков, 2024], а в педагогической – поддерживающее обучение (передача прошлого опыта, а не проективная детерминация будущего), обуславливает поиск новых регуляторов и современного методического обеспечения безопасности образовательного процесса. Эти же вызовы требуют от флагманов образования – университетов – не только обеспечения овладения выпускником фундаментальными основами профессиональной деятельности, но и развития социально значимых личностных качеств, напрямую не связанных с конкретной профессией, что позволит решать межотраслевые задачи безопасности в широком диапазоне видов деятельности.

Все чаще исследователи различных областей безопасности жизнедеятельности, когнитивной безопасности в частности, смещают фокус внимания с защиты, ограждения человека от угроз на подготовку самого человека к выявлению, предотвращению, преодолению угроз [Сухов, 2022; Поздняков, 2024; Кузнецов¹, 2002].

¹ Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе: социологический аспект: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002. 388 с.

Предпосылками этого процесса стало осознание последствий масштабных когнитивных воздействий на сознание современного общества, преимущественно молодежи. Инициаторы деструктивного когнитивного воздействия – сообщества, использующие когнитивные технологии и информационные операции как средство реализации своих интересов и целей. Результаты их деятельности нашли отражение и в сфере образования как удобном канале когнитивных воздействий. В результате такого воздействия дискредитируются цели и традиции учебно-педагогического взаимодействия, искажается содержание образования, повреждаются ценностно-понятийная система, мировоззренческие, научные представления, транслирующие социально приемлемые социокультурные ценности, деформируется направленность мышления обучающихся, логика рассуждений, интерпретация ими исторических, политических событий [Riva et al., 2019; Shulman, Rothman, 2019; Храпов, 2019].

Ведущим средством вредоносного когнитивного воздействия, способного привести к ущербу, становится, по мнению исследователей, дезинформация: она переориентирует элементы сознания, формирующие когнитивную сферу человека (содержание внимания, мышление, память, речь), оказывает «давление» на эмоции и психические процессы, ценностно-мотивационный комплекс личности [Пролегомены..., 2023; Замолоцких и др., 2022; Караяни, 2021]. Указанное «повреждение» отражается в новых деструктивных социальных и профессиональных системах ценностей, отвергающих традиционные, социально приемлемые:

- в убеждениях;
- поведении;
- принятых решениях;
- выборе социальных и профессиональных связей и отношений.

Показателем, симптомом достижения инициаторами целей когнитивного воздействия становится мыследеятельностное истощение получателей информации, на что обращают внимание исследователи разных сфер гуманитарных

наук [Баева, Глазков, 2019; Березина, 2019; Карпова², 2016; Труфанова, 2019]. В образовательной системе уязвимыми для когнитивных угроз прежде всего являются компоненты образовательного процесса: его цели, содержание, формы и методы организации образовательного процесса и оценка результатов, – именно их традиционно относят к объектам когнитивной безопасности [Иванова, Осмоловская, 2009; Калегина, 2022; Тарханова, Харисова, 2018; Уман, 2010].

Проблема противодействия вредоносному когнитивному воздействию отражена во многих документах государственного уровня. Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации³ указывает на необходимость использовать все возможные меры и механизмы повышения культуры безопасности граждан, проведения адаптированной под разные категории граждан Российской Федерации информационной кампании как основного способа повышения культуры информационной безопасности. Ведущим средством решения проблемы названо обучение граждан Российской Федерации новым образцам поведения, основанным на правилах личной информационной безопасности.

В соответствии с Приказом Минобрнауки России от 27 октября 2022 г. № 1041 «Об усилении мер по обеспечению комплексной безопасности образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России»⁴ Департаментом информационной политики и комплексной безопасности декларировано и организовано проведение мероприятий

по вопросам комплексной безопасности вузов, куда органично, как элемент комплекса, входит и когнитивная безопасность.

Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования⁵ в пунктах 2.7 и 6 обращает внимание всех участников образовательного процесса в высшей школе на государственные требования к молодежной политике и воспитательной деятельности в сфере высшего образования, которые выражаются в необходимости педагогического сопровождения процесса формирования у студентов комплекса знаний об основах российской государственности, ценностных константах и ориентирах, вызовах и угрозах будущего.

В статьях 5, 6 и 10 Федерального закона № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁶ не только приведены объекты угрозы – здоровье и физическое, психическое, нравственное развитие, – но и названы признаки содержания образования, причиняющего вред обучающимся, в том числе студентам (детям, старше 16 лет).

Защита компонентов образовательного процесса в высшей школе обеспечена требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. В этих нормативных регуляторах предъявлены требования к целевому аспекту (выраженному в форме требований к результатам обучения), к структуре и условиям образовательного процесса, отражающим, в том числе и безопасные условия организации образовательного процесса и формы взаимодействия участников образовательных отношений. Вместе с тем задача обеспечения

² Карпова Д.Н. Риски непрерывной онлайн-коммуникации: теоретико-методологические подходы к изучению: дис. ... канд. социол. наук: М., 2016. 170 с.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 г. № 4088-р об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/145092/>

⁴ Приказ Минобрнауки России от 27 октября 2022 г. № 1041 «Об усилении мер по обеспечению комплексной безопасности образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orlaXtl.pdf>

⁵ Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М., 2024, 198 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orlaXtl.pdf>

⁶ ФЗ № 436 от 29.12.2010 (ред. от 29.12.2022) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

безопасности важных компонентов образовательного процесса вуза – содержания образования, форм и методов обучения – делегирована самим вузам, обращена преимущественно к педагогам. Очевидно, что для решения этой новой задачи университеты должны уметь не только осуществлять отбор содержания образования, генерировать новое содержание образования, подбирать формы его предъявления безопасным способом, но и решать задачу подготовки студентов к самостоятельному выявлению, предотвращению и преодолению когнитивных угроз, возникающих в разных видах образования.

Исследование, проведенное в ФГАОУ ВО ЮУрГУ, показало, что 80 % респондентов-педагогов предпочли бы делегировать решение этой задачи и связанные с ней коммуникации управлению образованием, поскольку не владеют компетенцией оценки когнитивной безопасности образовательного процесса, методами формирования такой компетенции у студентов. Из 100 опрошенных преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин 64 считают необходимым включать в содержание каждой дисциплины задания, связанные с развитием у студентов общей культуры безопасности и когнитивной безопасности образовательного процесса. Остальные видят решение проблемы в создании и реализации курса или межпредметного модуля, направленного на развитие у студентов компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса.

Ожидание усиления педагогической функции и роли педагогов в обеспечении когнитивной безопасности образовательного процесса и подготовки к реализации этой функции студентов выявлено в социуме: среди родителей, обучающихся, работодателей, общественных организаций, что отражено в психологических и социологических исследованиях [Мкртычан⁷, 2002; Рычихина⁸, 2010].

⁷ Мкртычан Г.А. Психолого-педагогическая экспертиза в образовании: теория и практика: дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2002. 351.

⁸ Рычихина Э.Н. Мониторинг в системе социального управления муниципальным образованием: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010. 392 с.

Таким образом, анализ образовательной и социальной практики, нормативных оснований обеспечения когнитивной безопасности позволяет сделать вывод о сформулированном социальном заказе высшему образованию: выработать новые подходы к содержанию образовательного процесса, формам достижения выпускниками нового результата образования – компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса.

В этой связи подчеркнем, что исследователи отмечают необходимость формировать у студентов когнитивную грамотность работы и в оффлайн, и в виртуальной, и в дополненной средах, а также развивать критическое мышление и способность к критической рефлексии получаемой информации, устойчивость к негативным информационным воздействиям [Маралов, 2018; Меерсон⁹, 2023; Храпов, 2019; Riva et al., 2019].

Отечественные и зарубежные ученые не только акцентируют свои исследовательские усилия на обосновании позитивного влияния цифрового образования, ускоренного и эффективного развития способностей студентов цифровыми средствами [Кисляков, Шмелева, 2023; Луценко, 2014; Чошанов, 2013; Andrews, 2011], но и предупреждают вузы о деструктивных последствиях избыточного увлечения цифровым образованием, негативном программирующем воздействии цифровых технологий путем выявления причинно-следственной связи повышенной когнитивной нагрузки со снижением успеваемости обучающихся, эффекта снижения инициативности в познавательной деятельности, снижения познавательных возможностей, перенасыщенности информацией, трудностей в переключении внимания с фоновой информации на учебную [Джанелли, 2018; Лешкевич, 2022; Chu, 2014; Yang, Raine, 2009; Stemn et al., 2019].

Педагогическая наука долгое время накапливала базу для осмысления предпосылок

⁹ Меерсон А.-Л.С. Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2023. 25 с.

обеспечения педагогами не просто безопасного образовательного процесса в вузе, но и содействующего развитию у студентов компетенций когнитивной безопасности (самостоятельного преодоления когнитивных угроз, проявляющихся в формальном, неформальном и информальном видах образования).

Обеспечению безопасности различных аспектов образования, в том числе в формальном образовании, посвящен ряд работ [Калегина, 2023; Никитина, Казаева, 2010]. Совместное учебно-педагогическое проектирование образовательного процесса, как средство развития культуры безопасности субъектов образования, отражено такими исследователями, как Гафнер [2013], Чумичева, Куликовская, Поддубная [2023], Стемн с соавторами [Stemn et al., 2019]. Учеными были обоснованы компоненты культуры безопасности человека (аксиологический, когнитивный, деятельностный), которые практики образования стали рассматривать как составляющие компетенции выявления когнитивных угроз, их профилактики и преодоления, а уровень развития такой компетенции начали позиционировать как показатель культуры безопасности человека [Калегина, 2022; Меерсон, 2023].

Исследователями обоснована продуктивность развития компетенции обеспечения когнитивной безопасности педагогов вуза и студентов в ходе их взаимодействия в образовательном процессе [Калашникова, 2015; Миронова, 2021; Панина¹⁰, 2001; Тарханова, Харисова, 2018].

Задачи подготовки педагогов и студентов к преодолению когнитивных угроз в ходе образовательного процесса и развития культуры безопасности для педагогов университетов являются новыми; их выполнение совмещено с задачей непрерывного обновления содержания образования и поиском новых форм его представления в вузе, инновационным характером всего образовательного процесса университета: его цифрового наполнения, интеграции с производством, влияния общественно-поли-

тических структур, сдвигов в ценностно-смысловом наполнении содержания образования. Отметим, что современные инновационные процессы в образовании достаточно подробно отражены в исследованиях [Иоффе, Бычкова¹¹, 2021; Котлярова, Сериков 2009; Саидзода, 2019]. В них выявлены тенденции инновационных процессов в образовании и закономерности их протекания; разработано понятийное поле теории педагогических инноваций; установлено, что безопасность новации является атрибутом деятельности педагога, направленной на обновление образовательного процесса. В исследованиях оцениваются возможные меры противодействия когнитивным угрозам, среди которых – развитие технологий подготовки к обеспечению когнитивной безопасности самых широких кругов российского общества, но в первую очередь молодого поколения, студенческой молодежи [Меерсон, 2023; Миронова, 2021; Поярков, 2016]. В современных научных публикациях прослеживается тенденция рассмотрения образовательного процесса как средства, с помощью которого покомпонентно развивается культура безопасности выпускников [Березина, 2019].

В рамках философского осмысления проблемы когнитивной безопасности образования интересна работа Е.М. Калашниковой, в которой дана интерпретация когнитивных угроз как реализации когнитивного воздействия с учетом личностных и психофизиологических уязвимостей, потенциально способствующих реализации негативного воздействия и приводящих к когнитивным деструктивным последствиям [Калашникова, 2015]. Поддерживая эту философскую интерпретацию когнитивных угроз, исследователи в сфере педагогики и психологии называют и другие негативные последствия, среди которых:

- 1) информационное перенасыщение когнитивной сферы;
- 2) угнетение познавательного интереса;

¹⁰ Панина Е.М. Когнитивная наука как комплекс междисциплинарных исследований: автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 24 с.

¹¹ Иоффе А.Н., Бычкова Л.В. Развитие личностного потенциала на занятиях: учеб. пособие. М.: Благотворительный фонд «Вклад в будущее», 2021. 280 с.

3) ухудшение произвольного внимания и памяти;

4) девальвация навыков устной речи;

5) снижение уровня критического мышления;

6) снижение способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта;

7) рост потребности в педагогической навигации.

Представляет интерес педагогическая интерпретация философской идеи обеспечения когнитивной безопасности человека через «превентивно-культурную модель», в которой фокус внимания смещен к культурно-нормативным ориентирам в мерах профилактики когнитивных угроз [Балановский, Подьяконов, Курашов, 2022]. Исследователи делают правомерный вывод о том, что студент выступает в небезопасном образовательном процессе как сознательно-волевое существо и по мере возможностей борется с угрожающими его сознанию воздействиями. Соглашаясь с исследователями и развивая эту идею, мы формулируем задачу для педагога: содействовать студенту в развитии компетенции оценки когнитивной безопасности образования до уровня готовности пользоваться ею в дальнейшей жизни.

В педагогической науке разнообразно представлены модели содействия развитию культуры безопасности (ее элементов) педагога и студента и рассматриваемого нами ее аспекта – когнитивной безопасности. Методическая работа преподавателя связана с экспертно-оценочной деятельностью, отбором актуального, вариативного, но безопасного содержания образования и форм его представления [Козлова, Щеглова, 2015; Макарова, 2018], а также с поиском продуктивных аудиторных и цифровых форм и средств реализации образовательного процесса, направленных на обеспечение сохранности здоровья обучающихся. Проблемы в данном аспекте исследователи видят в неконтролируемом увеличении количества новой, неverified информации, которую студенту необходимо оценить и усвоить, то есть в росте когнитивной нагрузки на студента, связанной с объемом знаний и с качеством информации,

ее безопасностью [Калегина, 2022; Карпова, 2011; Храпов, 2019].

Социально-педагогическим эффектом развития у студентов компетенций оценки когнитивной безопасности исследователи считают своевременное получение от студентов сведений о социальных и профессиональных проблемах в вопросах культуры безопасности: социум ожидает от университета помощи в выработке оптимальных решений [Калегина, 2022; Козлова, Щеглова, 2015; Плотникова¹², 2008].

Результаты изучения предпосылок позволяют утверждать, что когнитивная безопасность образовательного процесса рассматривается исследователями разных сфер науки как социальная проблема, решение которой адресовано прежде всего сфере образования. В этой связи к противодействию когнитивным угрозам, которые носят комплексный, межнаучный характер и отражают усилия как индивидуальных, так и групповых субъектов, целесообразно готовить студентов вузов, как ведущих участников социально-профессиональной практики, еще в ходе образовательного процесса.

Вместе с тем анализ научной литературы позволил выявить и ряд противоречий данного процесса: между социальными ожиданиями и нормативными требованиями обеспечения когнитивной безопасности образовательного процесса в вузе; необходимостью готовить студентов к самостоятельному обеспечению своей когнитивной безопасности и методической небеспеченностью педагогов для выполнения этой задачи; актуализацией в различных сферах науки идей обеспечения когнитивной безопасности и отсутствием педагогической концепции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса вуза как средства подготовки студента к самостоятельному выявлению, предотвращению и преодолению когнитивных угроз.

Наличие противоречий в нормативном поле, теории и практике развития компетенций

¹² Плотникова Н.Ф. Формирование критического мышления студентов вуза в условиях командной формы организации обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2008. 23 с.

оценки когнитивной безопасности выпускников вуза, неполная готовность педагогической науки к разрешению противоречий и обострившиеся потребности педагогической практики обуславливают актуальность проблемы оценки когнитивной безопасности образовательного процесса вуза. Реализация идеи подготовки студентов вуза к самостоятельному выявлению, предотвращению и преодолению когнитивных угроз путем привлечения их к оценке когнитивной безопасности образовательного процесса вуза обусловила необходимость разработки и описания диагностической методики оценки когнитивной безопасности образовательного процесса в современном вузе.

Для достижения поставленной цели автором последовательно представлено решение задач определения критериев, показателей, уровней когнитивной безопасности образовательного процесса и описания этапов взаимодействия педагогов и студентов в оценке их когнитивной безопасности.

Методология и методы исследования. В структуру методологических оснований исследования включены: концепция, подходы к исследованию проблемы оценки когнитивной безопасности образовательного процесса в учебно-педагогическом взаимодействии, а также понятийный аппарат исследования.

Ведущим методологическим основанием решения поставленных в статье задач является концепция (понимаем под концепцией нестрогую теорию, отражающую теоретико-методологическую рамку ведущей идеи автора) совмещения парадигмы педагогического обеспечения когнитивной безопасности образовательного процесса вуза, защиты студентов от потенциальных и явных когнитивных угроз с парадигмой их подготовки к самостоятельному преодолению когнитивных угроз, возникающих в ходе формального, неформального и информального образовательного процесса [Калегина, 2022; Кузнецов, 2002; Меерсон, 2023]. Такая интегративная концепция предполагает выявление всех уязвимых компонентов образовательного процесса, подлежащих защите от когнитивных

угроз, определение границ участия педагога и студента в случае возникновения когнитивно опасной ситуации и искажения образовательной функции объекта защиты, разработку диагностических средств и методических рекомендаций по оценке когнитивной безопасности.

Центральным понятием концепции является понятие когнитивной безопасности как системного свойства интеграции целерезультатного, содержательного, инструментально-методического компонентов образовательного процесса вуза, обеспечивающего педагогическую защиту сознания студентов от когнитивных угроз и развивающего компетенции студентов для самостоятельного их преодоления.

Когнитивная угроза предстает как условие (свойство, следствие деятельности людей, факт, фактор, ситуация, процесс, объект, источник), характеризующееся программирующим когнитивным воздействием, угнетающим сознание человека, искажающим сложившуюся в образовательном процессе научную картину мира, ослабляющим связь мировоззрения человека и системы его личных ценностей с системой социокультурных ценностей, разрушающим социально приемлемые паттерны поведения [Калегина, 2023; Миронова, 2021; Новокшанов, 2015]. Объектами защиты от когнитивной угрозы выступают образовательный процесс и сознание студента.

Ключевым, желаемым результатом совместной учебно-педагогической оценки когнитивной безопасности образовательного процесса в такой методологической рамке является компетенция оценки когнитивной безопасности образовательного процесса и одновременно показатель развитости культуры безопасности студента. Компетенция, как опыт мыследеятельности, формируется последовательно, проходя этапы от осознания студентами когнитивной угрозы каждому из компонентов образовательного процесса через способность студента самостоятельно выявлять источники угроз, оценивать степень угрозы для образовательного процесса к готовности преодолеть, ликвидировать, осуществлять профилактику вредоносного когнитивного воздействия.

Развитие у студента компетенции оценки когнитивной безопасности, на наш взгляд, не происходит в отрыве от других компонентов более общего понятия – культуры безопасности: системы ценностей безопасности, полученных знаний, уже сложившегося опыта безопасного поведения. Поэтому целесообразно компетенции студента по оценке когнитивной безопасности образовательного процесса рассматривать системно, как один из показателей высокого уровня развития культуры безопасности. Поскольку культура безопасности предстает интегративной целостностью трех компонентов: аксиологического, знаниевого и деятельностного, то критерии когнитивной безопасности образовательного процесса целесообразно содержательно и формально определить соответствующим этим компонентам образом: нормативный, научно-социальный и технологический.

Ведущей авторской идеей развития у студента компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса является привлечение его к диагностике когнитивной безопасности учебных дисциплин, реализуемых в образовательном процессе вуза, с последующей совместной выработкой и реализацией мер по преодолению когнитивных угроз. На указанной идее базируется разработка диагностической методики как формы отражения объектов педагогической действительности.

Преобразование идеи учебно-педагогической оценки когнитивной безопасности образовательного процесса вуза в действующие реалии нуждается в более глубокой теоретической проработке, новых научно-педагогических ориентирах. Их выработка базировалась на четырехуровневом методологическом сопоставлении подходов к оценке. На первом уровне методологии были проанализированы подходы общенаучного уровня: системный и синергетический.

Системный подход в исследовании стал способом рассмотрения когнитивной безопасности как системного элемента, признака, нераздельно принадлежащего конкретному объекту – образовательному процессу или его компоненту, который можно обнаружить, рассматривая

этот объект сам по себе или в системе, изучив когнитивную безопасность образовательного процесса университета как целостность ее критериев и показателей в связи с компонентами другой системы – собственно образовательного процесса, системно представить когнитивные угрозы в образовательном процессе. Данный подход позволил представить развитие у студентов компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса системным средством развития культуры безопасности студентов, а сам объект оценки – когнитивную безопасность образовательного процесса – рассматривать как сложную динамическую систему, последовательно упрощая которую, системно изучить цель, содержание, формы и методы оценки когнитивной безопасности образовательного процесса.

Синергетический подход позволил сформулировать идею о рассмотрении компетенции оценки когнитивной безопасности как элемента сложной, нелинейно развивающейся целостности – культуры безопасности. Этот подход стал основой отражения сложной системы учебно-педагогического взаимодействия как средства развития компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса, учета направлений развития культуры безопасности студента, обусловленных внутренними (личностными) или/и внешними (социокультурными, профессиональными, экономическими, политическими и др.) факторами, в том числе и случайными; условием рассмотрения оценки когнитивной безопасности образовательного процесса как непрерывно развивающейся от уровня к уровню целостности, проявляющейся во всех видах образования: формальном, неформальном, информальном; а также в составных частях всей системы образования: основном образовании, самообразовании, образовании через проживание жизненных ситуаций; образовании посредством мышления [Котлярова, Сериков, 2009].

Второй уровень методологии исследования представлен идеями деятельностного участия студентов в оценке безопасности образователь-

ного процесса [Меерсон, 2023; Кузнецов, 2002, Маралов, Фортунатов, Шонин, 2018; Сухов, 2021; Новокшанов, 2015]. В ряде исследований отражены эффекты учебно-педагогического взаимодействия при оценке когнитивной безопасности образовательного процесса вуза как деятельного системного инструмента, содействующего развитию системного же свойства – культуры безопасности в деятельной форме (в форме компетенции). Теоретические выводы о том, что продуктивное обеспечение педагогами когнитивной безопасности образовательного процесса обусловлено деятельной системой ориентации студентов на культуру безопасности как атрибут современного образования [Краснянская, Тылец, 2022; Иванова, Осмоловская, 2009]. Обеспечение включенности студентов в процесс оценки когнитивной безопасности образовательного процесса, побуждение проявления ими компетенций безопасности в социально-профессиональной деятельности, поведении, побуждение к сопротивляемости, активности позитивных самоизменений стали аргументами в пользу применения деятельностного подхода в исследовании. Деятельностный подход служит основой разработки этапов учебно-педагогического взаимодействия в ходе оценки когнитивной безопасности образовательного процесса. Он определил специфику каждого этапа оценки когнитивной безопасности образовательного процесса покомпонентно от цели, содержания, форм, средств до результатов оценки. Подход использован как база для воплощения идеи вовлечения студентов в деятельность по развитию своей культуры безопасности через участие в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса.

На третьем уровне методологии использовались аксиологический и контекстно-компетентностный подходы к развитию культуры безопасности студентов в социально-профессиональной самостоятельной деятельности путем их привлечения к оценке когнитивной безопасности образовательного процесса. Обоснованием применения аксиологического подхода стали исследования [Поярков, 2016, Harrison,

Hantington, 2000], в которых развитие у студентов ценностей безопасности предстает атрибутом всех видов образования человека: не только современного высшего образования (формальное образование), но и неформального и ин-формального образования. В этих изысканиях показано, что наибольшую опасность представляют когнитивные угрозы, направленные на искажение традиционных ценностей, и внедрение ценностей постмодерна, экспансия в образовательный процесс асоциальных эталонов гедонистического поведения. В них предложены меры по противодействию когнитивным угрозам: постоянный мониторинг, оценка и анализ на основе методологии паспортизации воздействий, а также ввод целевых мер на уровне еще потенциальной угрозы когнитивной безопасности личности.

Поскольку, согласно ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹³, «образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения... в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека», то социально ожидаемый результат образовательного процесса выражен в синергии государственно, социально, личностно значимого ценностно-целевого единства интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека. Этот результат должен находить свое отражение в педагогической цели образовательного процесса вуза [Иоффе, Бычкова, 2021]. Баланс целей и ценностей всех субъектов образовательного процесса есть идеальный результат их взаимодействия, выраженный в описании его признаков и способов достижения, детализации и показателей обеспечения когнитивной безопасности образовательного процесса, опирающегося на аксиологическую методологию и направленного на ценностную составляющую образовательной системы.

¹³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012; 273-ФЗ (29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Контекстно-компетентностный подход позволил:

- сориентировать содержание учебно-педагогического взаимодействия в образовательном процессе и оценочной деятельности на отражение связи культурного социально-профессионального контекста с формируемыми компетенциями;

- связать контекст учебно-педагогического взаимодействия в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса с развитием универсальных и профессиональных компетенций студентов в ходе изучения учебных дисциплин;

- рассмотреть компетенцию оценки когнитивной безопасности образования как элемент культуры безопасности выпускника вуза, принятой в профессиональном и социальном обществе;

- представить инициативное пользование компетенциями в социально-профессиональном контексте (в неформальном и информальном образовании) как проявление уровня развития культуры безопасности [Калегина, 2022].

В рамках данного подхода удалось выявить показатели когнитивной безопасности содержания образования, увязав компетенции, отраженные во ФГОС ВО, с трудовыми действиями, содержащимися в профессиональных стандартах, и соотнести с требованиями к содержанию образования (полнота, актуальность, практико-применимость, полезность, научность и др.), показателями безопасности содержательного компонента образовательного процесса.

Подчеркнем, что методологические основания не противоречат друг другу, имея системный, но уровневый фундамент, они позволяют детализировать процесс диагностики когнитивной безопасности образовательного процесса. Положение гипотезы исследования, отраженное в статье, состоит в том, что привлечение студентов к оценке когнитивной безопасности образовательного процесса содействует развитию их культуры безопасности.

Исследователями [Калегина, 2022; Гафнер, 2013; Кузнецов, 2002; Меерсон, 2023] представ-

лен развивающий общую культуру безопасности потенциал совместной учебно-педагогической деятельности по отбору и ревизии безопасного содержания образования и безопасных форм его представления, устных, печатных, цифровых образовательных средств, а способность человека преодолевать когнитивные угрозы в образовательном процессе (в том числе в ходе самообразования) в современных межнаучных исследованиях позиционируется как показатель культуры безопасности человека.

Поскольку в системно-синергетической методологии оценки когнитивной безопасности образовательного процесса, содержание образования представлено системообразующим компонентом образовательного процесса, программирующим когнитивную сферу обучающегося, к показателям когнитивной безопасности содержательного компонента образовательного процесса выдвинуты следующие требования, выявленные и сформулированные автором статьи:

- предварительное педагогическое исследование предпосылок возникновения новых знаний;

- направленность содержания образования на осмысление обучающимися содержания и объема ключевых понятий;

- соответствие содержания образования современному уровню развития науки, культуры и социальных отношений;

- расширение гуманитарной составляющей в содержании и раскрытие общекультурных, ценностных аспектов науки, направленных на освоение обучающимися системы общечеловеческих ценностей;

- связь содержания образования с социально-профессиональной практикой;

- увеличение объема деятельностного компонента содержания образования через включение студентов в процесс самостоятельного получения научного знания.

Работы по современной дидактике и андрагогике [Иоффе, Бычкова, 2021; Ковалева, 2014] позволили конкретизировать педагогические требования именно к компонентам образовательного процесса вуза:

– к содержанию образования – полнота, достоверность, научность, системность, многогранность;

– формам предъявления содержания образования и продуктивным развивающим формам организации образовательного процесса – интерактивность, дискурсивность, игровой характер;

– средствам воздействия на сознание студента – развивающий, созидательный характер; преобладание личных, а не цифровых средств коммуникаций.

В педагогической науке выработан и рекомендуемый арсенал продуктивных методов учебно-педагогического взаимодействия (в том числе педагогического сопровождения самообразования студента): вовлечение студентов в поисковую деятельность по определению понятийного, теоретико-методологического поля своей социально-профессиональной деятельности; групповые методы решения межпредметных задач, связанных с прикладными аспектами науки; задачи на проживание жизненных ситуаций; экспертиза актуальных источников информации, поступающей в образовательный процесс и другие.

Предложенные требования к учебно-педагогическому взаимодействию позволяют анализировать и своевременно отражать в содержании актуальные глобальные и личностные проблемы, осмысленно и уместно пользоваться ключевыми понятиями во взаимосвязи с другими категориями, понимать роль научно-педагогических теорий в системе метанаучных знаний и социально-профессиональной практики, критично оценивать источники новой информации.

Таким образом, выбор и систематизация показателей оценки когнитивной безопасности компонентов образовательного процесса осуществлялся с опорой на достаточно полно разработанный в социальной и гуманитарной науках теоретико-методологический фундамент.

Результаты исследования. Апробация диагностики когнитивной безопасности образовательного процесса осуществлялась в форме последовательных лекционных и практических

занятий и системы самостоятельных заданий в рамках учебной дисциплины или модуля образовательной программы.

На первом этапе в учебный план программы бакалавриата «Техносферная безопасность» и программы специалитета «Пожарная безопасность» была внесена учебная дисциплина «Педагогика безопасности», а в учебный план ООП магистратуры «Техносферная безопасность. Охрана труда» внесена учебная дисциплина «Методическое обеспечение подготовки по вопросам безопасности». Содержание обеих учебных дисциплин отражает единый методический замысел педагогического коллектива кафедры, суть которого в развитии культуры безопасности выпускников вуза путем формирования компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса. Разработка и утверждение рабочей программы дисциплины (далее – РПД) осуществлялись коллективом преподавателей кафедры. С учетом интегративной цели: обеспечить когнитивную безопасность образовательного процесса и развить у студентов компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса – коллективно был разработан модуль «Когнитивная безопасность», в составе которого определены темы лекций, рекомендованы формы проведения практических занятий и аттестационных заданий, проведена экспертиза информационно-методического обеспечения дисциплин (предлагаемой литературы, цифровых образовательных средств). Например, по дисциплине «Педагогика безопасности» были разработаны:

– темы лекций:

1. Когнитивная безопасность: когнитивные угрозы, источники когнитивного риска, объекты и субъекты когнитивной угрозы, следствия реализации когнитивной угрозы.

2. Понятие и явление когнитивной безопасности в образовании.

3. Когнитивная безопасность образовательного процесса в формальном, неформальном, информальном образовании.

4. Меры противодействия когнитивным угрозам в образовании: развитие логики, систем-

ного и критического мышления, выявление манипуляций;

– темы и формы практических занятий и семинаров:

1. Семинар «Признаки когнитивных угроз».

2. Практическая работа «Диагностика когнитивной безопасности содержания образования и форм его предъявления».

3. Практическая работа «Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса».

4. Деловая игра «Экспертиза когнитивной безопасности источников информации».

5. Деловая игра «Анализ нормативных и методических документов, информационных источников документов в сфере образования».

По дисциплине «Методическое обеспечение подготовки по вопросам безопасности» разработаны:

– лекции по темам:

1. Развитие культуры безопасности коллектива.

2. Когнитивная безопасность как показатель культуры безопасности.

3. Понятие и явление когнитивной безопасности в образовании.

4. Когнитивная безопасность образовательного процесса в основном и дополнительном образовании, самообразовании, проживании жизненных ситуаций, мышлении.

5. Компетенции оценки когнитивной безопасности. Оценка когнитивной безопасности образовательных программ.

6. Меры профилактики и противодействия когнитивным угрозам в образовании;

– темы и формы практических занятий и семинаров:

1. Семинар «Применение ретроспективного анализа проблем, законов формальной логики, системного и критического анализа в разработке безопасных образовательных средств».

2. Практическая работа «Оценка когнитивной безопасности текстов просветительских, учебных, деловых лекций, пропагандистских сообщений».

3. Практическая работа «Оценка когнитивной безопасности цифровых образовательных

программ дополнительного профессионального образования».

4. Деловая игра. Конференция «Анализ когнитивной безопасности комплекса методических документов образовательной программы».

На втором этапе были проведены измерения когнитивной безопасности образовательного процесса методом экспертных оценок [Мкртычан, 2002]. Для разработки процедуры экспертной оценки были определены группы экспертов и основания включения эксперта в группу, сформулированы экспертные требования к их компетентности.

В роли экспертов за три года исследовательской работы выступили: преподаватели кафедры БЖД (6 человек), студенты 3-го курса бакалавриата «Техносферная безопасность» (60 человек), 4-го курса специалитета «Пожарная безопасность» (70 человек), 1-го курса магистратуры «Техносферная безопасность» (45 человек). В ходе практических занятий студентами была осуществлена экспертиза когнитивной безопасности дисциплин учебного плана: уже прошедших, идущих и предстоящих в следующих семестрах. Поскольку уровень квалиметрических компетенций у экспертов разный, оценке каждого эксперта был присвоен коэффициент значимости (табл. 1). Студенты выступали с итогом экспертизы на заключительном практическом занятии по соответствующей дисциплине, проведенном в форме деловой игры.

Измерение, оценка показателей и критериев основного параметра – когнитивной безопасности образовательного процесса – увязаны с компонентами образовательного процесса двумя задачами – содействовать защищенности образовательного процесса от когнитивных угроз (меры по их выявлению и обеспечению лежат в сфере ответственности педагога) и развивать у студентов компетенции обеспечения когнитивной безопасности образовательного процесса (меры по их выявлению и обеспечению принимаются в учебно-педагогическом взаимодействии). Ключевым параметром, подлежащим оценке экспертов, стала когнитивная безопас-

Таблица 1

Коэффициенты значимости экспертов

Table 1

Importance rating of experts

Эксперты	Коэффициент значимости экспертного мнения
Преподаватели – представители научных школ и выпускающей кафедры разработчика ООП	3
Преподаватели – представители других дисциплин образовательной программы по направлению «Техносферная безопасность» и конкретных организаций-работодателей	3
Студенты бакалавриата и специалитета	1
Студенты магистратуры	2

ность образовательного процесса по Основной образовательной программе (далее – ООП) подготовки бакалавра и подготовки магистра «Техносферная безопасность» и ООП «Пожарная безопасность» для специалитета.

На втором этапе измерения когнитивной безопасности образовательного процесса осуществлялись всеми экспертами совместно. В учебно-педагогическом взаимодействии поочередно выполнялись следующие действия.

Анализ нормативного, методического, информационного обеспечения образовательного процесса. Эксперты изучают документы, отражающие политику государства, профессиональных отраслей (работодателей), гражданского общества в сфере образования в высшей школе: Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации», Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, Доклад «Государственная политика в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования», Приказ «Об усилении мер по обеспечению комплексной безопасности образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России», ФЗ РФ № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ФГОС ВО и др.

Экспертное выявление, измерение когнитивных угроз и поиск экспертами корректирующих мер в соответствии с выявленными критериями и показателями (нормативными, научно-

социальными и технологическими) в контексте неформального и информального видов образования, реализуемых в социально-профессиональной деятельности студентов.

Выбор экспертами целесообразных для развития компетенций оценки форм аудиторной и внеаудиторной работы.

При изучении и сопоставлении материалов эксперты проводят субъективное измерение когнитивной безопасности образовательного процесса, фиксируя при выявлении в целерезультатном компоненте исследуемого образовательного процесса:

- несоответствие целей, отраженных в РПД, требованиям ФГОС ВО, содержания и форм образовательного процесса политике государства в сфере высшего образования;

- нарушение преемственности в традициях отечественной высшей школы, в ожиданиях социума и работодателя; их подмена представлениями о равноценности всех стилей и способов жизни;

- подмены направленности образовательного процесса с развития у студентов потребности в служении (делу, Отечеству) на исключительно самореализацию;

- целевую ориентацию на принципы постмодернизма, связанные с выбором трансформации, преобразования себя, конформизма, взамен принципиальности, сохранения сущности, развития;

- отсутствие нормативного обеспечения учебно-педагогического взаимодействия в вузе.

Экспертами были выявлены и зафиксированы следующие проблемы в содержательном компоненте когнитивной безопасности образовательного процесса:

- примат ориентации студентов на реализацию только личных амбиций над направленностью образовательного процесса на получение студентами опыта интеллектуального переживания;

- перенос в конспектах лекций, планах семинаров, практических работ ориентации с формирования социально приемлемых убеждений, профессиональной экспертной позиции, профессиональных и личных принципов на формирование навыка пассивного согласия с конъюнктурными решениями;

- подмена направленности учебных заданий на развитие опыта инициативного поиска лучшего решения на согласие с готовым решением;

- подмена объективной, структурированной, полной информации фальсифицирующей информацией, дезориентирующей, дискредитирующей, дезорганизующей и с неverified фактами; использование двойных стандартов в оценке.

Одновременно эксперты фиксировали в инструментально-методическом компоненте образовательного процесса (в формах учебных занятий и аттестационных мероприятиях) подмены:

- точного знания на поверхностную осведомленность;

- проверенных достоверных источников на расхожие мнения из популярных поисковых систем;

- понимания на память, согласие с распространенной в практике моделью;

- логики, здравого смысла на мемы, автоматизмы и бездумное следование предложенной инструкции;

- профессионального мастерства на ограниченный список частных компетенций.

Результат субъективного измерения оформляется экспертом в форме экспертной записки, в которой размещено резюме эксперта с его личным впечатлением: положительным (присваивается 3 балла всей когнитивной безопасности образовательного процесса) или негативным (присваивается 0 баллов).

Разработка педагогических мер содействует инициативности и самостоятельности студентов в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса.

В ходе проведения измерений повышается уровень компетенции оценки когнитивной безопасности у экспертов. Их опыт обогащается:

1) личными впечатлениями об учебно-педагогическом взаимодействии при целеполагании (разработке компетентностной модели выпускника и ее детализации в РПД, учебного плана всей ООП);

2) выявлением уязвимых для когнитивных угроз аспектов образовательного процесса;

3) оценкой безопасности актуальных в социально-профессиональном контексте теоретических знаний по темам дисциплины, практических задач, проблем, ситуаций; оценкой доли «отложенных» форм занятий;

4) выработкой предложений по реализации безопасных форм проведения учебных занятий, адекватных целям и содержанию проекта, последовательности и объему каждого содержательного модуля;

5) осведомленностью о безопасных источниках информации, используемых в образовательном процессе.

На третьем этапе эксперт оценивает когнитивную безопасность трех компонентов образовательного процесса. Экспертные измерения и оценки когнитивной безопасности каждого показателя по трем критериям когнитивной безопасности образовательного процесса обобщены в единую диагностическую методику.

Основным средством оценки является опросный лист эксперта, куда включены критерии когнитивной безопасности к каждому компоненту образовательного процесса с предложенными показателями и балльно-уровневой шкалой. К опросному листу прилагается набор документов нормативного и методического характера: ФГОС ВО, РПД, перечень источников информации.

Поскольку ключевой параметр оценки, когнитивная безопасность, она, как интегративная характеристика, вбирает в себя сразу несколько сложных специфических признаков – критериев. Ими стали нормативный, научно-социальный и профессионально-технологический критерии (табл. 2). Каждый из критериев содержательно сопоставляется с соответствующими компонентами образовательного процесса: целерезультатным, содержательным, инструментально-методическим, а затем при уровненом описании результатов оценки – с компонентами культуры безопасности (аксиологическим, знаниевым, деятельностным). Все позиции, подлежащие экспертной оценке, оцениваются по четырехбалльной шкале от 0 до 3 баллов в соответствии со степенью выраженности признака. По каждому критерию эксперт

может присвоить от 0 (низкий, негативный) до 3 (высокий, позитивный) баллов в соответствии со следующими правилами:

- все показатели, относящиеся к критерию, ярко выражены, отражены в методических документах – весь критерий получает 3 балла;
- хотя бы один из показателей слабо выражен, но все они отражены в методических документах – весь критерий получает 2 балла;
- хотя бы один из показателей критерия отсутствует, нет информации о нем в методических документах, нельзя сложить мнение – весь критерий получает 1 балл;
- хотя бы один из показателей критерия негативно выражен, представлен своим антиподом, его выражение прямо противоречит требованиям документов – весь критерий получает 0 баллов.

Таблица 2

Критерии и показатели когнитивной безопасности образовательного процесса

Table 2

Criteria and indicators of cognitive safety of an educational process

Компоненты образовательного процесса	Показатели когнитивной безопасности образовательного процесса
1	2
Нормативный критерий когнитивной безопасности образовательного процесса	
Целерезультатный	Соответствие целей единого методического замысла образовательного процесса вуза нормативным документам: ФЗ «Об образовании в РФ», Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, Докладу о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, Приказу «Об усилении мер по обеспечению комплексной безопасности образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России», ФГОС ВО и др. Соответствие целей дисциплины, отраженных в РПД, целям ООП, требованиям к целеполаганию: актуальность, достижимость, измеримость, полнота целей образовательного процесса
Содержательный	Соответствие образовательного процесса по реализации ООП и каждой дисциплине времени, отведенному согласно учебному плану и ФГОС ВО. Соответствие содержания образования социальному заказу, ФГОС ВО и, если есть, Примерным образовательным программам
Инструментально-методический	Соблюдение единообразия в применении методологии, терминологии, зафиксированных в ФГОС ВО, профессиональных стандартах и других документах ВО. Соответствие структуры, форм и методов реализации образовательного процесса требованиям п. 2 ФГОС ВО

Окончание табл. 2

1	2
Научно-социальный критерий когнитивной безопасности образовательного процесса	
Целе-результативный	<p>Научно-практическая, социальная, нормативная актуальность.</p> <p>Полезность, приложимость ожидаемых результатов в социальной и профессиональной практике.</p> <p>Учет в целях ООП ВО и РПД целей педагогов, студентов, работодателей, социума</p>
Содержательный	<p>Целостное отражение в содержании учебных дисциплин научных и социальных задач образования.</p> <p>Научная и практическая значимость каждой дисциплины.</p> <p>Соответствие содержания дисциплин задачам эффективного развития личности студента и формирования у него готовности к самостоятельной социально-профессиональной деятельности.</p> <p>Потенциал полного удовлетворения познавательного интереса студента.</p> <p>Воспитательная направленность содержания дисциплины.</p> <p>Соответствие содержания дисциплин системе социокультурных ценностей (ценности соборности, духовности, справедливости, державности), профессиональных ценностей.</p> <p>Соответствие содержания дисциплины ценностям и нормам научной этики и этики учебно-педагогического взаимодействия.</p> <p>Степень влияния содержания дисциплины на развитие критического, аналитического, системного, логического мышления</p>
Инструментально-методический	<p>Применение форм, методов открытой научной дискуссии и социального, учебно-педагогического диалога в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса.</p> <p>Преобладание методов убеждения, доказательства, сравнительного анализа, эмпирической проверки в обосновании достоверности содержания образования по дисциплине над манипуляционными методами.</p> <p>Применение достоверных информационных источников, научно-обоснованных теорий и концепций</p>
Технологический критерий когнитивной безопасности образовательного процесса	
Целе-результативный	<p>Детализация в целях обучения и воспитания по темам дисциплины целей общего методического замысла по образовательной программе</p>
Содержательный	<p>Авторитетность, безопасность источника нового содержания образования по дисциплине.</p> <p>Соответствие форм организации занятий по учебной дисциплине учебно-методической и материальной базе вуза.</p> <p>Учет в содержании образования истории, отечественного и зарубежного опыта, многоаспектное рассмотрение изучаемых проблем.</p> <p>Соответствие сложности содержания образования требованиям к выпускникам и возможностям студентов.</p> <p>Достоверность, разработанность теоретической базы содержания.</p> <p>Полнота, непротиворечивость, логика, системность изложения фактов в методических материалах и в образовательном процессе, качество аргументации</p>
Инструментально-методический	<p>Соблюдение принципов педагогической этики и культуры общения в учебно-педагогическом взаимодействии.</p> <p>Баланс индивидуальной и групповой работы в образовательном процессе.</p> <p>Гармоничное сочетание активных, пассивных, интерактивных методов образования.</p> <p>Применение методов систематизации имеющихся представлений и опыта у студента, презентации корректных способов социально-профессиональной деятельности, ориентации в массиве источников информации.</p> <p>Здоровьесберегающий характер применения цифровых образовательных средств.</p> <p>Совмещение индивидуальных и групповых форм организации образовательного процесса.</p> <p>Опыт применения методов само- и взаимоконтроля в обеспечении когнитивной безопасности образовательного процесса.</p> <p>Баланс наглядно отчужденных и отложенных во времени форм учебно-педагогического взаимодействия с личным своевременным форматом.</p> <p>Компетентность преподавателя в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса</p>

Оценка нормативного критерия экспертами осуществляется путем сопоставления обобщенных требований нормативных регуляторов с показателями критерия. Эксперт выставляет балл от 0 до 3 за наличие и степень выраженности показателей.

Научно-социальный критерий эксперты оценивают по результатам сопоставления методического наполнения курса: конспекты лекций, презентации, планы семинаров и практических работ, образцы учебных заданий, вопросы к зачету и экзамену, темы исследовательских работ студентов, информационно-методическое обеспечение образовательного процесса и показателей критерия. В итоге эксперты выставляют балл от 0 до 3 за наличие и степень выраженности показателей научно-социального критерия.

Оценка экспертами технологического критерия требует исследования результатов образования, аттестационных мероприятий, сочинений, эссе, рефератов, докладов, статей. В его показа-

телях отражены различные приемы реализации единого методического замысла образовательного процесса, снижающие риск категоричных, экстремальных явлений в образовании. Поэтому показатели преимущественно сформулированы через метафоры деятельного баланса, процессуальной гармонии, учета практикоприменности, совмещения опыта отдельных действий в компетентности, полноты и интегративности. Далее эксперты выставляют балл от 0 до 3 за наличие и степень выраженности показателей технологического критерия.

Все оценки критериев, данные экспертами каждой группы, суммируются, умножаются на коэффициент значимости эксперта. Далее находится средневзвешенное значение оценки каждого критерия и суммарный балл по всему параметру – когнитивной безопасности, к нему добавляется средний балл субъективной оценки эксперта. Итоговое значение ставится в соответствии с интервалом на уровневой шкале (табл. 3).

Таблица 3

Балльно-уровневое распределение оценки критериев

Table 3

Point-level distribution of criteria

Группа экспертов	Уровень когнитивной безопасности	Уровень представления нормативного критерия	Уровень представления научно-социального критерия	Уровень представления технологического критерия	Выявленные дополнительные данные
Группа экспертов-педагогов	0–30	0–9	0–9	0–9	0–3
Группа экспертов-студентов	0–12	0–3	0–3	0–3	0–3
Группа экспертов-преподавателей смежных дисциплин	0–21	0–6	0–6	0–6	0–3
Общая экспертная оценка	0–57	0–18	0–18	0–18	0–3

Интерпретация суммарных баллов через уровневые характеристики осуществляется в соответствии с правилом:

– угрожающий (низкий) уровень когнитивной безопасности присваивается, если итоговый балл попадает в интервал [0–12). Уровень указывает на выраженный негативный характер воздействия образовательного процесса на когни-

тивную сферу студента, на отсутствие внимания педагога к когнитивной безопасности образовательного процесса;

– уязвимый (средний) уровень когнитивной безопасности присваивается, если итоговый балл попадает в интервал [13–27). Уровень указывает на сложившуюся в образовательном процессе благоприятную среду для негативного

воздействия, отсутствие эффективных системных инструментов для своевременного выявления и устранения педагогом когнитивных угроз в образовательном процессе;

– инертный (выше среднего) уровень когнитивной безопасности присваивается, если итоговый балл попадает в интервал [28–45]. Уровень указывает на защищенность образовательного процесса от когнитивных угроз административно-педагогическими усилиями;

– развивающий (высокий) уровень когнитивной безопасности присваивается, если итоговый балл попадает в интервал [45–57]. Уровень указывает на защищенность образовательного процесса от когнитивных угроз учебно-педагогическими усилиями, сформированность у педагогов и студентов компетенций оценки когнитивной безопасности всех компонентов образовательного процесса, педагогическое содействие развитию у студентов компетенций обеспечения когнитивной безопасности своего образования.

В результате оценки всех критериев и описания уровней характеристик можно получить интегрированную картину когнитивной безопасности образовательного процесса по каждой учебной дисциплине ООП.

На четвертом этапе в ходе совместного обсуждения экспертами уровня когнитивной безопасности по дисциплине вырабатываются коррекционные меры, направленные на устранение когнитивных угроз.

Поскольку у студентов есть электронный доступ ко всем РПД ООП, то им рекомендуют перед началом изучения любого курса проводить такую оценку. Это позволит развивать компетенции оценки когнитивной безопасности образовательного процесса и культуры безопасности в целом, обсуждать и своевременно реализовывать коррекционные мероприятия. Результаты оценки могут стать основаниями для педагогических и управленческих решений, связанных с повышением когнитивной безопасности образовательного процесса вуза.

Апробация методики проводилась в течение 3 лет на базе кафедры БЖД ЮУрГУ. Экспертной оценке когнитивной безопасности подлежали три дисциплины: «Введение в специальность», «Педагогика безопасности», «Методическое обеспечение подготовки по вопросам безопасности». Всего в роли экспертов выступил 181 преподаватель и студент.

Обобщенные результаты апробации приведены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты трехлетней апробации

Table 4

Results of the three-year testing

Годы	Целе-результатный компонент [0–18] баллов	Содержательный компонент [0–18] баллов	Инструментально-методический компонент [0–18] баллов	Средний балл субъективной оценки [0–3] баллов	Итоговый балл экспертной оценки [0–57] баллов	Уровень когнитивной безопасности
2021–2022	7	5	9	0	21	Уязвимый [13–27]
2022–2023	12	8	10	0	30	Инертный [27–45]
2023–2024	15	9	15	3	42	Инертный [27–45]

Анализ результатов показал рост уровня когнитивной безопасности образовательного процесса. Рост преимущественно обусловлен приращением баллов в целерезультатном и

инструментально-методическом компонентах, что свидетельствует о повышении компетентности и студентов, и преподавателей в обеспечении когнитивной безопасности образо-

вательного процесса. Тревожным является слабый рост уровня содержательного компонента, что указывает на необходимость разработки органами управления образованием и представления педагогам единых (возможно, в форме внесения их в ФГОС ВО) ориентиров в выборе безопасного содержания образования.

Автор планирует провести диагностику уровня развития компетенции оценки когнитивной безопасности у студентов путем измерения ее у выпускников вуза, прошедших обучение по данной методике. Интерес представляет их готовность и умение пользоваться этой компетенцией в профессиональной и социальной деятельности в рамках неформального и информального образовательных процессов.

Заключение. Современный образовательный процесс осуществляется в условиях изменяющейся системы образования, подвергающейся когнитивным угрозам. В статье показано, что современное высшее образование не только требует непрерывного обновления всех компонентов образовательного процесса, но и вместе с тем испытывает угрожающие последствия усиления цифровой составляющей обновляемых компонентов. Раскрыт смысл когнитивной безопасности образования. Описаны характерные проявления когнитивных угроз в образовательном процессе университета, их взаимосвязь с деформацией всей культуры безопасности человека, поставлены актуальные задачи развития у студентов университетов компетенций оценки когнитивной безопасности образовательного процесса.

Показано, что обновление образовательного процесса в высшей школе безопасным образом возможно лишь на новых научных и методических основаниях, что позволит снизить когнитивные угрозы, приводящие к разрушающим изменениям сознания, поведения, мировоззрения студента. Предложена технология оценки когнитивной безопасности образовательного процесса, разработанная на основе концепции, совмещающей защиту и подготовку студентов к обеспечению когнитивной безопас-

ности образования. Студент и педагог признаны системо-образующими звеньями развития культуры безопасности в образовательном процессе.

Разработанная и обоснованная диагностическая методика оценки когнитивной безопасности образовательного процесса в современном вузе представляет собой педагогическое средство содействия развитию культуры безопасности (интегративной целостности аксиологического, когнитивного и деятельностного компонентов) студентов.

Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса осуществляется непрерывно и одновременно во всех компонентах образовательного процесса: целерезультатного, содержательного, организационно-методического, она способствует развитию как компетенции когнитивной безопасности студента, так и всей культуры его безопасности.

Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса представляет собой поэтапное взаимодействие педагогов и студентов с целью выявления и устранения когнитивных угроз в образовательном процессе и совместного создания безопасных вариантов образовательного процесса в университете. Организация взаимодействия педагогов и студентов в оценке когнитивной безопасности образовательного процесса инициативно осуществляется педагогом в ходе занятий по учебному модулю «Когнитивная безопасность». Интеграция индивидуальных экспертных оценок когнитивной безопасности образовательного процесса педагогами и студентами может быть основой обобщенной оценки когнитивной безопасности всего образовательного процесса в университете.

Проведенное исследование может служить методическим ориентиром для преподавателей вузов, исследователей в области культуры безопасности, методистов учебных центров, других специалистов, занимающихся вопросами оценки и обеспечения когнитивной безопасности образовательного процесса вуза.

Библиографический список

1. Баяева Л.В., Глазков А.П. Практическая философия: от классики – до информационного социума. Всероссийская научная конференция // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2019. Т. 23, № 1. С. 94–100.
2. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29–43.
3. Балановский В.А. Подьяконов В. Новый подход к формированию концепции безопасности // Системы безопасности, 2022. № 4. С. 46–47.
4. Гафнер В.В. Культура безопасности: аналитический обзор диссертационных исследований (педагогические исследования, 2002–2012 гг.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 200 с.
5. Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях: пер. с англ. // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 81–98.
6. Замолоцких Е.Г., Калегина Т.В., Лихачева Э.В., Огнев А.С. Пути повышения когнитивной безопасности современного образования // Мир образования – образование в мире. 2022. № 04. С. 74–80.
7. Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Дидактика в информационном обществе // Педагогика. 2009. № 10. С. 8–15.
8. Калашникова Е.М. Философия риска как насущная проблема междисциплинарного познания // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1. С. 11–18.
9. Калегина Ю.В. Исследование ценностных ориентиров развития культуры безопасности студентов // Безопасность жизнедеятельности. 2022. № 4 (256). С. 46–56.
10. Калегина Ю.В. Особенности развития культуры безопасности сотрудников организации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2023. № 1 (63). С. 53–69.
11. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3–14.
12. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 8–18.
13. Ковалева Т.М. Антропологический взгляд на современную дидактику // Совет ректоров. 2014. № 5. С. 53–56.
14. Козлова Н.В., Щеглова М.С. Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 34–49.
15. Котлярова И.О., Сериков Г.Н. Системно-синергетическая концепция гуманно ориентированного научно-образовательного процесса // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2009. Вып. 2, № 4 (137). С. 9–13.
16. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 4–9.
17. Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2022. № 3. С. 53–63.
18. Луценко Л.М., Луценко Ю.В. Реализация потенциала личности в информационном обществе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 6. С. 270–278.

19. Макарова Н.С. Деятельность преподавателя вуза в условиях стандартизации высшего образования // Человек и общество в нестабильном мире: матер. Международ. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Омск. юридической академии, 2018. С. 80–84.
20. Маралов В.Г., Фортунатов А.А., Шонин М.Ю. Позиции взаимодействия студентов в контексте проблем обеспечения психологической безопасности личности // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 196–210.
21. Миронова Н.Г. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление. 2021. № 1 (157). С. 119–125.
22. Никитина Е.Ю., Казаева Е.А. Партисипативный подход как методический регулятив педагогической концепции развития гражданской позиции будущего учителя // Вестник ЧГПУ. 2010. № 1. С. 162–170.
23. Новокшанов О.Н. Когнитивная безопасность и информационно-аналитическое противодействие // Право и государство: теория и практика. 2015. № 9. С. 132–137.
24. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 1. С. 44–58.
25. Поярков С.Ю. Идеологическая безопасность государственной власти // NovalInfo. 2016. № 54. С. 237–242. URL: <https://novainfo.ru/article/8455> (дата обращения: 23.11.2024).
26. Прологомены когнитивной безопасности: кол. монография / под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2023. 488 с.
27. Саидзода М.С. Сущность инновационных процессов в сфере образования // Ученые записки. 2019. № 156-3 (60). 2019. С. 151–155.
28. Сухов А.Н. Безопасность личности: теоретико-практический аспект // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9, № 3 (34). С. 229–237.
29. Тарханова И.Ю., Харисова И.Г. Образовательные технологии формирования универсальных компетенций студентов вуза // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 136–145.
30. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1 (16). С. 4–21.
31. Уман А.И. Теория обучения: от традиционной к антропологической дидактике // Педагогика. 2010. № 1. С. 22–30.
32. Храпов С.А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88–95.
33. Чошанов М.А. Е-дидактика: новый взгляд на теорию обучения в эпоху цифровых технологий // Образовательные технологии и общество. 2013. № 3. С. 684–696.
34. Чумичева Р.М., Куликовская И.Э., Поддубная Т.Н. Культура безопасности деятельности как педагогическая проблема // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 3. С. 99–107. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107>
35. Andrews, R. (2011). Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts. *Journal for Educational Research Online*, 3 (1), 104–121. URL: https://www.researchgate.net/publication/277116123_Does_e-learning_require_a_new_theory_of_learning_Some_initial_thoughts (access date: 26.04.2024).
36. Backes, O., & Swab, A. (2019). *Cognitive warfare: The Russian threat to election integrity in the Baltic States*. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-11/>
37. Chu, H.-C. (2014). Potential negative effects of mobile learning on students' learning achievement and cognitive load. A format assessment perspective. *Journal of Educational Technology & Society*,

- 17 (1), 332–344. URL: https://www.jstor.org/stable/jeductechsoci.17.1.332?seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 26.06.2024).
38. Harrison, L., & Huntington, S. (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. Basic Books, N.Y. DOI: 10.1525/aa.2002.104.3.978
39. Riva, P. et al. (2019). Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex. *Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience*, 19 (4), 797–810. DOI: 10.3758/s13415-018-00664-1
40. Shulman, R.G., & Rothman, D.L. (2019). A non-cognitive behavioral model for interpreting functional neuroimaging studies. *Frontiers in Human Neuroscience*, 13 (28), 18. DOI: 10.3389/fnhum.2019.00028
41. Stemn, E. et al. (2019). Examining the relationship between safety culture maturity and safety performance of the mining industry. *Safety Science*, 113, 345–355. DOI: 10.1016/j.ssci.2018.12.008
42. Yang, Y, & Raine, A. (2009). Prefrontal structural and functional brain imaging findings in antisocial, violent, and psychopathic individuals: a meta-analysis. *Psychiatry Research*, 174 (2), 81–88. DOI: 10.1016/j.psychresns.2009.03.012

COGNITIVE SAFETY ASSESSMENT OF UNIVERSITY EDUCATIONAL PROCESS

Yu.V. Kalegina (Chelyabinsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The need to balance the importance of formal, informal, and nonformal types of education in the educational process of a person, continuous updating, improvement of all aspects of educational process at the university, expansion into the educational process of digital educational means poorly controlled by teachers against the background of delegating the authority to the universities themselves to ensure the safety of the educational process in regulatory regulations – all this has actualized the problem of assessing cognitive safety of the educational process at the university.

The purpose of the article is to present a diagnostic methodology for assessing cognitive safety of an educational process in a modern university.

Methodology (materials and methods). Based on the preventive model of the development of safety culture, the systemic-synergetic concept of education, and activity, axiological and competence approaches at the technological level, a diagnostic assessment of cognitive safety of an educational process was developed. The technology includes: analysis of the regulatory, methodological, and information support of an educational process, expert assessment of cognitive safety of the components of an educational process, conversations with experts, and identification of levels of cognitive safety.

Research results. The article considers the essence of assessment, which consists in a phased interaction of teachers and students in order to identify cognitive threats in the educational process using the normative, scientific, social and technological criteria for cognitive safety, their elimination and joint creation of safe options for the university educational process. Criteria and indicators of the cognitive safety of an educational process, taking into account the specifics of higher education, are proposed, the levels of cognitive safety are described: threatening, vulnerable, inert, developing in close connection with the criteria of the safety culture of a university graduate. An expert assessment is described as a diagnostic tool for detecting the degree of formation of cognitive safety criteria. A high level of development of competence in assessing the cognitive safety of students is associated with an indicator of a high level of development of its safety culture. A specific condition for assessing the cognitive safety of all elements of the educational process in educational and pedagogical interaction is seen by the author in joint activities of teachers and students to identify cognitive threats and overcome them.

Conclusion. Assessment of cognitive safety of an educational process is a means of solving an urgent problem, ensuring cognitive safety of the university educational process and developing the competence of graduates in assessing the cognitive safety of education. It also contributes to the development of the entire culture of student safety. Assessment of cognitive safety of an educational process is carried out continuously in all components of the educational process: end-result, content, organizational, and methodological. The proposed study can serve as a methodological guideline for university teachers, researchers in the field of safety culture, training center methodologists, and specialists in the field of cognitive safety.

Keywords: *cognitive safety, criteria and indicators of cognitive safety of an educational process, levels of cognitive safety of the university educational process, pedagogical diagnostics of cognitive safety.*

Kalegina, Yulia V. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Life Safety, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia); ORCID ID: 0000-0001-5606-5864; e-mail: kaleginayv@susu.ru

References

1. Bayeva, L.V., & Glazkov, A.P. (2019). Practical philosophy: from the classics to the information society. All-Russian Scientific Conference. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Philosophy], 23 (1), 94–100. DOI: 10.22363/2313-2302-2019 23-1-94-100
2. Berezina, T.N. (2019). Emotional safety of the educational environment and cognitive processes. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern Education], 3, 29–43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191
3. Balanovskiy, V.A., & Podyakov, V. (2022). New approach to safety concept development. *Sistemy bezopasnosti* [Security Systems], 4, 46–47. URL: https://cs.groteck.ru/SS_4_2022/46/ (access date: 29.11.2024).

4. Gafner, V.V. (2013). *Kultura bezopasnosti: analiticheskiy obzor dissertatsionnykh issledovaniy (pedagogicheskie issledovaniya, 2002–2012 gg.* [Safety culture: an analytical review of dissertation research (pedagogical research, 2002–2012)].
5. Dzhaneli, M. (2018). E-learning in theory, practice and research. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 4, 81–98. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-4-81-98>
6. Zamolotskikh, E.G., Kalegina, T.V., Likhacheva, Ye.V., & Ognev, A.S. (2022). Ways to improve the cognitive safety of modern education. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [The World of Education – Education in the World], 4, 74–80. DOI: [10.51944/20738536_2022_4_74](https://doi.org/10.51944/20738536_2022_4_74)
7. Ivanova, E.O., & Osmolovskaya, I.M. (2009). Didactics in the information society. *Pedagogika* [Pedagogy], 10, 8–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13046238> (access date: 21.11.2024).
8. Kalashnikova, E.M. (2015). Risk philosophy as a pressing issue of interdisciplinary cognition. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No 3. Humanities and Social sciences], 1, 11–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-riska-kak-nasuschnaya-problema-mezhdistsiplinarnogo-poznaniya>
9. Kalegina, Yu.V. (2022). Research for value guidelines for the development of student safety culture. *Bezopasnost zhiznedeyatel'nosti* [Life Safety], 4 (256), 46–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48339633> (access date: 01.10.2024).
10. Kalegina, Yu.V. (2023). Features of safety culture development among corporate employees. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev], 1 (63), 53–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50435485> (access date: 01.10.2024).
11. Karayani, A.G., & Karayani, Yu.M. (2021). Information and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 1 (41), 3–14. DOI: [10.11621/npj.2021.0101](https://doi.org/10.11621/npj.2021.0101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (access date: 07.03.2024).
12. Kislyakov, P.A., & Shmeleva, E.A. (2023). Conceptual approaches and methods for diagnosing psychological safety abroad. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern Foreign Psychology], 12 (3), 8–18. DOI: [10.17759/jmfp.2023120301](https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120301)
13. Kovaleva, T.M. (2014). Anthropological view of modern didactics. *Sovet rektorov* [Council of Rectors], 5, 53–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22138223> (access date: 02.12.2024).
14. Kozlova, N.V., & Shcheglova, M.S. (2015). Correlation of the level of critical thinking and psychological safety of students of higher education. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 57, 34–49. DOI: [10.17223/17267080/57/3](https://doi.org/10.17223/17267080/57/3)
15. Kotlyarova, I.O., & Serikov, G.N. (2009). Systematic and synergetic conception of human education. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [SUSU Bulletin. Series: Education. Pedagogical sciences], 2–4 (137), 9–13. URL: <https://elibrary.ru/kuxxfv> (access date: 02.12.2024).
16. Krasnyanskaya, T.M., & Tylets, V.G. (2022). Building the concept of personal security in the psychological space of modern challenges. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Works of the Moscow University for the Humanities], 4, 4–9. URL: <https://elibrary.ru/dvwwkol> (access date: 01.12.2024).
17. Leshkevich, T.G. (2022). The virtual person and transmitting cultural values to the digital generation. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 3, 53–63. URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12838955-the-virtual-person-and-transmitting-cultural-values-to-the-digital-generation> (access date: 02.08.2024).

18. Lutsenko, L.M., Lutsenko, Yu.V. (2014). Realizing the potential of personality in the information society. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [Bulletin of the University (State University of Management)], 6, 270–278. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-potentsiala-lichnosti-v-informatsionnom-obschestve> (access date: 02.08.2024).
19. Makarova, N.S. (2018). Activities of a university teacher in the context of standardization of higher education. In: *Man and society in an unstable world:* (pp. 80–84). The International Scientific and Practical Conference. Omsk, Russia. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xrcdal> (access date: 02.08.2024).
20. Maralov, V.G., Fortunatov, A.A., & Shonin, M.Yu. (2018). Students interaction positions in the context of ensuring individual psychological security. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 3, 196–210. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-vzaimodeystviya-studentov-v-kontekste-problem-obespecheniya-psihologicheskoy-bezopasnosti-lichnosti> (access date: 12.09.2024).
21. Mironova, N.G. (2021). On the problem of ensuring cognitive security. *Ekonomika i upravlenie: Nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal], 1 (157), 119–125. DOI: 10.34773/EU.2021.1.24
22. Nikitina, E.Yu., & Kazaeva, E.A. (2010). Participatory approach as a methodological regulation of the pedagogical concept on development of the civic position of a future teacher. *Vestnik ChGPU* [Bulletin of ChSPU], 1, 162–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partisipativnyy-podhod-kak-metodicheskiy-regulyativ-k-pedagogicheskoy-kontseptsii-razvitiya-grazhdanskoy-pozitsii-budushego> (access date: 07.09.2024).
23. Novokshanov, O.N. (2015). Cognitive security and information and analytical counteraction. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 9, 132–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24277628> (access date: 21.10.2024).
24. Pozdnyakov, V.M. (2024). On the development of a modern model for ensuring information and psychological security. *Ekstremalnaya psikhologiya i bezopasnost lichnosti* [Extreme Psychology and Personal Security], 1, 44–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010105>
25. Poyarkov, S.Yu. (2016). Ideological security of state power. *Novainfo*, 54, 237–242. URL: <https://novainfo.ru/article/8455/> (access date: 04.12.2024).
26. Kefeli, I.F. (2023). *Prolegomeny kognitivnoy bezopasnosti* [Prolegomains of cognitive safety]. St. Petersburg. URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2023/08/PROLEGOMENON_book_15_08_2023.pdf (access date: 01.12.2024).
27. Saidzoda, M.S. (2019). Essence of innovative processes in the field of education. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes], 156-3 (60), 151–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-innovatsionnyh-protseessov-v-sfere-obrazovaniya> (access date: 06.11.2024).
28. Sukhov, A.N. (2021). Personal safety: theoretical and practical aspect. *Lichnost v menyayushchemsya mire: zdorovye, adaptatsiya, razvitie* [Network scientific journal Personality in a Changing World: Health, Adaptation, and Development], 9–3 (34), 229–237. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=awtxbz> (access date: 06.11.2024).
29. Tarkhanova, I.Yu. (2018). Educational technologies for the formation of universal competencies of university students. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 5, 136–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-tehnologii-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy-studentov-vuza> (access date: 06.09.2024).
30. Trufanova, E.O. (2019). Information glut: key problems. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], 1 (16), 4–21. DOI: 10.17726/phillIT.2019.1.16.1

31. Uman, A.I. (2010). Theory of learning: from traditional to anthropological didactics. *Pedagogika* [Pedagogy], 1, 22–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=muitvj> (access date: 06.09.2024).
32. Khrapov, S.A. (2019). Crisis of consciousness: 'cognitive response' of technogenic civilization. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1, 88–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36930144> (access date: 16.04.2024).
33. Choshanov, M.A. (2013). E-didactics: A new perspective on learning theory in the digital age. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo* [Educational Technology and Society], 3, 684–696. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20274205> (access date: 06.09.2024).
34. Chumicheva, R.M., Kulikovskaya, I.E., & Poddubnaya, T.N. (2023). Life safety culture as a pedagogical problem. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Vestnik of Maykop State Technological University], 15 (3), 99–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-kak-pedagogicheskaya-problema> (access date: 26.04.2024).
35. Andrews, R. (2011). Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts. *Journal for Educational Research Online*, 3 (1), 104–121. URL: https://www.researchgate.net/publication/277116123_Does_e-learning_require_a_new_theory_of_learning_Some_initial_thoughts (access date: 26.04.2024).
36. Backes, O., & Swab, A. (2019). *Cognitive warfare: The Russian threat to election integrity in the Baltic States*. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-11/>
37. Chu, H.-C. (2014). Potential negative effects of mobile learning on students' learning achievement and cognitive load. A format assessment perspective. *Journal of Educational Technology & Society*, 17 (1), 332–344. URL: https://www.jstor.org/stable/jeductechsoci.17.1.332?seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 26.06.2024).
38. Harrison, L., & Huntington, S. (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. Basic Books, N.Y. DOI: 10.1525/aa.2002.104.3.978
39. Riva, P. et al. (2019). Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex. *Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience*, 19 (4), 797–810. DOI: 10.3758/s13415-018-00664-1
40. Shulman, R.G., & Rothman, D.L. (2019). A non-cognitive behavioral model for interpreting functional neuroimaging studies. *Frontiers in Human Neuroscience*, 13 (28), 18. DOI: 10.3389/fnhum.2019.00028
41. Stemn, E. et al. (2019). Examining the relationship between safety culture maturity and safety performance of the mining industry. *Safety Science*, 113, 345–355. DOI: 10.1016/j.ssci.2018.12.008
42. Yang, Y, & Raine, A. (2009). Prefrontal structural and functional brain imaging findings in antisocial, violent, and psychopathic individuals: a meta-analysis. *Psychiatry Research*, 174 (2), 81–88. DOI: 10.1016/j.psychresns.2009.03.012

УДК 373.1

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЯТИКЛАССНИКОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

А.А. Кужугет (Красноярск, Россия),

П.В. Бойко (Красноярск, Россия),

А.Р. Нугаев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Переход учащихся из начальной в основную школу – во многом трудный и значимый этап адаптации, сложность которого определяется новыми социальными условиями. Помимо этого, возраст 10–12 лет сопровождается физиологическими и психологическими изменениями, что делает процесс адаптации к основному общему образованию затруднительнее. Следовательно, миссия школы – найти связующее звено между образовательным процессом и психическим развитием подростка, обеспечив успешную адаптацию пятиклассника. В данной статье мы рассмотрим основные принципы и методы программы наставничества для пятиклассников общеобразовательной школы, которая сможет решить задачу адаптации обучающихся к основной школе и даст возможность получать образование на должном уровне.

Цель статьи – выявить и обосновать необходимость внедрения программы наставничества для пятиклассников в общеобразовательные учреждения для прохождения успешной адаптации обучающихся к основной школе.

Методология и методы исследования: анализ научно-методической литературы, методика оценки состояния вегетативной нервной и сердечно-сосудистой систем с помощью аппаратного комплекса ВНС-МИКРО, метод статистической обработки данных.

Результаты исследования. В научной работе в роли респондентов приняли участие девочки – обучающиеся 5-го класса МАОУ СШ № 45 – в количестве 11 человек. В процессе практической работы удалось отметить, что у основной части обучающихся выявлен повышенный уровень показателя стресс-индекса Баевского, что свидетельствует о нарушении адаптационных способностей организма учеников к обучению в основной школе.

Заключение. Проведенное исследование среди обучающихся 5-х классов дало возможность определить проблему адаптации их организма к условиям основного общего образования. Для решения данного вопроса мы разработали программу наставничества для пятиклассников как средство успешной адаптации их организма к условиям обучения в среднем звене общеобразовательного учреждения.

Ключевые слова: наставничество, стресс, адаптация, здоровье, пятиклассники, школа, педагогический класс.

Кужугет Артыш Аракчаевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры медико-биологических основ физической культуры и безопасности жизнедеятельности института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-5251-9352; Scopus Author ID: 57189692553; e-mail: kartysh84@mail.ru

Бойко Полина Васильевна – студентка института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: borolya03@mail.ru

Нугаев Артур Ринатович – магистрант института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: a@kspu.ru

Постановка проблемы. Переход обучающихся начальных классов в основную школу является одним из сложных периодов обучения в общеобразовательном учреждении. Обучающийся 4-го класса, становясь учеником 5-го класса, испытывает сильнейший

стресс, схожий по своей силе с психическим напряжением первоклассника, пришедшего в школу первого сентября [Маркова, 2021]. Трудность данного периода характеризуется социальными условиями, которые выдвигает основная школа перед пятиклассниками: появление новых учителей, увеличение объема учебного материала, предъявление требований более высокого уровня к учебной деятельности [Ерошкина, Федотенко, 2024]. Также в возрасте 10–12 лет происходят физиологические перестройки в организме подростка, проявляющиеся в постоянной смене эмоций и поведения [Психологический..., 2021], то есть изменение социальных условий образовательного процесса и вступление в пубертатный период препятствуют прохождению периода адаптации. Следовательно, задача школы – найти связующее звено между образовательным процессом и психическим развитием подростка, обеспечив успешную адаптацию пятиклассника.

В период приспособления обучающегося к «новой» жизни в школе нужна поддержка со стороны взрослых, которые в нужный момент смогут подсказать и направить активность на познание окружающего мира, людей, общественную деятельность и саморазвитие.

Наставничество – универсальная технология передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций и ценностей через неформальное общение, основанное на доверии и партнерстве [Проскурякова, 2023]. Применение направлений наставничества в учебной среде позволяет создать условия для гармоничного развития подростков через различные виды деятельности [Силич, 2023]. В соответствии с федеральным проектом «Современная школа» будет разработана концепция наставничества обучающихся общеобразовательных школ [Проскурякова, 2023], то есть специалисты в области образования признают эффективность внедрения «наставничества» в школах.

Цель статьи – выявить и обосновать необходимость внедрения программы наставничества для пятиклассников в общеобразовательные учреждения для прохождения успешной адаптации обучающихся к основной школе.

Методология и методы исследования: анализ научно-методической литературы, методика оценки состояния вегетативной нервной системы с помощью аппаратного комплекса ВНС-МИКРО, метод статистической обработки данных.

Анализ научной литературы был проведен на основе обзора работ отечественных (О.М. Дьякова, С.А. Подшибякина, О.С. Боровец, Н.В. Матвеева и др.) и зарубежных (J. Martins, M.A. Kraft, L.L. John, G.S. Mqadi, D.N. Muraya, etc.) ученых, позволяющих выявить основные направления наставничества среди обучающихся в общеобразовательных учреждениях [Martins et al., 2024; Kraft et al., 2023; John et al., 2023; Mqadi, 2024; Muraya, Wairimu, 2020].

Исследование вегетативной нервной системы проводилось с помощью аппарата ВНС-МИКРО. Данный прибор измеряет вариабельность сердечного ритма (ВСР), то есть в итоге демонстрирует изменчивость временных интервалов между сердечными сокращениями.

В процессе исследования применялся один из методов оценки адаптивных возможностей организма человека – индекс Баевского (SI). Этот показатель является параметром приспособительных механизмов сердечно-сосудистой системы [Биндусов и др., 2021]. Он свидетельствует о типе вегетативной регуляции, преобладающей в организме человека, и значении вариабельности сердечного ритма.

Полученные данные могут быть полезными для оценки функционального состояния нервной и сердечно-сосудистой систем [Кужугет и др., 2024].

Результаты исследования. В исследовании приняли участие девочки – обучающиеся 5-х классов МАОУ «Средняя школа № 45» – в количестве 11 человек. Запись ЭКГ (фоновая запись в состоянии покоя) проводилась в утреннее время, исключались интенсивные физические нагрузки накануне обследования.

В ходе проведения исследования удалось установить, что среди обучающихся 5-х классов показатель стресс-индекса в норме у 36 % респондентов. При этом ниже нормы показатель

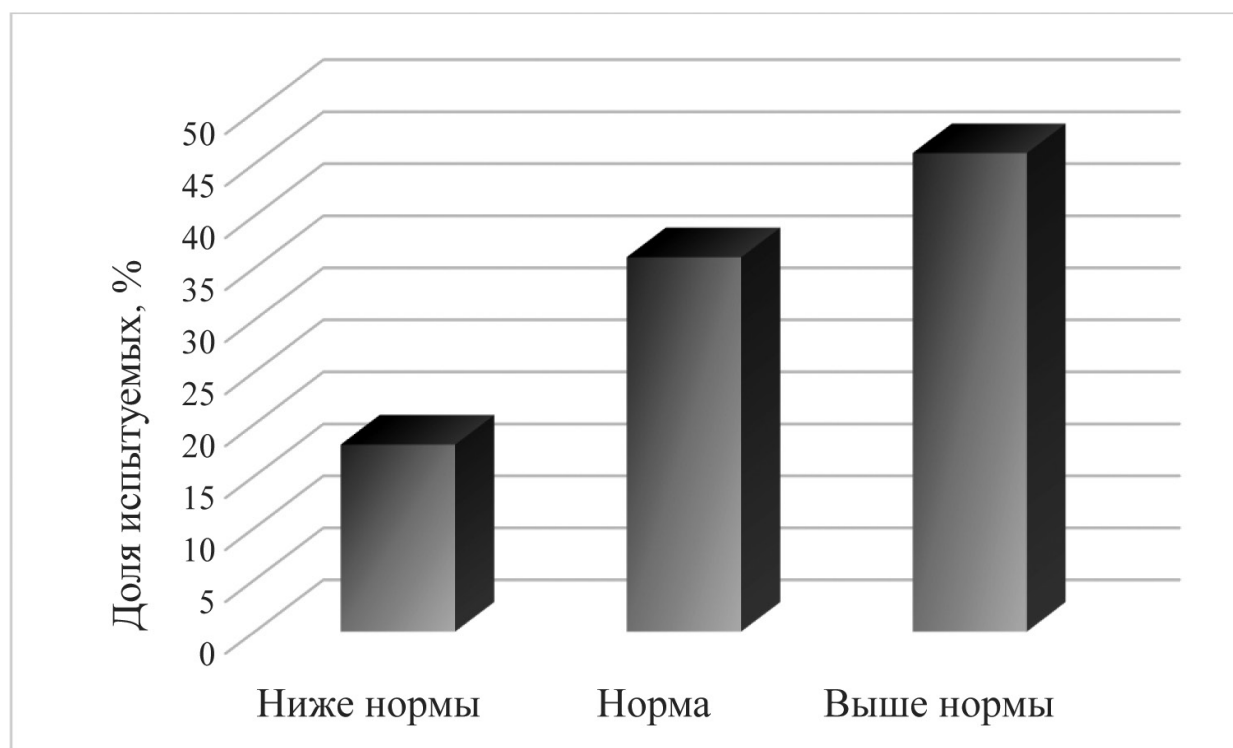

Рис. Показатели стресс-индекса Баевского пятиклассниц
Fig. Baevsky Stress Index indicators for fifth-graders

стресс-индекса отмечен у 18 %, а превысил норму – у 46 % испытуемых. Полученные данные свидетельствуют о том, что почти у половины группы (46 %) регуляторные механизмы вегетативной функции организма находятся в состоянии напряжения. Это может указывать на нарушение адаптационных способностей организма обучающихся к условиям основного общего образования.

Заключение. Проведенное исследование среди обучающихся 5-х классов МАОУ СШ № 45 позволило установить проблему адаптации их организма к условиям основного общего образования. Для решения данной проблемы мы предлагаем программу наставничества для пятиклассников как средство успешной адаптации их организма к условиям обучения в основной школе.

Программа наставничества для пятиклассников общеобразовательных учреждений направлена на успешную адаптацию обучающихся при переходе от начальной к основной школе. Наставник – это связующее звено между условиями обучения в среднем звене общеобразовательного учреждения и «юным» учеником.

Наставник может подсказать и помочь обучающимся при возникающих трудностях в изучении учебной программы; поделиться собственным опытом в разных сферах жизни, дать полезные советы при изучении учебного материала; познакомить со школой и ее внеурочной деятельностью, дополнительным образованием.

Наставниками для будущих пятиклассников могут стать обучающиеся старшей школы из профильного педагогического класса. Данное направление активно развивается в общеобразовательных школах. Для будущих педагогов пробы в «наставничестве» будут отличным опытом в дальнейшей профессиональной карьере, а для пятиклассников станут возможностью успешно адаптироваться к основной школе, активно учиться и развиваться.

Таким образом, наставничество является важным аспектом в сохранении здоровья пятиклассников общеобразовательного учреждения. Включение наставничества в образовательную среду содействует преодолению трудностей, успешному изучению учебного материала и раскрытию потенциала ученика.

Библиографический список

1. Биндусов Е.Е., Овсянникова М.А., Зверева З.Ф. Анализ индекса напряжения Баевского при различной двигательной активности на занятиях по физической культуре в вузе // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 5-1. С. 659–664. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272775723000584> (дата обращения: 26.11.2024).
2. Боровец О.С., Гусакова Н.Е., Клочкова Л.А. Наставничество как способ повышения эффективности социальной адаптации школьников // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. 2023. 7 июня. С. 31–34.
3. Дьякова О.М. Реализация психолого-педагогического сопровождения наставничества в школе // Современное педагогическое образование. 2023. № 8. С. 57–61.
4. Ерошкина А.В., Федотенко И.Л. Психолого-педагогические аспекты адаптации младших подростков к средней школе // Психология в пространстве образования и личностного развития: перспективные практики научного исследования и сотрудничества. 2024. 14–15 декабря. С. 86–88.
5. Кужугет А.А., Черепанова А.И. Нугаев А.Р. Наставничество первокурсников-спортсменов как фактор их успешной адаптации к условиям вуза // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2024. № 1 (67). С. 43–50.
6. Маркова И.И. Особенности адаптации современных пятиклассников при переходе из начальной школы в основную // Психолого-педагогический поиск. 2021. С. 22.
7. Матвеева Н.В., Абрамов М.А., Машурик Е.В. Система наставничества в деятельности школьных служб примирения: проблемы и перспективы // Медиация в образовании: социокультурный контекст: матер. V Междунар. конф. Красноярск, 2023. С. 156–159.
8. Подшибякина С.А. Разработка и внедрение проекта «Территория наставничества» в образовательной организации «Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение г. Владимира “Средняя общеобразовательная школа № 49 им. М.М. Сперанского» // Ученые записки. 2022. № 2 (42). С. 246–248.
9. Проскурякова М.А. Формы наставничества образовательной организации в дополнительном образовании // Потенциал образования для самореализации и развития талантов у молодежи. 2023. 20 января. С. 100–105.
10. Психологический анализ причин неуспеваемости в подростковом возрасте 10–12 лет / Калинин А.Р. и др. // Инновационные идеи молодых исследователей. 2021. С. 157–164.
11. Силич И.Д. Реализация направлений наставничества в средней школе как средство воспитания подрастающего поколения // XII Региональные образовательные Кирилло-Мефодиевские чтения. Омск, 2023. С. 357–362.
12. Уланова Г.А., Клюева Н.В., Назарова И.Г. Социально-психологическое и организационно-управленческое сопровождение психологического благополучия обучающихся школ // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 3. С. 66–71.
13. John, L.L. M., Ishengoma, J.M., & Kafanabo, E.J. (2023). Trends in mentoring of beginning teachers in government secondary schools of Rukwa Region, Tanzan. *East African Journal of Education and Social Sciences*, 4 (3), 136–145. URL: <https://www.ajol.info/index.php/eajess/article/view/254247> (access date: 26.11.2024).
14. Kraft, M.A., Bolves, A.J., & Hurd, N.M. (2023). How informal mentoring by teachers, counselors, and coaches supports students’ long-run academic success. *Economics of Education Review*, 95, 102411. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272775723000584> (access date: 26.11.2024).

15. Martins, J., Rosário, P., Cunha, J., Núñez, J. C., Vallejo, G., & Moreira, T. (2024). How to help students in their transition to middle school? Effectiveness of a school-based group mentoring program promoting students' engagement, self-regulation, and goal setting. *Contemporary Educational Psychology*, 76, 102230. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0361476X2300084X> (access date: 26.11.2024).
16. Mqadi, G.S. (2024). The efficacy of stem mentoring programme in promoting secondary school students' interest towards stem in Kwazulu-natal province, South Africa. *Asian Journal of Educational Research*, 12 (1), 72–81. URL: https://www.researchgate.net/profile/Glorious-Mqadi/publication/380006579_THE_EFFICACY_OF_STEM_MENTORING_PROGRAMME_IN_PROMOTING_SECONDARY_SCHOOL_STUDENTS_INTEREST_TOWARDS_STEM_IN_KWAZULU_NATAL_PROVINCE_SOUTH_AFRICA/links/6627a0ad43f8df018d21e80b/THE-EFFICACY-OF-STEM-MENTORING-PROGRAMME-IN-PROMOTING-SECONDARY-SCHOOL-STUDENTS-INTEREST-TOWARDS-STEM-IN-KWAZULU-NATAL-PROVINCE-SOUTH-AFRICA.pdf (access date: 26.11.2024).
17. Muraya, D.N., & Wairimu, E.N. (2020). Effects of teacher mentoring on the classroom practices of lower grade primary school teachers in Kwale County, Kenya. *Educational Research and Reviews*, 15 (8), 473–486. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10935-021-00642-3> (access date: 26.11.2024).

MENTORING AS A FACTOR OF SUCCESSFUL FUNCTIONAL ADAPTATION OF 5TH GRADE STUDENTS TO THE CONDITIONS OF MIDDLE SCHOOL

A.A. Kuzhuget (Krasnoyarsk, Russia)

P.V. Boyko (Krasnoyarsk, Russia),

A.R. Nugaev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The transition of students from primary to middle school is in many ways a difficult and significant stage of adaptation, the complexity of which is determined by new social conditions [Markova, 2021]. In addition, the age of 10–12 years is accompanied by physiological and psychological changes [Kaligin et al., 2021], which makes the process of adaptation to middle school education more difficult. Therefore, the mission of the school is to find a link between the educational process and the mental development of a teenager, ensuring the successful adaptation of a fifth-grader. In this article, we consider the basic principles and methods of a mentoring program for fifth-graders in the secondary school, which can solve the problem of adapting students to middle school and provide an opportunity to receive education at the proper level.

The purpose of the article is to identify and justify the need to implement a mentoring program for fifth-graders in secondary education institutions to ensure successful adaptation of students to middle school.

The methodology and research methods include analysis of scientific and methodological literature, a method for assessing the state of the autonomic nervous system and the cardiovascular system using the VNS-MICRO hardware complex, and a method for statistical data processing.

Research results. The respondents involved in the study were 11 girls, fifth-grade students of Secondary School No. 45. During the experimental part of the research, it was possible to note that the majority of students had an elevated level of the Baevsky stress index, that indicates violation of the adaptive abilities of the students' body to study in middle school.

Conclusion. The conducted research among 5th grade students made it possible to determine the problem of their body's adaptation to the conditions of middle school education. To solve this issue, we developed a mentoring program for fifth-graders as a means to successfully adapt their body to the conditions of education in the middle stage of a secondary education institution.

Keywords: *mentoring, stress, adaptation, health, fifth graders, school, pedagogical class.*

Kuzhuget, Artysh A. – PhD (Biology), Associate Professor, Department of Biomedical Foundations of Physical Culture and Life Safety, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Scopus Author ID: 57189692553; ORCID: 0000-0002-5251-9352; e-mail: kartysh84@mail.ru

Boyko, Polina V. – Bachelor's Degree Candidate, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: bopolya03@mail.ru

Nugaev, Artur Rinatovich – Master's Degree Candidate, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: a@kspu.ru

References

1. Bindusov, E.E., Ovsyannikova, M.A., & Zvereva, Z.F. (2021) Analysis of the Baevsky stress index during various motor activities in physical education classes at the university. *Pedagogicheskiy zhurnal Uchrediteli: Analitika Rodis* [Pedagogical Journal Founders: Rodis Analytics], 5 (1), 659–664. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272775723000584> (access date: 26.11.2024).
2. Borovets, O.S., Guskova, N.E., & Klochkova, L.A. (2023, June 7). Mentoring as a way to improve the effectiveness of social adaptation of schoolchildren. In: *V nauke, obrazovanii, obshchestve: tendentsii i perspektivy razvitiya* [In Science, Education, Society: Trends and Development Prospects] (pp. 31–34). The 2nd All Russian scientific and practical conference. Cheboksary, Russia.

3. Dyakova, O.M. (2023). Implementation of psychological and pedagogical support for mentoring at school. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 8, 57–61.
4. Eroshkina, A.V., & Fedotenko, I.L. (2024, December 14–15). Psychological and pedagogical aspects of adaptation of younger adolescents to middle school. *Psikhologiya v prostranstve obrazovaniya i lichnostnogo razvitiya: perspektivi praktiki nauchnogo isledovaniya i sotrudnichestva* [Psychology in the space of education and personal development: promising practices of scientific research and cooperation] (pp. 86–88). The 2nd All Russian scientific and practical conference. Kaluga, Russia.
5. Kuzhuget, A.A., Cherepanova, A.I., & Nugaev, A.R. (2024). Mentoring of first-year athletes as a factor of their successful adaptation to university conditions. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev], 1 (67), 43–50.
6. Markova, I.I. (2021). Features of adaptation of modern fifth-graders during the transition from primary to middle school. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search], 4 (60), 22–33.
7. Matveeva, N.V., Abramov, M.A., & Mashurik, E.V. (2023, October 6–7). The mentoring system in the activities of school reconciliation services: problems and prospects. In: *Mediatsiya v obrazovanii: sotsiokulturnyy kontekst* [Mediation in education: socio-cultural context] (pp. 156–159). The 5th International Conference. Krasnoyarsk, Russia.
8. Podshibyakina, S.A. (2022). Development and implementation of the project “Territory of Mentoring” in the Municipal Autonomous Educational Institution of the City of Vladimir, Secondary School No. 49 named after M.M. Speransky. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes], 2 (42), 246–248.
9. Proskuryakova, M.A. (2023, January 20). Forms of mentoring of an educational organization in additional education. In: *Potentsial obrazovaniya dlya samorealizatsii i razvitiya talantov u molodezhi* [The potential of education for self-realization and development of talents in young people] (pp. 100–105). Regional scientific and practical conference dedicated to the Year of Teacher and Mentor. Irkutsk, Russia.
10. Kaligin, A.R., Nemaltsina, M.S., Popova, A.Yu., & Silin, S.A. (2021, June 20). Psychological analysis of the reasons for failure in adolescence aged 10–12 years. In: *Inovatsionnye idei molodykh issledovateley* [Innovative ideas of young researchers] (pp. 157–164). International scientific research contest. Penza, Russia.
11. Silich, I.D. (2023). Implementation of mentoring directions in secondary schools as a means of educating the younger generation. In: *The 12th Regional Educational Cyril and Methodius Readings* (pp. 357–362). Omsk, Russia.
12. Ulanova, G.A., Klyueva, N.V., & Nazarova, I.G. (2019). Social-psychological and organizational-managerial support for the psychological well-being of school students. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 3 (25), 66–71.
13. John, L.L. M., Ishengoma, J.M., & Kafanabo, E.J. (2023). Trends in mentoring of beginning teachers in government secondary schools of Rukwa Region, Tanzan. *East African Journal of Education and Social Sciences*, 4 (3), 136–145. URL: <https://www.ajol.info/index.php/eajess/article/view/254247> (access date: 26.11.2024).
14. Kraft, M.A., Bolves, A.J., & Hurd, N.M. (2023). How informal mentoring by teachers, counselors, and coaches supports students’ long-run academic success. *Economics of Education Review*, 95, 102411. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272775723000584> (access date: 26.11.2024).

15. Martins, J., Rosário, P., Cunha, J., Núñez, J. C., Vallejo, G., & Moreira, T. (2024). How to help students in their transition to middle school? Effectiveness of a school-based group mentoring program promoting students' engagement, self-regulation, and goal setting. *Contemporary Educational Psychology*, 76, 102230. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0361476X2300084X> (access date: 26.11.2024).
16. Mqadi, G.S. (2024). The efficacy of stem mentoring programme in promoting secondary school students' interest towards stem in Kwazulu-natal province, South Africa. *Asian Journal of Educational Research*, 12 (1), 72–81. URL: https://www.researchgate.net/profile/Glorious-Mqadi/publication/380006579_THE_EFFICACY_OF_STEM_MENTORING_PROGRAMME_IN_PROMOTING_SECONDARY_SCHOOL_STUDENTS'_INTEREST_TOWARDS_STEM_IN_KWAZULU_NATAL_PROVINCE_SOUTH_AFRICA/links/6627a0ad43f8df018d21e80b/THE-EFFICACY-OF-STEM-MENTORING-PROGRAMME-IN-PROMOTING-SECONDARY-SCHOOL-STUDENTS-INTEREST-TOWARDS-STEM-IN-KWAZULU-NATAL-PROVINCE-SOUTH-AFRICA.pdf (access date: 26.11.2024).
17. Muraya, D.N., & Wairimu, E.N. (2020). Effects of teacher mentoring on the classroom practices of lower grade primary school teachers in Kwale County, Kenya. *Educational Research and Reviews*, 15 (8), 473–486. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10935-021-00642-3> (access date: 26.11.2024).

УДК 796.011.2:372.879.6

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕВОЧЕК ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И.И. Орлова (Красноярск, Россия)

А.Ю. Осипов (Красноярск, Россия)

Д.В. Логинов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Эксперты выявили противоречие между необходимостью повышения роли физического воспитания (ФВ) в практике гармонизации физического развития детей и недостатком качественных теоретико-методических подходов к реализации ФВ у дошкольников. В частности, программы ФВ у девочек дошкольного возраста должны учитывать необходимость гармоничного развития телосложения за счет подбора методик, способствующих общему сокращению процента жировой ткани и повышению процента костной и мышечной ткани в организме занимающихся.

Цель статьи – изучение влияния различных программ ФВ, рекомендованных специалистами для гармонизации физического развития детей дошкольного возраста, на показатели физического развития и компонентного состава тела девочек 5–6 лет.

Методология и методы исследования. Девочки ($n = 56$) практиковали занятия ФВ по двум программам: группа А ($n = 28$) – по программе, связанной с игровой деятельностью и хореографией; группа Б ($n = 28$) – по программе, связанной с гармоничным развитием телосложения. Влияние программ ФВ на показатели физического развития и состав тела всех девочек оценивалось с помощью ряда антропометрических измерений, тестов, характеризующих физическое развитие детей, и биоимпедансного анализа.

Результаты исследования. Выявлены достоверные ($p \leq 0,05$) различия в показателях, характеризующих кистевую динамометрию, нормостенический и пикнический типы телосложения, процент мышечной ткани в организме, в пользу девочек, практиковавших программу ФВ, связанную с гармоничным развитием телосложения.

Заключение. Использование в практике ФВ девочек дошкольного возраста программы ФВ, связанной с гармонизацией телосложения и предполагающей применение физических упражнений, способствующих развитию плечевого пояса, мышц верхних конечностей и основных двигательных навыков детей, более эффективно в деле гармонизации телосложения (тип телосложения) и улучшения состава тела (увеличение процента мышечной ткани в организме) по сравнению с программой ФВ, связанной с преобладанием игровой деятельности и различной хореографии в практике занятий ФВ у девочек дошкольного возраста.

Ключевые слова: гармоничное физическое развитие, дошкольники, компонентный состав тела, программы физического воспитания, подвижные игры, сравнительный анализ данных.

Орлова Ирина Игоревна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры анатомии человека, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6118-0672>; Scopus Author ID: 57210932193; e-mail: matiz270@mail.ru

Осипов Александр Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2277-4467>; Scopus Author ID: 57189904234; e-mail: Ale44132272@ya.ru

Логинов Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4882-341X>; Scopus Author ID: 57210935108; e-mail: deniska-loginov-1900@mail.ru

Постановка проблемы. Хорошо известно, что период раннего детства является важным фактором как для формирования и развития привычек, способствующих ведению здорового образа жизни, так и приобретения основных двигательных умений и навыков, способствующих гармоничному физическому развитию ребенка. Также научные исследования выявили, что необходимый уровень разнообразной двигательной активности (ДА) является важным условием для развития навыков крупной моторики и общей двигательной компетенции [Kwon et al., 2022]. Ученые и врачи-педиатры подчеркивают, что для детей в дошкольном возрасте необходима ежедневная ДА в любых формах, но не менее 60 минут в день, выполняемая с высокой интенсивностью. Подобная ДА улучшает показатели физического развития и здоровья ребенка и служит важным условием для формирования у детей здоровых поведенческих привычек. В то же время значимый недостаток ДА, ограничение ребенка в двигательной деятельности, способствующей формированию основных двигательных умений и навыков, приводит не только к ухудшению физического здоровья, но и к различным проблемам, связанным с формированием эмоционального и интеллектуального статуса ребенка [Wang, 2022]. Поскольку развитие двигательных навыков за счет разнообразной и регулярной ДА не только повлияет на уровень гармоничного физического развития ребенка, но и будет способствовать значительному снижению рисков возникновения и развития различных заболеваний в более взрослом возрасте, необходим научный и целенаправленный подход к проблеме гармоничного физического развития и физической подготовки детей дошкольного возраста [Lv et al., 2023].

Эксперты в области физического воспитания детей (ФВ) указывают, что уровень ДА детей дошкольного возраста может быть существенно улучшен за счет использования должным образом составленных, структурированных и регулярных (2–3 занятия в неделю) программ ФВ дошкольников, реализуемых в образовательных

организациях (ДОУ) [Ведерникова, 2024; Орлова, 2022]. Также указывается, что для наилучшего развития у детей определенных двигательных и социальных компетенций преподавателям ФВ следует отдавать предпочтение групповым формам проведения занятий [Martinez-Merino, Rico-González, 2024]. В научной литературе представлены различные программы ФВ для дошкольников, основанные на использовании игровых методов и разнообразной ДА, включающие базовые элементы оздоровительных практик, фитнеса и видов спорта: чирлидинга [Шепеленко, Мезенцева, 2022], игрового стретчинга [Шестакова и др., 2019] и игропластики [Ведерникова и др., 2024], борьбы дзюдо [Ерегина, Тарасенко, 2020], кинезиологических упражнений [Сосуновский, Загравская, 2020], народных подвижных игр [Винокурова и др., 2020]. Однако экспертный анализ оценки уровня ДА дошкольников, проведенный во время занятий ФВ, показал, что большинство действующих программ ФВ детей дошкольного возраста не способствуют в полной мере удовлетворению всех потребностей детей в регулярной ДА и формированию здоровых поведенческих привычек, связанных с физической активностью, и они должны быть методически и концептуально улучшены [Battaglia et al., 2020; Van Cauwenberghe et al., 2012]. Следует также обратить пристальное внимание на актуализацию методических подходов и программ ФВ для девочек дошкольного возраста, поскольку литературные данные свидетельствуют о более низком уровне ДА, в том числе и на занятиях ФВ в дошкольных учреждениях, у девочек по сравнению с мальчиками схожего с ними возраста [Vale et al., 2011]. Необходимость повышения уровня ДА у девочек во время занятий ФВ в дошкольных учреждениях подчеркивается экспертами [Kain et al., 2018]. Помимо этого, также следует учитывать половую зависимость в вопросе формирования гармоничного телосложения детей. Известно, что девочки обладают большим содержанием жировой ткани в организме по сравнению с мальчиками, преимущество которых в большем содержании костной ткани, что позволяет им формировать более крепкий костный

скелет уже в дошкольном возрасте [Гусарова и др., 2022]. Согласно данному факту программы ФВ для девочек дошкольного возраста должны учитывать, кроме необходимости увеличения ДА, еще и необходимость гармоничного развития телосложения (ГРТ) за счет подбора методик, способствующих сокращению процента жировой ткани и повышению процента костной и мышечной ткани в организме занимающихся.

Анализ научных исследований, посвященных проблеме гармонизации и актуализации процесса ФВ детей дошкольного возраста, показал, что, несмотря на наличие большого количества научных работ по заявленной проблематике, экспертное научное сообщество так и не смогло предложить согласованный и конкретный методический подход к гармоничному физическому развитию детей-дошкольников средствами ФВ. Эксперты в области ФВ детей дошкольного возраста указывают на противоречие между необходимостью повышения роли ФВ в деле гармоничного физического развития детей и формирования у них ценностных мотивационных установок на ведение здорового образа жизни и некоторым количественным и качественным недостатком существующих теоретико-методических подходов к реализации процесса ФВ у детей дошкольного возраста в ДОУ [Ведерникова и др., 2024].

Все вышеизложенное определило *цель* проводимого исследования: изучение влияния различных программ ФВ, рекомендованных специалистами для гармонизации физического развития детей дошкольного возраста, на показатели физического развития и компонентного состава тела девочек 5–6 лет.

Заявленная авторами цель определила основные задачи проводимого исследования.

1. Изучение актуальной научной литературы, посвященной обсуждаемой в научной работе проблематике, с целью оптимального выбора инструментария исследования посредством анализа литературных данных.

2. Изучение влияния различных программ ФВ дошкольников на показатели физического развития и компонентный состав тела девочек

5–6 лет – участниц исследования посредством проведения педагогического эксперимента.

3. Анализ результатов исследования с учетом возможности применения полученных результатов в практике ФВ детей дошкольного возраста.

Методология и методы исследования. Методология исследования представлена следующими методами: *теоретические* – поиск, конкретизация, обобщение и анализ актуальных научных материалов, посвященных проблематике повышения роли ФВ в гармонизации физического развития детей дошкольного возраста; *эмпирические* – педагогический эксперимент по изучению влияния различных программ ФВ на показатели физического развития детей – девочек дошкольного возраста (5–6 лет) с использованием стандартизированных тестов и методов оценки уровня физического развития; *статистические* – использование методов описательной статистики и статистических критериев для обработки и анализа данных, полученных в ходе проведения статистического эксперимента.

Процедуры поиска, обобщения и конкретизации актуальных научных материалов, соответствующих проблематике проводимого исследования, выполнены с помощью использования инструментов поиска научных данных, представленных в крупнейших порталах хранения научной периодики: e-LIBRARY (РИНЦ), Google Scholar, MEDLINE (PubMed Central), – представляющих открытый и бесплатный доступ к миллионам научных работ по разным отраслям современной науки. Был использован поисковый запрос, позволяющий выбрать из общей массы научных сведений материалы, соответствующие проблематике исследования и строгим требованиям к актуальности и качеству научных данных. Запрос содержал ряд критериев, повышающих качество научного поиска и конкретизации данных: а) поиск по определенным ключевым словам: дети (children), дошкольный возраст (preschool age), ФВ (physical education – PE), двигательные навыки (motor skills), девочки дошкольного возраста (preschool girls), подвижные игры (active games, plays, movements), гармонизация телосложения

(harmonization of body type), оздоровительный фитнес (health fitness); б) требования к хронологии (в анализе использовались научные данные, опубликованные в 2019–2024 гг.); в) требования к научному качеству: опубликованные материалы должны представлять собой результаты или обзоры оригинальных исследований (другие типы публикаций – тезисы, заметки, письма в редакцию и пр. – не учитывались при анализе собранной информации); материалы должны быть опубликованы только в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ или индексируемых в научных базах: MEDLINE, Scopus, Web of Science; авторами материалов, претендующих на включение в процедуру анализа собранных данных, должны быть эксперты в области ФВ и охраны здоровья детей (врачи-педиатры, ученые-эксперты международных организаций по охране здоровья детей, лица, имеющие ученые степени кандидата или доктора наук (PhD) в области ФВ, педагогики и спортивной медицины, учителя, практикующие различные программы ФВ для детей дошкольного возраста). В ходе поиска, обобщения и конкретизации данных было отобрано 13 научных работ, составивших научно-теоретическую базу исследования. Анализ собранных данных позволил авторам выделить работы отечественных и иностранных ученых, посвященные оценке уровня физического развития детей дошкольного возраста [Lv et al., 2023; Орлова и др., 2022], исследующие показатели, характеризующие уровень ДА дошкольников во время обучения в ДООУ и влияние ДА на двигательные и когнитивные способности детей [Kwon et al., 2022; Wang, 2022; Маринович и др., 2021], изучающие организацию и проведение процесса ФВ в ДООУ и влияние различных программ ФВ на показатели физического развития и физической подготовленности дошкольников [Ведерникова и др., 2024; Martinez-Merino, Rico-González, 2024; Шепеленко, Мезенцева, 2022; Osipov et al., 2021; Ерегина, Тарасенко, 2020; Сосуновский, Заглевская, 2020; Шестакова и др., 2019]. Большинство исследователей предлагали решить проблему повышения уровня ДА и формирования у дошкольников

необходимых двигательных умений и навыков за счет активного использования различных подвижных игр с заданиями на развитие двигательных навыков и логического мышления, хореографии, танцев и гимнастических упражнений, а также подбора определенных упражнений из различных видов спорта [Martinez-Merino, Rico-González, 2024]. В то же время некоторые исследователи рекомендовали обратить внимание на использование в практике ФВ девочек дошкольного возраста специальных упражнений, направленных на развитие плечевого пояса и способствующих ГРТ [Osipov et al., 2021].

Изучив рекомендации данных специалистов по возможностям и потенциальным рискам использования различных средств, методов и программ ФВ для повышения уровня физического развития детей дошкольного возраста, авторы составили план проведения исследования с учетом требований к постановке целей и задач исследования, подбору участников, планируемым методам физического воздействия (общий объем и интенсивность физической нагрузки, соответствие предлагаемых упражнений уровню двигательных возможностей детей), объективным и надежным методам и критериям оценки полученных результатов.

В исследовании приняли участие 56 детей дошкольного возраста (девочки, средний возраст – $5,32 \pm 0,27$ лет). Все дошкольники соответствовали критериям включения в данное исследование: а) отсутствие каких-либо медицинских противопоказаний для занятий ФВ; б) хронологический возраст детей от 5 до 6 лет; в) схожие показатели физического развития и физической подготовленности на момент отбора; г) обязательное согласие всех родителей и администрации ДООУ № 16 и ДООУ № 179 (Красноярск) на проведение исследования с участием детей дошкольного возраста. Все этические принципы, включая информирование всех заинтересованных лиц о целях, задачах и процедурах проводимого исследования, разрешение на публикацию полученных результатов в научной периодике и одобрение локального комитета по этике, были выполнены авторами.

Продолжительность исследования составила около 9 месяцев (сентябрь 2023 – май 2024 гг.). В течение первых 2 недель проходил отбор детей для участия в исследовании, также проходили процедуры согласования всех деталей проведения исследования с родителями и администрацией ДОУ. Занятия ФВ проводились 3 раза в неделю (понедельник – среда – пятница), за исключением первых двух недель сентября и последней недели декабря – первой недели января (зимние каникулы), до 1 июня 2024 г., кроме праздничных дней. После завершения общих процедур отбора участниц и согласования деталей исследования с родителями и администрацией ДОУ всех девочек

случайным (слепым) способом разделили на две равные группы. Программа ФВ для девочек (группа А) была составлена на основе рекомендаций по использованию в практике ФВ ДА, связанной с игровой деятельностью и разнообразием движений (гимнастика, хореография, танцы и т.д.). Программа ФВ для девочек (группа Б) была составлена на основе рекомендаций по применению средств и методов ФВ, способствующих ГРТ и успешному формированию основных двигательных способностей у детей, предполагающих использование в практике занятий ФВ ряда упражнений, направленных на развитие мышц плечевого пояса и верхних конечностей (табл. 1).

Таблица 1

Содержание программ ФВ для участниц исследования

Table 1

Contents of the PE programs for study participants

Группа А (n = 18)	Группа Б (n = 18)
Разминка (5 мин) Ходьба и бег на месте, повороты, наклоны, круговые движения частями тела	
Подвижные игры (6–8 мин) «Ходьба животных», «Через полосу препятствий», «Танцуй-замри»	ГРТ (6–8 мин) «Ходьба животных», вис на прямых и согнутых руках на турниках и перекладинах
Хореография (3–5 мин) Танцевальные движения под ритмичную музыку (Zumba for Kids)	
Гимнастика или йога (6–8 мин) Прыжки, кувырки, перекаты, детская йога (Yoga Kids)	ГРТ (6–8 мин) Передвижения по турникам, стенкам, лесенкам и перекладинам (Monkey Bars)
Подвижные игры (6–8 мин) «Балансирование» (Balance Beam), «Проход под арками» (Limbo)	
Хореография (3–5 мин) Танцевальные движения под ритмичную музыку (Hip Hop for Kids)	
«Заминка» (2–3 мин) Упражнения для развития гибкости и подвижности суставов тела	

Для оценки уровня физического развития исследуемых девочек были выполнены процедуры: измерение роста и веса, расчет индекса массы тела (ИМТ) согласно стандартам ВОЗ для данной гендерной и возрастной группы¹, измерение диаметра и поперечного диаметра грудной клетки, расчет индекса Риса – Айзенка

(Rees – Eysenck body index – REBI) и биоимпедансный анализ для оценки типа конституции тела и состава тела участниц исследования. Все процедуры были выполнены в соответствии с рекомендациями ученых и экспертов ВОЗ² [Pawlak et al., 2021].

¹ WHO. BMI-for-age (5–19 years). URL: <https://www.who.int/toolkits/growth-reference-data-for-5to19-years/indicators/bmi-for-age> (access date: 11.11.2024).

² WHO technical report series; 854. Physical status: the use of and interpretation of anthropometry, report of a WHO expert committee. URL: <https://www.who.int/publications/item/9241208546> (access date: 11.11.2024).

Для измерения роста и веса участниц исследования использовались: ростомер механический «ТВЕС РП» (пр-во Россия) и электронные напольные весы «TANITA BC-313» (пр-во Япония) с функцией анализатора состава тела. Измерение поперечного диаметра грудной клетки детей производилось с помощью большого толстотного циркуля «КАФА 600» (пр-во Россия). Расчет индекса Риса – Айзенка (REBI) выполнен по формуле: $\text{рост (см)} \times 100 / \text{поперечный диаметр грудной клетки (см)} \times 6$. Индекс телосложения оценивался по следующим значениям: $< 95,9$ – пикнический тип телосложения (ПТ), $95,9\text{--}104,3$ – нормостенический тип (НТ), $> 104,3$ – астенический тип (АТ) [Reddy, Verghese, 1987]. Оценка функциональных возможностей системы дыхания (ЖЕЛ) проводилась с помощью аппаратно-программного комплекса «Валента» (пр-во Россия). Оценка силы различных мышечных групп: кистевая динамометрия (КД) и станова динамометрия (СД) – выполнена с помощью динамометра кистевого ДК-25 и динамометра станového ДС-200 (пр-во Россия). Процедуры биоимпедансного анализа выполнены с помощью анализатора состава тела и баланса водных секторов организма АВС-01 «МЕДАСС» (пр-во Россия). Исследовалось соотношение жировой (ЖТ), мышечной (МТ) и костной (КТ) ткани в организме девочек. Все процедуры измерений были выполнены дважды в течение исследования: 1-е тестирование проводилось в сентябре 2023 г., 2-е – в мае 2024 г.

Статистические процедуры обработки и анализа результатов данного исследования выполнены с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics для Windows 20.0 (пр-во США). Все собранные данные представлены в виде средних значений и стандартных отклонений ($M \pm SD$) для переменных, связанных с показателями физического развития девочек и процентами (%) для переменных, связанных с анализом состава тела и типа конституции тела детей. Проверки полученных данных на нормальность и гомоскедастичность выполнены с помощью критерия Шапиро – Уилка и теста Левена. Сравнение переменных, отражающих результаты

проведенных тестов и измерений между исследуемыми группами, выполнено с помощью независимого t-теста. Проверка вероятных различий в переменных, отражающих результаты 1-го и 2-го тестирования для каждой из исследуемых групп, выполнена с помощью процедур дисперсионного анализа (однофакторный ANOVA). Уровень значимости полученных результатов установлен на уровне $p \leq 0,05$.

Результаты исследования. Анализ результатов 1-го тестирования (сентябрь, 2023 г.) не выявил каких-либо значимых различий в показателях, характеризующих уровень физического развития и состав тела участниц исследования. Результаты 2-го тестирования позволили выявить значимые ($p \leq 0,05$) различия в показателях, характеризующие тип конституции тела и силу хвата (КД), в пользу девочек (группа Б) применявших программу ФВ, способствующую ГРТ. Выявлен достоверно больший процент детей с НТ в группе Б после процедуры 2-го тестирования по сравнению с результатами 1-го тестирования в данной группе. В то же время обнаружено значимое повышение общего процента детей с ПТ в группе А за период проведения исследования. Биоимпедансный анализ показал, что процентное содержание МТ достоверно выше у детей (группа Б), использовавших программу ФВ, способствующую ГРТ (табл. 2).

Проведенное исследование относится к многим научным работам, посвященным изучению и оценке эффективности различных программ ФВ детей дошкольного возраста в вопросе гармоничного физического развития, связанного с ГРТ и коррекцией состава тела у детей. Полученные авторами результаты указывают на необходимость обязательного использования в практике ФВ дошкольников средств, методов и программ, способствующих ГРТ у детей за счет целенаправленного использования на занятиях ФВ упражнений, направленных на развитие мышц плечевого пояса и верхних конечностей занимающихся. Исследование показало, что девочки (группа Б), использовавшие в практике ФВ методику занятий, связанную с ГРТ, продемонстрировали достоверно более высокие

Таблица 2

Оценка показателей физического развития и компонентного состава тела участниц исследования

Table 2

Assessment of physical development and body composition indicators of study participants

Показатели/тесты	Группа А (n = 28)	Группа Б (n = 28)	p ≤
1-е тестирование (сентябрь, 2023 г.)			
Рост тела (см)	111,86 ± 7,42	112,02 ± 5,39	0,937
Вес тела (кг)	20,52 ± 3,17	20,78 ± 3,24	0,965
ИМТ	16,43 ± 0,05	16,68 ± 0,03	0,957
АТ (%)	21,63 ± 0,51	22,19 ± 0,44	0,895
НТ (%)	56,82 ± 1,38	55,94 ± 1,57	0,847
ПТ (%)	21,55 ± 0,43	21,87 ± 0,36	0,962
ЖЕЛ (мл)	1237,81 ± 78,29	1215,65 ± 58,32	0,947
КД (кг)	6,56 ± 1,28	6,47 ± 1,17	0,865
СД (кг)	20,71 ± 3,25	20,16 ± 4,08	0,858
МТ (%)	34,79 ± 3,52	35,02 ± 3,23	0,854
ЖТ (%)	18,23 ± 5,38	18,55 ± 4,26	0,892
КТ (%)	20,03 ± 3,25	19,86 ± 3,47	0,925
2-е тестирование (май, 2024 г.)			
Рост тела (см)	116,39 ± 6,21	118,47 ± 6,29	0,246
Вес тела (кг)	25,05 ± 5,23	24,72 ± 4,55	0,874
ИМТ	18,62 ± 0,07	17,76 ± 0,06	0,752
АТ (%)	15,01 ± 0,25	13,48 ± 0,16	0,453
НТ (%)	58,64 ± 1,53	66,03 ± 2,34	0,032*
ПТ (%)	26,35 ± 0,18	20,49 ± 0,27	0,038*
ЖЕЛ (мл)	1455,63 ± 109,34	1407,41 ± 86,25	0,856
КД (кг)	7,94 ± 1,29	10,35 ± 1,63	0,046*
СД (кг)	24,68 ± 4,36	26,12 ± 5,42	0,065
МТ (%)	35,33 ± 4,28	37,26 ± 4,11	0,048*
ЖТ (%)	20,46 ± 4,35	19,39 ± 4,17	0,578
КТ (%)	21,15 ± 3,26	22,31 ± 3,04	0,539

показатели МТ в составе тела и НТ в типе своего телосложения по сравнению с девочками (группа А), использовавшими программу ФВ, основанную на преобладании игровой деятельности и хореографии. Преподавателям ФВ в ДОУ и инструкторам по детскому фитнесу рекомендуется учитывать полученные результаты при разработке программ ФВ для девочек дошкольного возраста. Включение в программу занятий ФВ у дошкольников упражнений, способствующих ГРТ, необходимо для гармонизации физического развития и значимой коррекции компонентного состава тела детей.

Полученные авторами результаты могут быть ограничены небольшим количеством детей – участников исследования, недостатком объективных данных об уровне общей ДА детей во внеучебное время, недостатком точной информации об эффективности восприятия организмом занимающихся детей получаемой на занятиях физической нагрузки. В то же время использование программ ФВ, составленных согласно последним рекомендациям ведущих экспертов, и строгое соблюдение всех рекомендаций к проведению процедур тестирования, можно отнести к сильным сторонам данного исследования.

Заключение. Исследование показало, что программа ФВ для девочек дошкольного возраста, связанная с ГРТ и предполагающая использование упражнений, способствующих развитию плечевого пояса, мышц верхних конечностей и основных двигательных навыков детей, более эффективна в деле гармонизации телосложения (тип телосложения) и улучшения состава тела (увеличение процента мышечной ткани в организме) по сравнению с программой ФВ, предлагающей преобладание игровой деятельности и хореографии в практике ФВ девочек дошкольного возраста.

Библиографический список

1. Ведерникова О.Б., Ушаков А.С., Прокопчик Е.Ю., Щелгачева К.Б., Воронцова Е.А. Роль физического воспитания в формировании здорового образа жизни дошкольников в условиях дошкольного образовательного учреждения // Человек. Спорт. Медицина. 2024. № S1 (24). С. 166–175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67218483> (дата обращения: 11.11.2024).
2. Винокурова Н.А., Сентизова М.И., Винокурова О.А. Народные подвижные игры и состязания как средства формирования двигательных умений и навыков дошкольников // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 76–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44496918> (дата обращения: 11.11.2024).
3. Гусарова С.В., Беляева А.А., Галактионова М.Ю. Соматотип и компонентный состав тела дошкольников // Российский педиатрический журнал. 2022. № 6 (25). С. 399–400. URL: <https://www.rosiped.ru/jour/article/view/92> (дата обращения: 11.11.2024).
4. Ерегина С.В., Тарасенко К.Н. Теоретические подходы к спортизации физического воспитания дошкольников // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2020. № 4. С. 60–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43083810> (дата обращения: 11.11.2024).
5. Маринович М.А., Трофимова О.С., Мазуренко Е.А. Влияние занятий игровой направленности на психофизические способности старших дошкольников // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 7 (197). С. 207–210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46526675> (дата обращения: 11.11.2024).
6. Орлова И.И., Осипов А.Ю., Карнаухов А.А., Паршин С.В. Влияние различных методик физического воспитания на физическое развитие мальчиков дошкольного возраста // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2022. № 12. С. 33–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50043415> (дата обращения: 11.11.2024).
7. Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Кинезиологическая образовательная технология физического воспитания дошкольников // Теория и практика физической культуры. 2020. № 11. С. 68–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44194812> (дата обращения: 11.11.2024).
8. Шепеленко С.А., Мезенцева О.Н. Совершенствование процесса физического воспитания старших дошкольников на основе применения средств чирлидинга // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2022. № 9. С. 47–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49459158> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Шестакова Т.А., Руднева Л.В., Титова А.В. Проектирование методики использования упражнений игростретчинга в физическом воспитании дошкольников // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2019. № 5. С. 14–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37627180> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Battaglia, G., Giustino, V., Tabacchi, G., Alesi, M., Galassi, C., Modica, C., Palma, A., & Bellafiore, M. (2020). Effectiveness of a physical education program on the motor and pre-literacy skills of preschoolers from the training-to-health project: a focus on weight status. *Frontiers in Sports and Active Living*, 2, 579421. DOI: <https://doi.org/10.3389/fspor.2020.579421>

11. Kain, J., Leyton, B., Soto-Sánchez, J., & Concha, F. (2018). In preschool children, physical activity during school time can significantly increase by intensifying locomotor activities during physical education classes. *BMC Research Notes*, *11*, Article number 438. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13104-018-3536-x>
12. Kwon, S., O'Brien, M.K., Welch, S.B., & Honegger, K. (2022). Physical activity among U.S. preschool-aged children: application of machine learning physical activity classification to the 2012 national health and nutrition examination survey national youth fitness survey. *Children (Basel)*, *9* (10), 1433. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9101433>
13. Lv, W., Fu, J., Zhao, G., He, Z., Sun, S., Huang, T., Wang, R., Chen, D., & Chen, R. (2023). A cohort study of factors influencing the physical fitness of preschool children: a decision tree analysis. *Frontiers in Public Health*, *11*, 1184756. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1184756>
14. Martinez-Merino, N., & Rico-González, N. (2024). Effects of physical education on preschool children's physical activity levels and motor, cognitive, and social competences: a systematic review. *Journal of Teaching in Physical Education*, *43* (4), 696–706. DOI: <https://doi.org/10.1123/jtpe.2023-0183>
15. Osipov, A.Yu., Orlova, I.I., Iermakov, S.S., Ratmanskaya, T.I., Nagovitsyn, R.S., & Kudryavtsev, M.D. (2021). Harmonious physique development and obesity prevention of preschool girls. *Physical Activity Review*, *9* (2), 66–75. DOI: <https://doi.org/10.16926/par.2021.09.22>
16. Pawlak, A., Ręka, G., Olszewska, A., Warchulińska, J., & Pieciewicz-Szczęśna, H. (2021). Methods of assessing body composition and anthropometric measurements – a review of the literature. *Journal of Education, Health and Sport*, *11* (4), 18–27. DOI: <https://doi.org/10.12775/JEHS.2021.11.04.002>
17. Reddy, K., & Verghese, A. (1987). The usefulness of Rees-Eysenck body index as a measure of body build. *Indian Journal of Psychiatry*, *29* (1), 89–90. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3172435/> (access date: 11.11.2024).
18. Vale, S., Santos, R., Soares-Miranda, L., Silva, P., & Mota, J. (2011). The importance of physical education classes in pre-school children. *Journal of Paediatrics and Child Health*, *47* (1–2), 48–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1754.2010.01890.x>
19. Van Cauwenberghe, E., Labarque, V., Gubbels, J., De Bourdeaudhuij, I., & Cardon, G. (2012). Preschooler's physical activity levels and associations with lesson context, teacher's behavior, and environment during preschool physical education. *Early Childhood Research Quarterly*, *27* (2), 221–230. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2011.09.007>
20. Wang, C. (2022). The role of physical activity promoting thinking skills and emotional behavior of preschool children. *Psychology: Research and Review*, *35*, Article number 24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41155-022-00223-1>

INFLUENCE OF VARIOUS PHYSICAL EDUCATION PROGRAMS ON PHYSICAL DEVELOPMENT INDICATORS OF PRESCHOOL GIRLS

I.I. Orlova (Krasnoyarsk, Russia)

A.Yu. Osipov (Krasnoyarsk, Russia)

D.V. Loginov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Experts have identified a contradiction between the need to increase the role of physical education (PE) in harmonization of children's physical development and the lack of high-quality theoretical and methodological approaches to the implementation of PE among preschoolers. In particular, PE programs for preschool girls should take into account the need for harmonious physique development, through the selection of methods that contribute to an overall reduction in percentage of adipose tissue and increase in percentage of bone and muscle tissue in the body of preschoolers.

The purpose of the article is to study the impact of various PE programs, recommended by experts for the harmonization of the physical development among preschool children, on physical development indicators of 5–6-year-old girls.

Methodology (materials and methods). Girls (n = 56) attended PE classes according to two programs: group A (n = 28) followed the program related to play activities and choreography; group B (n = 28) followed the program related to the harmonious physique development. The impact of PE programs on indicators of physical development and body composition of all girls assessed using a number of anthropometric measurements, tests, characterizing physical development of children and bioimpedance analysis.

Research results. There were significant ($p \leq 0,05$) differences in indicators characterizing carpal dynamometry (grip strength), normosthenic and pyknic body types, and percentage of muscle mass in the body, in favor of girls, who followed the PE program associated with the harmonious physique development.

Conclusion. Application of PE programs for preschool girls, related to physique harmonization, and involving the application of exercises that promote the development of shoulder girdle, upper limb muscles and basic motor skills of children, is more effective for physique harmonization (body type) and improving body composition (increasing the percentage of muscle tissue in the body), compared with PE programs, offering a predominance of play activities and choreography in PE of preschool girls.

Keywords: *harmonious physique development, preschoolers, body composition, physical education programs, motor games, comparative data analysis.*

Orlova, Irina I. – PhD (Medicine), Associate Professor, Department of Human Anatomy, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6118-0672>; Scopus Author ID: 57210932193; e-mail: matiz270@mail.ru

Osipov, Aleksander Yu. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Physical Education, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2277-4467>; Scopus Author ID: 57189904234; e-mail: Ale44132272@ya.ru

Loginov, Denis V. – Senior Lecturer, Department of Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4882-341X>; Scopus Author ID: 57210935108; e-mail: deniska-loginov-1900@mail.ru

References

1. Vedernikova, O.B., Ushakov, A.S., Prokopchik, E.Yu., Shchelgacheva, K.V., & Vorontsova, E.A. (2024). The influence of physical education on the development of a healthy lifestyle among preschool children in an educational institution. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Human. Sport. Medicine], 24 (S1), 166–175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67218483> (access date: 11.11.2024).
2. Vinokurova, N.A., Sentizova, M.I., & Vinokurova, O.A. (2020). Folk mobile games and competitions as a means of shaping the motor skills and skills of preschoolers. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of Lesgaft University], 11 (189), 76–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44496918> (access date: 11.11.2024).

3. Gusarova, S.V., Belyaeva, A.A., & Galaktionova, M.Yu. (2022). Somatotype and component composition of the body in preschoolers. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal* [Russian Pediatric Journal], 6 (25), 399–400. URL: <https://www.rosped.ru/jour/article/view/92> (access date: 11.11.2024).
4. Eregina, S.V., & Tarasenko, K.N. (2020). Theoretical approaches to sportization of preschool physical education. *Fizicheskaya kultura: vospitaniye, obrazovaniye, trenirovka* [Physical Education: Upbringing, Education, Training], 4, 60–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43083810> (access date: 11.11.2024).
5. Marinovich, M.A., Trofimova, O.S., & Mazurenko, E.A. (2021). Influence of gambling activities on psychophysical abilities of older preschoolers. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of Lesgaft University], 7 (197), 207–210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46526675> (access date: 11.11.2024).
6. Orlova, I.I., Osipov, A.Yu., Karnaukhov, A.A., & Parshin, S.V. (2022). Effect of various physical education methods on physical development of preschool boys. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport* [News of the Tula State University. Physical Culture. Sport], 12, 33–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50043415> (access date: 11.11.2024).
7. Sosunovsky, V.S., & Zagrevskaya, A.I. (2020). Kinesiological educational technology in physical education of preschoolers. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and Practice of Physical Culture], 11, 30–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44194812> (access date: 11.11.2024).
8. Shepelenko, S.A., & Mezentseva, O.N. (2022). Improvement of the process of physical education of senior preschool children on the basis of the use of childing means. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport* [News of the Tula State University. Physical Culture. Sport], 9, 47–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49459158> (access date: 11.11.2024).
9. Shestakova, T.A., Rudneva, L.V., & Titova A.V. (2019). Design of the technique of use of exercises of the game-stretching in physical training of preschool children. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport* [News of the Tula State University. Physical Culture. Sport], 5, 14–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37627180> (access date: 11.11.2024).
10. Battaglia, G., Giustino, V., Tabacchi, G., Alesi, M., Galassi, C., Modica, C., Palma, A., & Bellafiore, M. (2020). Effectiveness of a physical education program on the motor and pre-literacy skills of preschoolers from the training-to-health project: a focus on weight status. *Frontiers in Sports and Active Living*, 2, 579421. DOI: <https://doi.org/10.3389/fspor.2020.579421>
11. Kain, J., Leyton, B., Soto-Sánchez, J., & Concha, F. (2018). In preschool children, physical activity during school time can significantly increase by intensifying locomotor activities during physical education classes. *BMC Research Notes*, 11, Article number 438. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13104-018-3536-x>
12. Kwon, S., O'Brien, M.K., Welch, S.B., & Honegger, K. (2022). Physical activity among U.S. preschool-aged children: application of machine learning physical activity classification to the 2012 national health and nutrition examination survey national youth fitness survey. *Children (Basel)*, 9 (10), 1433. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9101433>
13. Lv, W., Fu, J., Zhao, G., He, Z., Sun, S., Huang, T., Wang, R., Chen, D., & Chen, R. (2023). A cohort study of factors influencing the physical fitness of preschool children: a decision tree analysis. *Frontiers in Public Health*, 11, 1184756. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1184756>
14. Martinez-Merino, N., & Rico-González, N. (2024). Effects of physical education on preschool children's physical activity levels and motor, cognitive, and social competences: a systematic review. *Journal of Teaching in Physical Education*, 43 (4), 696–706. DOI: <https://doi.org/10.1123/jtpe.2023-0183>
15. Osipov, A.Yu., Orlova, I.I., Iermakov, S.S., Ratmanskaya, T.I., Nagovitsyn, R.S., & Kudryavtsev, M.D. (2021). Harmonious physique development and obesity prevention of preschool girls. *Physical Activity Review*, 9 (2), 66–75. DOI: <https://doi.org/10.16926/par.2021.09.22>

16. Pawlak, A., Ręka, G., Olszewska, A., Warchulińska, J., & Pieciewicz-Szczęсна, H. (2021). Methods of assessing body composition and anthropometric measurements – a review of the literature. *Journal of Education, Health and Sport*, 11 (4), 18–27. DOI: <https://doi.org/10.12775/JEHS.2021.11.04.002>
17. Reddy, K., & Verghese, A. (1987). The usefulness of Rees-Eysenck body index as a measure of body build. *Indian Journal of Psychiatry*, 29 (1), 89–90. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3172435/>
18. Vale, S., Santos, R., Soares-Miranda, L., Silva, P., & Mota, J. (2011). The importance of physical education classes in pre-school children. *Journal of Paediatrics and Child Health*, 47 (1–2), 48–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1754.2010.01890.x>
19. Van Cauwenberghe, E., Labarque, V., Gubbels, J., De Bourdeaudhuij, I., & Cardon, G. (2012). Preschooler's physical activity levels and associations with lesson context, teacher's behavior, and environment during preschool physical education. *Early Childhood Research Quarterly*, 27 (2), 221–230. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2011.09.007>
20. Wang, C. (2022). The role of physical activity promoting thinking skills and emotional behavior of preschool children. *Psychology: Research and Review*, 35, Article number 24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41155-022-00223-1>

УДК 159.9

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ

Е.В. Бауэр (Красноярск, Россия)

М.В. Сафонова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Интерес к проблеме эмоционального интеллекта существенно возрос за последние десятилетия. Эмоциональный интеллект рассматривается как одна из ключевых компетенций XXI в., как фактор успешной адаптации и развития в мире бурно развивающегося искусственного интеллекта. Направления исследований в этой области достаточно разнообразны и требуют обобщения и систематизации. *Цель* статьи – проанализировать, систематизировать и обобщить исследования в области эмоционального интеллекта, проведенные на подростках.

Методологию исследования составили анализ, обобщение и систематизация научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, связанных с эмоциональным интеллектом подростков, этим обусловлены используемые методы: анализ, синтез, обобщение, систематизация научных идей и изысканий по проблеме эмоционального интеллекта подростков.

Результаты. В ходе исследования обобщены сведения, полученные в результате апробированных научных исследований современных ученых. Исследования сгруппированы в основные направления: исследования по изучению эмоционального интеллекта, его составляющих, структуры, особенностей и компонентов; исследования, посвященные разработке диагностического инструментария; исследования, посвященные разработке программ по развитию эмоционального интеллекта; исследования, направленные на изучение взаимосвязи возрастных особенностей развития и эмоционального интеллекта. Последние целесообразно дифференцировать в подгруппы детей, подростков и взрослых.

Анализ исследований в области эмоционального интеллекта подростков позволил систематизировать научные изыскания по данному феномену в следующие разделы: анализ структуры, особенностей и компонентов эмоционального интеллекта подростков, феномен эмоционального интеллекта подростков как объект; взаимосвязь эмоционального интеллекта и гендерных особенностей подростков; эмоциональный интеллект как предиктор межличностного общения у подростков; взаимосвязь лидерских качеств и характеристик эмоционального интеллекта у подростков; взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и интернет-зависимого поведения подростков; влияние уровня эмоционального интеллекта на формирование девиантного поведения у подростков.

Нами выявлена недостаточность сведений об эмоциональном интеллекте подростков, а именно предикторов развития эмоционального интеллекта в контексте параметров семейной системы и других компонентов внутрисемейных отношений.

Заключение. На основе полученных данных сделаны выводы о том, что проблемы особенностей и развития эмоционального интеллекта подростков в нашей стране изучены весьма неравномерно. Для расширения представлений о данном феномене необходимы исследования эмоционального интеллекта подростков в контексте семейной системы, детско-родительских отношений и относительно сиблинговой позиции подростка.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, интеллект, эмоции, подростки, семейная система.

Бауэр Евгения Владимировна – аспирант кафедры психологии института психолого-педагогического образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: gev.01@mail.ru
Сафонова Марина Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-код: 8787-9993; AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

Постановка проблемы. Более четырех десятилетий минуло с тех пор, как американские ученые Дж. Мейер и П. Сэловей в 1990 г. выделили понятие «эмоциональный интеллект». С каждым годом неуклонно растет интерес ученых всего мира к этому феномену, а вместе с ним и количество научных изысканий, направленных на углубленное

изучение его структуры, сущностных признаков и особенностей проявления в разных сферах жизни человека, однако многое остается неясным и проблема исследования эмоционального интеллекта на сегодняшний день продолжает оставаться актуальной [Mayer, Salovey, 1993].

Эмоции, как первопричина всех действий человека, зародились в структуре человеческого мозга задолго до формирования мыслительной деятельности, но, несмотря на это, долгое время ученые недооценивали важность эмоций человека и эмоциональный аспект игнорировался в пользу интеллекта в привычном нам понимании (IQ). Однако все чаще и чаще обнаруживалась несостоятельность такой оценки умственных способностей человека: отличники с высоким коэффициентом IQ не всегда добиваются высокооплачиваемой должности своей мечты, часто не способны создавать высокоэффективные социальные связи, например, создать счастливый брак, наладить хорошие отношения с родителями, коллегами и соседями. На данный момент совершенно очевидно, что высокий уровень IQ не гарантирует того, что человек будет проживать жизнь гармонично, удовлетворяя свои потребности в соответствии с личностными базовыми и высшими ценностями. Таким образом, общество ощутило потребность в иных подходах к оценке успешности индивида, и ответом на этот общественный запрос стала концепция эмоционального интеллекта Дж. Мейера и П. Сэловея.

Цель статьи – проанализировать, систематизировать и обобщить исследования в области эмоционального интеллекта, проведенные на подростках.

Методологию исследования составили анализ, обобщение и систематизация научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, связанных с эмоциональным интеллектом подростков, этим обусловлены используемые методы: анализ, синтез, обобщение, систематизация научных идей и изысканий по проблеме эмоционального интеллекта подростков.

Обзор научной литературы. Термин «эмоциональный интеллект» определен основопо-

ложниками концепции Дж. Мейером и П. Сэловеем как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять, а также регулировать эмоции (свои и других людей) [Mayer, Salovey, 1997]. Через несколько лет у теории Дж. Мейера и П. Сэловея появились последователи – Р. Бар-Он, Д. Гоулман, Х. Вайсбах, У. Дакс. Развивая теорию эмоционального интеллекта, они добавили к основным факторам (понимание и выражение своих и чужих эмоций) дополнительные критерии, такие как мотивация, настойчивость, энтузиазм, оптимизм, самоконтроль и т.д., что придает феномену в их интерпретации направление социальной позитивной компетенции человека. Таким образом, на данный момент существует два подхода к измерению эмоционального интеллекта: модели способностей (Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо) и смешанные модели (Р. Бар-Он, Д. Гоулман) [Bar-On, Parker, 2000; Goleman, 1995]. В подходе моделей способностей эмоциональный интеллект измеряется с помощью тестов, тогда как в смешанной модели уровень эмоционального интеллекта измеряется при помощи методов самоотчета – опросников.

Отечественные ученые также обращали внимание на вопрос взаимовлияния эмоциональных и когнитивных компонентов психики человека, в результате их научной деятельности мы имеем возможность познакомиться с трудами в данной области таких выдающихся ученых, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.К. Анохин.

Л.С. Выготский считал, что одной из важнейших проблем психологической науки является отрыв интеллектуальной стороны нашего сознания от аффективной [Выготский, 2021]. С.Л. Рубинштейн в своих работах предложил рассматривать эмоциональную сферу индивида относительно органической эмоциональной чувствительности, предметных чувств и мировоззренческих чувств [Рубинштейн, 2012]. В работе «Потребности. Мотивы. Эмоции» А.Н. Леонтьев выделил три типа эмоциональных процессов: эмоции, чувства и аффекты, где эмоции «играют роль ориентирующих субъективных

сигналов» [Леонтьев, 2010]. В результате исследований А.Р. Лурия, рассмотрев проблемы эмоционально-интеллектуальных взаимовлияний, выдвинул «Теорию системной динамической локализации высших психических функций» в области нейропсихологии (Хомская, 2021).

Интересный взгляд на феномен эмоций продемонстрировал советский физиолог П.К. Анохин, который подчеркивал эволюционный, приспособительный характер эмоций [Анохин, 2006]. Он уделил особое внимание регуляторной функции в процессе адаптации организма к окружающей среде. По его мнению, следовало дифференцировать в поведении человека две стадии: стадию формирования потребностей (сопровождающуюся негативными эмоциями) и стадию удовлетворения потребностей (сопровождающуюся положительными эмоциями).

Ю.Н. Емельянов исследовал эмоции человека в связи с использованием вербальных и невербальных способов коммуникации [Емельянов, 1985].

П.В. Симонов, рассматривая эмоции с точки зрения нейрофизиологии, уточнил некоторые мозговые механизмы эмоций. Симонов выделяет такие функции эмоций, как отражательно-оценочная, переключающая, подкрепляющая, компенсаторная. Ученый убежден, что именно поиск положительной эмоции является детерминирующим в поведении человека [Симонов, 1981].

Одновременно с советскими учеными вопросами аффективной сферы человека занимались зарубежные научные деятели. Большой вклад в развитие изучения эмоций внес Д. Векслер, рассматривающий, наряду с интеллектом, «неинтеллектуальные элементы», под одним из которых он понимает аффективно-регулятивный компонент [Wechsler, 1943]. Ч. Спирмен, Г. Гарднер, Р. Стернберг, Л. Терстоун, А. Айзенк, работая независимо друг от друга над уточнением структуры интеллекта, также внесли большой вклад в области эмоционального интеллекта. Отдельного внимания заслуживает теория Г. Гарднера о множественном интеллекте [Gardner, 2011]. Французский психолог Т. Рибо рассматривал

эмоции как эволюционно обусловленный феномен, продукт мозговой деятельности (Т. Ribot, 1889). Идеи теорий Г. Гарднера и Т. Рибо можно назвать предшествующими выделению эмоционального интеллекта как феномена.

Впоследствии на постсоветском пространстве тема эмоций также продолжала исследоваться нашими соотечественниками.

А.А. Бодалев в своих исследованиях касается темы эмоционального интеллекта в контексте общения и межличностных отношений [Бодалев, 1995]. Он рассматривает три критерия эмоционального интеллекта, влияющих на качество общения: умение разбираться в людях и анализировать их особенности, адекватно реагировать на их поведение и находить подход к любому человеку.

Д.В. Ушаков и Д.В. Люсин заинтересовались взаимосвязью эмоционального интеллекта, познанием внутреннего мира и анализом поступков и поведения (своего и других людей) [Социальный..., 2009].

Современные существующие исследования эмоционального интеллекта можно разделить на несколько групп.

1. Исследования по изучению эмоционального интеллекта, его составляющих, структуры, особенностей и компонентов (И.Н. Андреева [Андреева, 2011], Е.А. Орел, И.С. Степанов, Т.В. Манянина, Е.П. Ильин, М.А. Холодная, Дж. Мейер и П. Сэловей, Д. Карузо [Mayer, 2000]).

2. Исследования, посвященные разработке диагностического инструментария (И.Н. Андреева, Е.А. Орел, Д.В. Люсин, О.О. Марютина, А.С. Степанова, Е.А. Сергиенко, И. И. Ветрова, Т.С. Киселева, Е.А. Хлевная, М.А. Манойлова, Т.А. Бусыгина, С.А. Исханова, Ю.П. Мигун, Е.И. Осипенко, Л.Н. Вахрушева).

3. Исследования, посвященные разработке программ для развития эмоционального интеллекта (К.В. Адушкина, А.В. Дегтярев, А.О. Куракина, Е.А. Сергиенко, Т.С. Киселева, Е.А. Хлевная, Ю.П. Мигун, Л.А. Максимова, С.А. Шайхуллина [Максимова, Шайхуллина, 2020] и др.).

4. Исследования, направленные на изучение взаимосвязи возрастных особенностей развития

и эмоционального интеллекта. Самым благоприятным периодом развития эмоционального интеллекта является детство (М.Н. Андерсон, А.В. Добрин, С.В. Ильина, А.К. Мазина, О.А. Орехова, О.Ю. Пискун, И.Н. Розова, И.В. Житная, К.А. Иванова). Период подростничества также считается окном возможностей для развития эмоционального интеллекта (Ю.В. Давыдова, Л.Н. Вахрушева, О.В. Кобзева, Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко, С.Д. Смирнов, Т.В. Гудкова, А.А. Александрова, В.Ю. Семенов, Ю.А. Кочетова, М.Л. Мельникова, В.А. Пятунин, М.И. Кошенова, М.В. Белоусова, Т.В. Пантелеева, Е.А. Трухан, Н.С. Рыжковский, С.С. Девятов). Особенности эмоционального интеллекта взрослых рассмотрели такие ученые, как И.Н. Андреева, Ю.В. Баурова, О.В. Грибкова, О.В. Юрьева, А.М. Белобородов, А.С. Петровская, О.В. Белоконь.

Несмотря на значительное число исследований в области эмоционального интеллекта, в контексте этапа подростничества этот феномен изучен недостаточно.

Подростковый возраст – это период вступления в самостоятельную жизнь. Подросток стремится выразить собственную позицию по отношению к себе, родителям, друзьям, окружающим и к моральным ценностям в целом. Предметная деятельность этого периода – общение со сверстниками, познание дружбы и служение ей, что делает отрочество сензитивным периодом для развития эмоционального интеллекта. Решение главных возрастных задач – поиск самости, укрепление самооценки и позитивного мироощущения, сепарация от семьи, профессиональное самоопределение, построение межличностных отношений – приводят подростка к невероятному психологическому напряжению, и переоценить роль эмоционального интеллекта в период подростничества невозможно.

Результаты исследования. Предлагаем рассмотреть подробнее, какие аспекты эмоционального интеллекта подростков были выделены и исследованы современными учеными, какие результаты были получены в ходе их изысканий и какие выводы были сделаны.

Анализом проблем эмоционального интеллекта подростков в России занимались ученые Ю.В. Давыдова, Л.Н. Вахрушева, О.В. Кобзева.

Исследуя структуру и особенности проявления эмоционального интеллекта в подростковом возрасте, Ю.В. Давыдова, одна из первых исследователей эмоционального интеллекта подростков в России, отмечает, что в этом возрасте сущностные признаки группируются в две основных категории: понимание эмоций и саморегуляцию; в младшем подростковом возрасте эмоциональный интеллект являет собою некий синтез эмоционального и социального интеллекта¹. Исследуя пять очень разных социальных подгрупп подростков (подростки с девиантным поведением, ученики православной гимназии, ученики обычной московской школы, дети из неблагополучных семей, подростки-спортсмены), она сделала выводы, что уровень развития подростков в целом сходный вне зависимости от того, к какой социальной группе подросток принадлежит. Одновременно с Ю.В. Давыдовой исследовательской деятельностью в этом направлении занималась Л.Н. Вахрушева, однако ее изыскания проходили на выборке респондентов в возрасте 16–23 лет, что лишь отчасти соответствует нашим интересам². Заметим, что полученные ею данные не противоречат выводам Ю.В. Давыдовой.

В работе «Эмоциональный интеллект как источник развития в подростковом возрасте» О.В. Кобзева в качестве вывода отмечает, что у подростков эмоциональный интеллект проявляется в основном как способность понимать чужие эмоции и управлять ими, испытывать эмпатию, однако не отождествлять переживания другого человека со своими ощущениями [Кобзева, 2018].

¹ Давыдова Ю.В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Российский университет дружбы народов. М., 2011. 22 с. URL: https://new-dissers.ru/_avtoreferats/01004927368.pdf?ysclid=lw6lmp3np310539373

² Вахрушева Л.Н. Выраженность структурных и качественных характеристик эмоционального интеллекта на этапе юности и ранней зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 20 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004848188?ysclid=lw7b6gom3w87853812>

Н.Р. Харрод выявил, что эмоциональный интеллект имеет гендерные особенности [Harrod, Sheer, 2005]. Такие же результаты получили в своих исследованиях подростков Ю.В. Давыдова, Т.В. Гудкова, А.А. Александрова, В.Ю. Семенов, Ю.А. Кочетова.

Ю.В. Давыдова в лонгитюдном исследовании выяснила, что на протяжении всего подросткового периода сохраняется различие уровня эмоционального интеллекта – у мальчиков общий уровень эмоционального интеллекта ниже, чем у девочек [Давыдова, 2011]. Автор утверждает, что эмоциональный интеллект в подростковом возрасте нуждается в целенаправленном развитии.

При исследовании влияния раздельного обучения на уровень эмоционального интеллекта Т.В. Гудкова и А.А. Александрова выявили, что смешанная система обучения положительно влияет на развитие эмоционального интеллекта как у мальчиков, так и у девочек [Гудкова, Александрова, 2014]. При этом эмоциональный интеллект (общий показатель) у девочек выше, чем у мальчиков.

В.Ю. Семенов в исследовании «Возрастно-половые особенности социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков» сделал заключение о том, что эволюция социоэмоционального интеллекта происходит поэтапно в течение всего возрастного периода³. Однако на протяжении всего подросткового возраста у девочек лучше, чем у мальчиков, развита способность к пониманию эмоций и намерений окружающих. К такому же выводу приходит З. Фуркани в исследовании роли эмоционального интеллекта подростков [Nusaibah Nur Furqani, 2019].

Ю.А. Кочетова, подводя итоги своего исследования, отмечает у мальчиков преобладание внутриличностных компонентов эмоционального интеллекта, а у девочек – межличностных [Кочетова, Климакова, 2021]. Автор приходит к выводу, что предикторы гендерных различий в компонентах эмоционального интеллекта имеют

социокультурные аспекты, т.к. выражение или подавление тех или иных эмоций мальчиками и девочками формируется общественными стереотипами.

Данные, полученные М. Векеро-Диего в результате исследования 11 283 бразильских подростков, подтверждают гендерный дисбаланс внутриличностного и межличностного компонентов эмоционального интеллекта у мальчиков-подростков и девочек-подростков [Vaquero-Diego et al., 2020].

Обобщая, можно сказать, что такие критерии, как «эмпатия» и «эмоциональная осведомленность», имеют высокий уровень у девочек и низкий у мальчиков, а критерии «управление своими эмоциями» и «самотивация», напротив, имеют высокий уровень у мальчиков и низкий у девочек, из чего можно сделать вывод, что у девочек лучше развит межличностный эмоциональный интеллект, а у мальчиков – внутриличностный. В целом эмоциональный интеллект у девочек развит незначительно лучше, чем у мальчиков. Также стоит добавить, что в 12–13 лет в целом происходит временный спад уровня эмоционального интеллекта подростков (как мальчиков, так и девочек).

В контексте эмоционального интеллекта как предиктора межличностного общения у подростков феномен в России рассмотрели Л.Н. Вахрушева, Ю.А. Кочетова, М.В. Климакова, Е.С. Иванова.

Л.Н. Вахрушева, наряду с изучением структуры и общих характеристик эмоционального интеллекта, рассмотренными нами ранее, установила, что категорически важным условием для развития эмоционального интеллекта в подростковом возрасте является уравновешенность, соразмерность отдельных его компонентов, так как этот аспект напрямую влияет на уровень социализации подростка: те, у кого наблюдался дисбаланс компонентов эмоционального интеллекта, имели сложности во взаимоотношениях со сверстниками, и, напротив, такие личностные черты, как добросовестность, отзывчивость, любознательность, коррелируют с пропорциональностью развития компонентов эмоционального интеллекта [Вахрушева, 2011].

³ Семенов В.Ю. Возрастно-половые особенности социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков. СПб., 2016. 22 с.: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. URL: [http://cdn.sciepeople.ru/materials/89903/Автореферат%20\(Семенов%20В.Ю.\).pdf](http://cdn.sciepeople.ru/materials/89903/Автореферат%20(Семенов%20В.Ю.).pdf)

Ю.А. Кочетова в монографии, посвященной эмоциональному интеллекту подростков, отмечает, что «главные функции эмоционального интеллекта выражаются в обеспечении успешности деятельности, а также в гармонизации таких процессов, как межличностное и внутриличностное взаимодействие» [Кочетова, Климакова, 2021]. Исследуя взаимосвязь эмоционального интеллекта и типа межличностного общения на этапе ранней юности, она пришла к следующим выводам: юноши предрасположены к использованию высокого эмоционального интеллекта для достижения целей и получения власти, становления своей независимости в обществе; у девушек неспособность управлять эмоциями и контролировать экспрессию приводит к развитию подозрительного и подчиняемого типов межличностного общения, а высокий эмоциональный интеллект у них способствует росту альтруизма.

Е.С. Иванова, исследуя особенности эмоционального интеллекта подростков, выявила значимую (0,99) взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и предрасположенности к депрессии, которая, в свою очередь, препятствует формированию навыков межличностного общения у подростков [Иванова, 2011].

Исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта и социометрического статуса М.В. Климаковой, проведенное среди обучающихся 10–11-х классов (16–17 лет), дало интересные результаты: для высокого социометрического статуса вполне достаточно среднего эмоционального интеллекта по таким шкалам, как «межличностное понимание эмоций» и «межличностное управление эмоциями» (по Д.В. Люсину) [Климакова, 2024]. Автор предположила, что слишком высокий эмоциональный интеллект является предиктором акцентуаций личности, что не способствует укреплению позиций среди сверстников почти так же, как и слишком низкий эмоциональный интеллект.

Я.В. Чежина, рассматривая взаимосвязь лидерских качеств и характеристик эмоционального интеллекта у подростков, выяснила, что подавляющее большинство подростков харак-

теризуется прямым соответствием уровня развития эмоционального интеллекта и лидерских качеств [Чежина, 2021].

Масштабное исследование Е. Кавамото в Японии (10 357 подростков) выявило значимую взаимосвязь между высоким уровнем эмоционального интеллекта и такими личностными качествами, как экстраверсия, доброжелательность, невротизм, открытость, просоциальное поведение у подростков, на основании метода самоотчета и по оценкам их родителей [Kawamoto et al., 2021].

В целом исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта подростков и их способности выстроить межличностное общение и наладить социальные связи не дают однозначных ответов, результаты не обобщены и, видимо, нуждаются в дальнейшем углубленном изучении.

Тема взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта и интернет-зависимого поведения подростков также не раз поднималась учеными при исследовании данного феномена. Рассмотрим выводы научных изысканий Т.В. Пантелеевой, Е.А. Трухан, Н.С. Рыжковского, С.С. Девятова, а также зарубежных ученых.

Т.В. Пантелеева, изучая взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и интернет-аддикций в ранней юности, выяснила, что интернет-зависимость у подростков негативно влияет на различные аспекты психоэмоционального развития подростков: стремление к доминированию в межличностном общении, дефицит в распознавании, понимании и управлении собственными эмоциями, а также эмоциями других, неадекватные реакции на эмоциональные ситуации, замедленное развитие навыков межличностного общения и эмпатии, повышенная эмоциональная ригидность [Пантелеева, 2016]. По мнению автора, это связано с тем, что виртуальные контакты, преобладающие в их жизни, не требуют тех же коммуникативных усилий, что и реальные взаимодействия. Также Т.В. Пантелеева статистически доказала, что существуют гендерные различия предрасположенности к интернет-аддикции: у юношей предрасположенность значительно выше, чем у девушек.

С.С. Девятков в исследовании «Влияние интернет-аддикции на эмоциональное развитие старших школьников» анализирует предикторы развития специфического отношения к чужой приватности и, как следствие, поведенческих проблем в дальнейшем в межличностном общении [Девятков, 2018]. Он отмечает в качестве предиктора интернет-аддикции подростка такие факторы, как ролевая интрига (возможность примерить на себя некую «маску»), стереотипизация поведения (наделение собеседника желаемыми характеристиками), анонимная раскрепощенность, компенсация низкой самооценки и снижение тревожности.

Белорусские ученые Е.А. Трухан и Н.С. Рыжковский в исследовании «Взаимосвязь эмоционального интеллекта и увлеченности компьютерными играми у подростков» приходят к интересным выводам: взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и склонностью к интернет-зависимости найдена только у мальчиков, тогда как у девочек, по их мнению, из всех составляющих эмоционального интеллекта снижается только способность к управлению чужими эмоциями [Трухан, Рыжковский, 2019]. Выборка в данном исследовании составляет 103 подростка, поэтому, возможно, целесообразно проверить данную гипотезу в более масштабном исследовании, т.к., например, исследование К. Сечи на итальянских студентах не выявило влияния пола на формирование интернет-аддикции. Также данная научная работа показала, что высокий эмоциональный интеллект, наряду с высокой самооценкой, препятствует формированию интернет-аддикции. Третий вывод, сделанный К. Сечи, — чем моложе человек, тем выше вероятность развития интернет-аддикции [Sechi et al., 2021].

На сегодняшний день на российской выборке наиболее подробно рассмотрено влияние роли эмоционального интеллекта в формировании девиантного поведения у подростков (Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко, С.Д. Смирнов, М.Л. Мельникова, В.А. Пятунин, М.И. Кошенова, М.В. Федоренко, Т.В. Четырчинская, М.В. Белоусова).

В монографии «Подростки групп риска» Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко и С.Д. Смирнов,

исследуя причины девиантного поведения подростков, в качестве причин нарушений эмоциональных связей называют невключенность родителей в дела ребенка, безнадзорность и жесткость воспитания, что побуждает подростка к асоциальным действиям [Корнилова, Григоренко, Смирнов, 2024]. В исследовании ученые приходят к интересным выводам: у подростков с девиантным поведением наименьшие показатели генерализованной тревожности, что говорит об ошибочности распространенного убеждения о связи нарушений поведения подростков и роста эмоциональных проблем, проявляющихся в повышенной тревожности. Этот факт требует некоторого переосмысления причинно-следственной связи девиантного поведения подростков и их эмоциональной сферы. Интересно, что мурманские ученые И.А. Синкевич и Т.В. Тучкова, исследуя взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и уровня тревожности у подростков, пришли к совершенно противоположным результатам [Синкевич, Тучкова, 2020]. В ходе исследования они сделали выводы о том, что для высокого уровня эмоционального интеллекта характерен низкий уровень тревожности и, напротив, низкому уровню интеллекта присущ высокий уровень тревожности. Однако в данном исследовании приняли участие лишь 50 человек, поэтому есть вероятность, что выборка слишком мала для того, чтобы сделать однозначные выводы.

М.Л. Мельникова после исследования, проведенного в специальном исправительном учреждении закрытого типа, приводит веские аргументы необходимости развития в подростках эмпатии как ресурса, способного значительно улучшить эмоционально-волевую сферу подростка с девиантным поведением [Мельникова, 2015]. В результате исследования ею были установлены факторы, препятствующие проявлению эмпатии подростками с девиантным поведением: проецирование на других людей своих негативных личностных черт; подавление своих эмоций, чувств, переживаний; негативные установки к окружающим; подделка выражения эмоции, некая «маска», надеваемая в зависимости

от предположения ожиданий общества; неумение дать себе разрешение на личное переживание; отсутствие контроля над своим переживанием, эмоциональная «захваченность». Исследуя эффективность психолого-педагогического вмешательства для укрепления эмоционального интеллекта учеников средней школы на примере 276 итальянских подростков, Ф. Вельтро также подчеркивает важность развития эмоционального интеллекта в рамках обучения [Veltro et al., 2020].

В исследовании уровня эмоционального интеллекта как предиктора девиантного поведения подростков, проведенном М.И. Кошеновой на подростках с девиантным и делинквентным поведением, были обнаружены прямые значимые взаимосвязи между уровнем эмпатии, распознаванием чужих эмоций и склонностью к зависимостям всех видов; между самомотивацией и склонностью к зависимостям; узнавание чужих эмоций и умение повлиять на чужое эмоциональное состояние также коррелирует со склонностью к девиантному поведению [Кошенова, 2018]. Делая выводы, М.И. Кошенова утверждает, что различные качественные аспекты эмоционального интеллекта являются предикторами разных форм девиантного поведения подростков. Спустя 4 года после исследования М.И. Кошеновой Л.В. Лежнина и В.Г. Пиркина в массовом скрининговом исследовании, посвященном взаимосвязи эмоционального интеллекта и склонности к социально опасному поведению подростков, установили достоверную обратную связь между уровнем эмоционального интеллекта и девиантным и делинквентным поведением [Лежнина, Пиркина, 2021]. На выборке из 793 подростков было выявлено: чем ниже эмоциональный интеллект подростка, тем выше склонность к агрессии и аутоагрессии.

Взаимосвязь между склонностью к насилию и низким уровнем эмоционального интеллекта доказали также два исследования в Испании: К. Эстевес-Казеллас отмечает значимую обратную связь между уровнем эмоционального интеллекта подростка и насильственным стилем общения со своими партнерами [Estevez-Casellas

et al., 2021]; И. Мендес делает вывод об обратной связи между низким уровнем эмоционального интеллекта и склонностью к кибербуллингу как способу саморегуляции [Méndez et al., 2020].

В.А. Пятунин в книге «Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции» очень подробно рассказывает о причинах формирования девиантного поведения у подростков, среди них – неблагоприятные черты личности родителей [Пятунин, 2010]. Ученый отмечает, что именно мать оказывает большее влияние на поведение ребенка в будущем. Повышенная эмоциональная чувствительность, эмоциональная возбудимость, тревожность матери в детстве ребенка – вот основные причины девиантного поведения в подростковом возрасте.

М.В. Федоренко, М.В. Белоусова, Т.В. Четырчинская, исследуя эмоциональный интеллект подростков с деструктивным поведением, приходят к выводу, что чем выше уровень агрессии у подростка, тем ниже его эмоциональный интеллект и мотивация [Федоренко, Белоусова, Четырчинская, 2020]. Также авторы исследования утверждают, что с помощью развития эмоционального интеллекта таких подростков можно научить держать под контролем враждебность и агрессию.

В целом исследователи девиантного поведения подростков считают, что несформированность эмоционального интеллекта является одновременно и причиной, и следствием девиантного поведения у этой возрастной группы.

Стоит отметить, что результаты современных исследований взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта и отклоняющегося поведения подростков не противоречат друг другу.

Обобщая и систематизируя исследования в области эмоционального интеллекта подростков, мы обратили внимание, что практически отсутствуют исследования, в которых рассматриваются факторы, влияющие на его формирование. Наша гипотеза заключается в том, что на развитие эмоционального интеллекта подростка оказывают существенное влияние параметры семейной системы, поскольку семья является важным институтом социализации.

В свободном доступе нами найдено исследование А.А. Панкратовой [Панкратова, 2011]. В научной работе «Сиблинговое исследование эмоционального интеллекта» она рассмотрела в качестве референтной группы курсантов военного училища, мужчин в возрасте 16–26 лет. Автором была исследована взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и таких критериев, как порядковый номер рождения, разница в возрасте с ближайшим сиблингом, количество сиблингов, наличие сиблинга сходного пола. В результате исследования А.А. Панкратова делает следующие выводы: наличие двух и более сиблингов способствует развитию эмоционального интеллекта; сиблинг сходного пола также благотворно влияет на развитие эмоционального интеллекта; наибольшее влияние оказывает на развитие эмоционального интеллекта сиблинг при разнице в возрасте 11 и более лет. Сложно сказать, будет ли прослеживаться эта тенденция в более раннем возрасте, также непредсказуемо, какой результат будет при исследовании подростков женского пола.

Также нами обнаружены несколько статей (И.Н. Андреева, М.В. Белоусова, Н.В. Бибарсова, Ю.А. Варицкий, А.Я. Варга, Л.Р. Гайнанова, Ю.Ю. Лимаева, О.П. Мендель, М.В. Федоренко, М.В. Четырчинская), в которых высказывается предположение о влиянии на развитие эмоционального интеллекта подростков родительско-детских отношений. При этом крупных исследований, рассматривающих параметры семейной системы во взаимосвязи с особенностями эмоционального интеллекта подростков, на российской выборке не найдено. Малайзийский ученый А.А. Шах на референтной группе 400 молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет экспериментально доказал взаимосвязь между низким эмоциональным интеллектом, антисоциальным поведением и попустительским типом воспитания [Amran Shah et al., 2023]. Выводы малайзийского исследования не противоречат выводам, сделанным ранее греческим ученым Е. Аргириу в аналогичном исследовании [Argyriou et al., 2016]. М. Санчес-Нуньес на выборке подростков из испаноязычных семей

доказал, что отцы оказывают наибольшее влияние на психическое здоровье детей через уровень эмоционального внимания и эмоциональное восстановление [Sánchez-Núñez et al., 2020]. В ходе исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта, методов воспитания и успеваемости, проведенного на греческих подростках, К. Коккинос и Е. Влавиану выяснили, что высокий уровень эмоционального интеллекта, благополучие и самоконтроль усиливают влияние родительского воспитания на успеваемость по языку (для мальчиков) и естественным наукам (для девочек) [Kokkinos, Vlavianou, 2021].

На наш взгляд, исследование параметров семейной системы, учитывая сиблинговую позицию, как предикторов развития эмоционального интеллекта в подростковом возрасте, включая как мальчиков, так и девочек, внесет значительный вклад в изучение эмоционального интеллекта российских подростков.

Выводы. Обзор исследований, посвященных изучению эмоционального интеллекта подростков, позволил сделать следующие выводы.

1. Проблемы особенностей и развития эмоционального интеллекта подростков изучены весьма неравномерно.

2. Достаточно хорошо рассмотрены взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и интернет-аддикций, девиантного поведения, гендерные особенности эмоционального интеллекта, а также взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта и особенностей межличностного общения со сверстниками.

3. Недостаточно изучены факторы, способствующие развитию эмоционального интеллекта подростков.

4. Остаются почти неизученными предикторы формирования эмоционального интеллекта у подростков в семейной системе, детско-родительских отношениях и относительно сиблинговой позиции подростка.

Заключение. В представленном обзоре проанализированы результаты исследований эмоционального интеллекта подростков. Ученые акцентируют внимание на изучении развития отдельных компонентов эмоционального

интеллекта подростков, в том числе в гендерном аспекте. Среди наиболее существенных взаимосвязей эмоционального интеллекта и социального поведения подростков авторы выделяют лидерскую позицию, стиль межличностных отношений. Наиболее полно исследована связь между уровнем эмоционального

интеллекта и интернет-зависимостью, девиантным поведением подростков. Для расширения представлений о данном феномене необходимы исследования эмоционального интеллекта подростков в контексте семейной системы, детско-родительских отношений и относительно сиблинговой позиции подростка.

Библиографический список

1. Александрова А.А. Гендерный аспект в изучении эмоционального интеллекта у подростков // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 617–622. URL: <https://moluch.ru/archive/52/6767/> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии: монография. Новополюк: ПГУ, 2011. 387 с. URL: <https://www.dkpp.com.ua/wpcontent/uploads/2020/03/andreeva-.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).
3. Анохин П.К. Эмоции // Психология эмоций / В. Вилунас. СПб.: Питер, 2006. С. 268–275. URL: <http://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:17646/Source:default> (дата обращения: 20.11.2024).
4. Бодалев А.А. Личность и общение: Избр. психол. тр. 2-е изд., перераб. М.: Междунар. пед. акад., 1995. 324 с. URL: https://studylib.ru/doc/749085/bodalev-lichnost._-i-obshhenie?ysclid=lw6kxfabri745112219 (дата обращения: 19.11.2024).
5. Выготский Л.С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2021. 221 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010553921?ysclid=lw6lhzt2rj960218106> (дата обращения: 19.11.2024).
6. Гудкова Т.В., Александрова А.А. Особенности эмоционального интеллекта подростков в условиях отдельного и смешанного обучения // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 156–161 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-podrostkov-v-usloviyah-razdelnogo-i-smeshannogo-obucheniya> (дата обращения: 14.11.2024).
7. Девятов С.С. Влияние интернет-аддикции на эмоциональное развитие старших школьников // АНИ: педагогика и психология. 2018. № 3 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-addiktzii-na-emotsionalnoe-razvitie-starshih-shkolnikov> (дата обращения: 14.11.2024).
8. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985 167 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001277386?ysclid=lw6lolzc3j693237199> (дата обращения: 14.11.2024).
9. Иванова Е.С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 6. С. 37–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-v-podrostkovom-vozhraсте-2> (дата обращения: 14.11.2024).
10. Климакова М.В. Связь эмоционального интеллекта и социометрического статуса в юношеском возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PSMN124.pdf?ysclid=lw6lq19bkn560696768> (дата обращения: 14.11.2024).
11. Кобзева О.В. Эмоциональный интеллект как источник развития в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-1. С. 449–451. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-istochnik-razvitiya-v-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 14.11.2024).
12. Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнов С.Д. Подростки групп риска. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 273 с. URL: <https://urait.ru/bcode/538324> (дата обращения: 14.11.2024).

13. Кочетова Ю.А. Структура эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Горизонты зрелости: сб. тез. участников Пятой Всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития (Москва, 6–18 ноября, 2015 г.). М.: ГБОУ ВПО МГППУ. 2015. С. 55–63. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/eioa2021/eioa2021.pdf?ysclid=lw6lrpcms563686301> (дата обращения: 14.11.2024).
14. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Эмоциональный интеллект и типы межличностных отношений у молодых людей с различными социометрическими статусами // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13, № 3. С. 98–117. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2021_n3/Kochetova_Klimakova?ysclid=lw6luycj5860923752 (дата обращения: 14.11.2024).
15. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. М.: МГППУ, 2021. 104 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/eioa2021/eioa2021.pdf?ysclid=lw6lw99p5b734883046> (дата обращения: 14.11.2024).
16. Кошенова М.И. Уровень интеллектуального развития как предиктор формы девиантного поведения подростков // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-intellektualnogo-razvitiya-kak-prediktor-formy-deviantnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
17. Лежнина Л.В., Пиркина В.Г. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и склонности к социально опасному поведению у обучающихся подросткового возраста // Образовательный вестник «Сознание». 2021. № 7. С. 27–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-sklonnosti-k-sotsialno-opasnomu-povedeniyu-u-obuchayuschihya-podrostkovogo-vozrasta> (дата обращения: 14.11.2024).
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. 5-е изд., стер. М.: Смысл: Academia, 2010. 509 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004652369?ysclid=lw6m4y1zpd639582832> (дата обращения: 14.11.2024).
19. Максимова Л.А., Шайхуллина С.А. Программа психолого-педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта как основы формирования мягких навыков в процессе профессионального самоопределения подростков // Психология человека в образовании. 2020. № 4. С. 311–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-razvitiya-emotsionalnogo-intellekta-kak-osnovy-formirovaniya-myagkih-navykov-v-protsesse-professionalnogo-samoopredeleniya-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
20. Мельникова М.Л. Проблемы реализации эмпатических переживаний у подростков с девиантным поведением // Инновационные условия развития науки и образования в межкультурном взаимодействии: комплексный подход. 2015. С. 220–224. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/3463/1/iur_2015_01.pdf?ysclid=lw7ac3mrrh404149480 (дата обращения: 14.11.2024).
21. Панкратова А.А. Сиблинговое исследование эмоционального интеллекта // Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня: матер. конфер., посвященной 115-летию со дня рождения Б.М. Теплова, 10–11 ноября 2011 г. / под ред. М.К. Кабардова. М.: Смысл, 2011. С. 258–260. URL: <https://persev.ru/bibliography/siblingovoe-issledovanie-emotsionalnogo-intellekta?ysclid=lw804vpwf5443519868> (дата обращения: 14.11.2024).
22. Пантелеева Т.В. Особенности социально-психологической адаптации интернет-аддиктов в ранней юности // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 1 (14). С. 185–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-internet-addiktov-v-ranney-yunosti> (дата обращения: 14.11.2024).
23. Пятунин В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2010. 282 с. URL: <https://old.prison.org/lib/Deviant%20behavior%20of%20juveniles,%20Pyatunin.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2012. 705 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn%Dosnovu_obzhey_psc.pdf (дата обращения: 14.11.2024).
25. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Киселева Т.С. Эмоциональный интеллект ребенка и здравый смысл его родителей. М.: Малыш, 2021. 255 с. URL: <https://ма-лень-кая-страна.рф/images/dokumenty/200/023.pdf?ysclid=lw7ahro1dc867592620> (дата обращения: 14.11.2024).
26. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 216 с. URL: <https://djvu.online/file/tN35IglmZ5iMX> (дата обращения: 14.11.2024).
27. Синкевич И.А., Тучкова Т.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и уровня тревожности у подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-4. С. 345–347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-urovnya-trevozhnosti-u-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
28. Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люси-на, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. 351 с. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_21659690.pdf?ysclid=lw7a5c3qnf706217837 (дата обращения: 14.11.2024).
29. Трухан Е.А., Рыжковский Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и увлеченности компьютерными играми у подростков // ОмГУ. 2019. № 1. С. 4–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-uvlechennosti-kompyuternymi-igrami-u-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
30. Федоренко М.В., Белоусова М.В., Четырчинская Т.В. Уровень эмоционального интеллекта как предиктор деструктивного поведения подростков // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3 (140). С. 251–256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-emotsionalnogo-intellekta-kak-prediktor-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
31. Чежина Я.В. Взаимосвязь лидерских качеств и характеристик эмоционального интеллекта у подростков // Психология человека в образовании. 2021. № 2. С. 174–183. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-liderskih-kachestv-i-harakteristik-emotsionalnogo-intellekta-u-podrostkov> (дата обращения: 14.11.2024).
32. Amran Shah, A., Rathakrishnan, B., Bikar Singh, S.S., Kamaluddin, M.R., Yahaya, A., & Ab Rahman, Z. (2023). Emotional intelligence as a mediator between parenting style and antisocial behavior among youth in Malaysia. *Sustainability*, 15 (17), 12811. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151712811>
33. Argyriou, E., Bakoyannis, G., & Tantaros, S. (2016). Parenting styles and trait emotional intelligence in adolescence. *Scandinavian Journal of Psychology*, 57 (1), 42–49. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12266>
34. Bar-On, R., & Parker, J. (2000). Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. In: *Handbook of emotional intelligence* (pp. 363–388). San Francisco. URL: https://www.researchgate.net/publication/232506168_Emotional_and_social_intelligence_Insights_from_the_Emotional_Quotient_Inventory (access date: 14.11.2024).
35. *English Psychology* (1889). Translated from the French by Th. Ribot. London. URL: <https://books.google.ru/books?id=911vtgAACAAJ&hl=ru&pg=PR3#v=onepage&q&f=false> (access date: 14.11.2024).
36. Estevez-Casellas, C., Gómez-Medina, M. D., & Sitges, E. (2021). Relationship between emotional intelligence and violence exerted, received, and perceived in teen dating relationships. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (5), 2284. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18052284>
37. Gardner, H. (2011). *The Theory of Multiple Intelligences* N.Y. URL: <https://studylib.es/doc/8851604/frames-of-mind---the-theory-of-multiple-intelligence> (access date: 14.11.2024).
38. Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence*. N.Y.
39. Harrod, N.R., Sheer, S.D. (2005). An exploration of adolescent emotional intelligence in relation to demographic characteristics. *Adolescence*. 40 (159), 503–512. URL: <https://www.researchgate.net/>

- publication/7500241_An_exploration_of_adolescent_emotional_intelligence_in_relation_to_demographic_characteristics (access date: 14.11.2024).
40. Kawamoto, T., Kubota, A.K., Sakakibara, R., Muto, S., Tonegawa, A., Komatsu, S., & Endo, T. (2021). The General Factor of Personality (GFP), trait emotional intelligence, and problem behaviors in Japanese teens. *Personal. Individ. Differ.* 171, 110480. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920306711> (access date: 14.11.2024).
 41. Kokkinos, C.M., & Vlavianou, E. (2021). The moderating role of emotional intelligence in the association between parenting practices and academic achievement among adolescents. *Current Psychology*, 40 (9), 4333–4347. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-019-00343-5> (access date: 14.11.2024).
 42. Mayer, J.D. (2000). Emotion, intelligence, emotional intelligence. In: Forgas J.P. (ed.), *The handbook of affect and social cognition* (pp. 410–431). Mahwah, NJ.
 43. Mayer, J.D., Salovey, P. (1993). The intelligence of emotional intelligence. *Intelligence*, 17, 433–442. URL: <https://eclass.hmu.gr/modules/document/file.php/IP-ERLSF116/Mayer-Salovey.1993-libre.pdf#:~:text=Emotional%20intelligence%20is%20a%20type,emotional%20content%20in%20problem%20solving> (access date: 14.11.2024).
 44. Mayer, J.D., Salovey, P. (1997). What is emotional intelligence? In: P. Salovey, D. Sluyter (Eds.), *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications* (pp. 3–31). New York. URL: https://center.uoregon.edu/StartingStrong/uploads/STARTINGSTRONG2016/HANDOUTS/KEY_46201/pub219_Mayer_Salovey_1997.pdf (access date: 14.11.2024).
 45. Méndez, I., Jorquera, A.B., Esteban, C.R., & García-Fernández, J.M. (2020). Profiles of mobile phone use, cyberbullying, and emotional intelligence in adolescents. *Sustainability*, 12 (22), 9404. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12229404>
 46. Nusaibah Nur Furqani, Z.A. (2019). The role of emotional intelligence in adolescent development. In: Advances in Social Science, Education and Humanities Research (pp. 277–280). *The 5th ASEAN Conference on Psychology, Counselling, and Humanities (ACPCH)*. DOI: 10.2991/assehr.k.200120.058
 47. Sánchez-Núñez, M.T., García-Rubio, N., Fernández-Berrocal, P., & Latorre, J. M. (2020). Emotional intelligence and mental health in the family: The influence of emotional intelligence perceived by parents and children. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (17), 6255. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17176255>
 48. Sechi, C., Loi, G., & Cabras, C. (2021). Addictive internet behaviors: The role of trait emotional intelligence, self-esteem, age, and gender. *Scandinavian journal of psychology*, 62 (3), 409–417. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/sjop.12698> (access date: 14.11.2024).
 49. Vaquero-Diego, M., Torrijos-Fincias, P., & Rodriguez-Conde, M.J. (2020). Relation between perceived emotional intelligence and social factors in the educational context of Brazilian adolescents. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 33, 1. URL: <https://www.scielo.br/j/prc/a/qk5tknKY3NnRYRQkzhWYHWc/?lang=en> (access date: 14.11.2024).
 50. Veltro, F., Latte, G., Ialenti, V., Bonanni, E., Di Padua, P., & Gigantesco, A. (2020). Effectiveness of psycho-educational intervention to promote mental health focused on emotional intelligence in middle-school. *Annali dell'Istituto Superiore di Sanità*, 56 (1), 66–71. URL: <https://annali.iss.it/index.php/anna/article/view/898> (access date: 14.11.2024).
 51. Wechsler, D. (1940). Non-intellective factors in general intellect. *Psychol. Bull.*, 37, 444–445. Reprinted in: *J. Abnormal Social Psychol.*, 1943, 38, 100–104.

REVIEW OF RESEARCH IN THE FIELD OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF ADOLESCENTS

E.V. Bauer (Krasnoyarsk, Russia)

M.V. Safonova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Interest in the problem of emotional intelligence has increased significantly in recent decades. Emotional intelligence is considered as one of the key competencies of the 21st century, as a factor of successful adaptation and development in the world of rapidly developing artificial intelligence. The research directions in this field are quite diverse and require generalization and systematization.

The purpose of the article is to analyze, systematize and summarize research in the field of emotional intelligence among adolescents.

The research methodology consists of the analysis, generalization and systematization of scientific research works of foreign and Russian scientists related to the emotional intelligence of adolescents, which determines the methods used: analysis, synthesis, generalization, systematization of scientific ideas and research on the problem of emotional intelligence of adolescents.

Research results. The research summarizes the information obtained as a result of proven scientific research by modern scientists. The research is grouped into the main areas: research on the study of emotional intelligence, its components, structure, features, and components; research on the development of diagnostic tools; research on the development of programs for the development of emotional intelligence; research aimed at studying the relationship between age-related developmental features and emotional intelligence. It is advisable to differentiate the latter into subgroups of children, adolescents, and adults.

The analysis of research in the field of emotional intelligence of adolescents allowed us to systematize scientific research on this phenomenon into the following sections: analysis of the structure, features and components of emotional intelligence of adolescents, the phenomenon of emotional intelligence of adolescents as an object; the relationship of emotional intelligence and gender characteristics of adolescents; emotional intelligence as a predictor of interpersonal communication in adolescents; the relationship of leadership qualities and characteristics of emotional intelligence in adolescents; the relationship between the level of emotional intelligence and Internet-dependent behavior of adolescents; the influence of the level of emotional intelligence on the formation of deviant behavior in adolescents.

We have identified a lack of information about the emotional intelligence of adolescents, namely, about predictors of the development of emotional intelligence in the context of the family system parameters and other components of intra-family relations.

Conclusion. Based on the data obtained, it was concluded that the problems of the characteristics and development of emotional intelligence of adolescents in our country have been studied very unevenly. To expand the understanding of this phenomenon, research into the emotional intelligence of adolescents is needed in the context of the family system, child-parent relationships, and adolescent's relative sibling position.

Keywords: *emotional intelligence, intelligence, emotions, adolescents, family system.*

Bauer, Evgeniya V. – PhD Candidate, Department of Psychology, Institute of Psychological and Pedagogical Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: gev.01@mail.ru

Safonova, Marina V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-код: 8787-9993, AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

References

1. Aleksandrova, A.A. (2013). Gender aspect in the study of emotional intelligence in adolescents. *Molodoy uchyonyy [Young Scientist]*, 5 (52), 617–622. URL: <https://moluch.ru/archive/52/6767/> (access date: 20.11.2024).
2. Andreeva, I.N. (2011). *Emotsionalnyy intellekt kak fenomen sovremennoy psikhologii: monografiya [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]*. Novopolotsk. URL: <https://www.dkpp.com.ua/wpcontent/uploads/2020/03/andreeva-.pdf> (access date: 20.11.2024).

3. Anokhin, P.K. (2006). *Emotsii. Psikhologiya emotsiy* [Emotions. Psychology of Emotions]. St. Petersburg. URL: <http://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:17646/Source:default> (access date: 20.11.2024).
4. Bodalev, A.A. (1995). *Lichnost i obshchenie: Izbr. psikhol. tr.* [Personality and Communication: Selected psychological works], Moscow. URL: https://studylib.ru/doc/749085/bodalev-lichnost._-i-obshhenie?ysclid=lw6kxfabpi745112219 (access date: 19.11.2024).
5. Vygotsky, L.S. (2021). *Pedologiya podrostka. Psikhologicheskoe i sotsialnoe razvitie rebenka* [Pedology of a Teenager. Psychological and Social Development of a Child]. St. Petersburg. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010553921?ysclid=lw6lhz2trj960218106> (access date: 19.11.2024).
6. Gudkova, T.V. (2014). Features of emotional intelligence of adolescents in conditions of separate and mixed education. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 6, 156–161 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-podrostkov-v-usloviyah-razdelnogo-i-smeshannogo-obucheniya> (access date: 14.11.2024).
7. Devyatov, S.S. (2018). The influence of Internet addiction on the emotional development of senior schoolchildren. *ANI: pedagogika i psikhologiya* [ANI: Pedagogy and Psychology], 3 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-addiktsii-na-emotsionalnoe-razvitie-starshih-shkolnikov> (access date: 14.11.2024).
8. Emelyanov, Y.N. (1985). *Aktivnyy sotsialno-psikhologicheskiy trening* [Active Socio-Psychological Training]. Leningrad. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001277386?ysclid=lw6lolzc3j693237199> (access date: 14.11.2024).
9. Ivanova, E.S. (2011). Features of emotional intelligence in adolescence. *Ekspieriment i innovatsii v shkole* [Experiment and Innovation at School], 6, 37–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-v-podrostkovom-vozhraсте-2> (access date: 14.11.2024).
10. Klimakova, M.V. (2024). The connection between emotional intelligence and sociometric status in adolescence. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 12 (1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PSMN124.pdf?ysclid=lw6lq19bkn560696768> (access date: 14.11.2024).
11. Kobzeva, O.V. (2018). Emotional intelligence as a source of development in adolescence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 60(1), 449–451. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-istochnik-razvitiya-v-podrostkovom-vozhraсте> (access date: 14.11.2024).
12. Kornilova, T.V. (2024). *Podrostki gruppy riska* [Adolescents at Risk]. Moscow. URL: <https://urait.ru/bcode/538324> (access date: 14.11.2024).
13. Kochetova, Yu.A. (2015; November 6–18). The structure of emotional intelligence in adolescence. In: *Gorizonty zrelosti* [Horizons of Maturity] (pp. 55–63). Abstracts of the Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference on Developmental Psychology. Moscow. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/eioa2021/eioa2021.pdf?ysclid=lw6lrpcmsh563686301> (access date: 14.11.2024).
14. Kochetova, Yu.A., & Klimakova, M.V. (2021). Emotional intelligence and types of interpersonal relationships in young people with different sociometric statuses. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and Pedagogical Research], 13 (3), 98–117. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2021_n3/Kochetova_Klimakova?ysclid=lw6luyrcj5860923752 (access date: 14.11.2024).
15. Kochetova, Yu.A. (2021). *Emotsionalnyy intellekt starshikh podrostkov* [Emotional Intelligence of Older Adolescents]. Moscow. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/eioa2021/eioa2021.pdf?ysclid=lw6lw99p5b734883046> (access date: 14.11.2024).
16. Koshenova, M.I. (2018). Level of intellectual development as a predictor of the form of deviant behavior of adolescents. *Vestnik pedagogiki i psikhologii Yuzhnoy Sibiri* [Bulletin of Pedagogy and Psychology

- of Southern Siberia], 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-intellektualnogo-razvitiya-kak-prediktor-formy-deviantnogo-povedeniya-podrostkov> (access date: 14.11.2024).
17. Lezhnina, L.V., & Pirkina, V.G. (2021). The relationship between emotional intelligence and the tendency to socially dangerous behavior in adolescent students. *Obrazovatelnyy vestnik Soznanie* [Educational Bulletin Consciousness], 7, 27–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-sklonnosti-k-sotsialno-opasnomu-povedeniyu-u-obuchayuschih-sya-podrostkovogo-vozrasta> (access date: 14.11.2024).
 18. Leontiev, A.N. (2010). *Lectures on general psychology* [Lectures on General Psychology]. Moscow. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004652369?ysclid=lw6m4y1zpd639582832> (access date: 14.11.2024).
 19. Maksimova, L.A., & Shaikhullina, S.A. (2020). Program of psychological and pedagogical support for the development of emotional intelligence as the basis for the formation of soft skills in the process of professional self-determination of adolescents. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Human Psychology in Education], 4, 311–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-razvitiya-emotsionalnogo-intellekta-kak-osnovy-formirovaniya-myagkih-navykov-v>(access date: 14.11.2024).
 20. Melnikova, M.L. (2015; December 9–12). Problems of realizing empathic experiences in adolescents with deviant behavior. In: *Innovatsionnye usloviya razvitiya nauki i obrazovaniya v mezhdunarodnom vzaimodeystvii: kompleksnyy podhod* [Innovative conditions for the development of science and education in intercultural interaction: an integrated approach] (pp. 220–224). Conference. Volume 1. Yekaterinburg. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/3463/1/iur_2015_01.pdf?ysclid=lw7ac3mrrh404149480 (access date: 14.11.2024).
 21. Pankratova, A.A. (2011; November 10–11). Sibling study of emotional intelligence. In: *Differentsialnaya psikhologiya i differentsialnaya psikhofiziologiya segodnya* [Differential psychology and differential psychophysiology today] (pp. 258–260). Conference dedicated to the 115th anniversary of the birth of B.M. Teplova. Moscow. URL: <https://persev.ru/bibliography/sibingovoe-issledovanie-emotsionalnogo-intellekta?ysclid=lw804vpwf5443519868> (access date: 14.11.2024).
 22. Panteleeva, T.V. (2016). Features of socio-psychological adaptation of Internet addicts in early youth. *ANI: pedagogika i psihologiya* [ANI: Pedagogy and Psychology], 1 (14), 185–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-internet-addiktov-v-ranneyunosti> (access date: 14.11.2024).
 23. Pyatunin, V.A. (2010). *Deviantnoe povedenie nesovershennoletnikh: sovremennye tendentsii* [Deviant Behavior of Minors: Current Trends]. Moscow. URL: <https://old.prison.org/lib/Deviant%20behavior%20of%20juveniles,%20Pyatunin.pdf> (access date: 14.11.2024).
 24. Rubinshtein, S.L. (2012). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn%3Dosnovu_obzhey_psc.pdf (access date: 14.11.2024).
 25. Sergienko, E.A., Khlevnaya, E.A., & Kiseleva, T.S. (2021). *Emotsionalnyy intellekt rebenka i zdravyy smysl ego roditeley* [Emotional Intelligence of Children and Common Sense of Their Parents]. Moscow. URL: <https://ma-len-kaya-strana.rf/images/dokumenty/200/023.pdf?ysclid=lw7ahro1dc867592620> (access date: 14.11.2024).
 26. Simonov, P.V. (1981) *Emotsionalnyy mozg* [Emotional Brain]. Moscow. URL: <https://djvu.online/file/tN35IglmZ5iMX> (дата обращения: 14.11.2024).
 27. Sinkevich, I.A., & Tuchkova, T.V. (2020). The relationship between emotional intelligence and the level of anxiety in adolescents. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 66 (4), 345–347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-urovnya-trevozhnosti-u-podrostkov> (access date: 14.11.2024).

28. *Sotsialnyy i emotsionalnyy intellekt: Ot protsessov k izmereniyam* [Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements] (2009). Edited by D.V. Lyusina, D.V. Ushakova. Moscow. URL: https://lib.ip-ran.ru/upload/papers/paper_21659690.pdf?ysclid=lw7a5c3qnf706217837 (access date: 14.11.2024).
29. Trukhan, E.A., & Ryzhkovsky, N.S. (2019). The relationship between emotional intelligence and passion for computer games in adolescents. *Omskiy gosudarstvennyy universitet* [Omsk State University], 1, 4–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-uvlechenosti-kompyuternymi-igrami-u-podrostkov> (access date: 14.11.2024).
30. Fedorenko, M.V., Belousova, M.V., & Chetyrchinskaya, T.V. (2020). Level of emotional intelligence as a predictor of destructive behavior in adolescents. *KPZh* [Kazan Pedagogical Journal], 3 (140), 251–256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-emotsionalnogo-intellekta-kak-prediktor-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov> (access date: 14.11.2024).
31. Chezhina, Y.V. (2021). The relationship between leadership qualities and characteristics of emotional intelligence in adolescents. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Human Psychology in Education], 2, 174–183. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-liderskih-kachestv-i-harakteristik-emotsionalnogo-intellekta-u-podrostkov> (access date: 14.11.2024).
32. Amran Shah, A., Rathakrishnan, B., Bikar Singh, S. S., Kamaluddin, M. R., Yahaya, A., & Ab Rahman, Z. (2023). Emotional intelligence as a mediator between parenting style and antisocial behavior among youth in Malaysia. *Sustainability*, 15(17), 12811. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151712811>
33. Argyriou, E., Bakoyannis, G., & Tantaros, S. (2016). Parenting styles and trait emotional intelligence in adolescence. *Scandinavian Journal of Psychology*, 57 (1), 42–49. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12266>
34. Bar-On, R., & Parker, J. (2000). Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. In: *Handbook of emotional intelligence* (pp. 363–388). San Francisco. URL: https://www.researchgate.net/publication/232506168_Emotional_and_social_intelligence_Insights_from_the_Emotional_Quotient_Inventory (access date: 14.11.2024).
35. *English Psychology* (1889). Translated from the French by Th. Ribot. London. URL: <https://books.google.ru/books?id=911vtgAACAAJ&hl=ru&pg=PR3#v=onepage&q&f=false> (access date: 14.11.2024).
36. Estevez-Casellas, C., Gómez-Medina, M.D., & Sitges, E. (2021). Relationship between emotional intelligence and violence exerted, received, and perceived in teen dating relationships. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (5), 2284. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18052284>
37. Gardner, H. (2011). *The Theory of Multiple Intelligences* N.Y. URL: <https://studylib.es/doc/8851604/frames-of-mind---the-theory-of-multiple-intelligence> (access date: 14.11.2024).
38. Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence*. N.Y.
39. Harrod, N.R., Sheer, S.D. (2005). An exploration of adolescent emotional intelligence in relation to demographic characteristics. *Adolescence*. 40 (159), 503–512. URL: https://www.researchgate.net/publication/7500241_An_exploration_of_adolescent_emotional_intelligence_in_relation_to_demographic_characteristics (access date: 14.11.2024).
40. Kawamoto, T., Kubota, A.K., Sakakibara, R., Muto, S., Tonegawa, A., Komatsu, S., & Endo, T. (2021). The General Factor of Personality (GFP), trait emotional intelligence, and problem behaviors in Japanese teens. *Personal. Individ. Differ.* 171, 110480. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920306711> (access date: 14.11.2024).
41. Kokkinos, C. M., & Vlavianou, E. (2021). The moderating role of emotional intelligence in the association between parenting practices and academic achievement among adolescents. *Current Psychology*, 40 (9), 4333–4347. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-019-00343-5> (access date: 14.11.2024).

42. Mayer, J.D. (2000). Emotion, intelligence, emotional intelligence. In: Forgas J.P. (ed.), *The handbook of affect and social cognition* (pp. 410–431). Mahwah, NJ.
43. Mayer, J.D., Salovey, P. (1993). The intelligence of emotional intelligence. *Intelligence*, 17, 433–442. URL: <https://eclass.hmu.gr/modules/document/file.php/IP-ERLSF116/Mayer-Salovey.1993-libre.pdf#:~:text=Emotional%20intelligence%20is%20a%20type,emotional%20content%20in%20problem%20solving> (access date: 14.11.2024).
44. Mayer, J.D., Salovey, P. (1997). What is emotional intelligence? In: P. Salovey, D. Sluyter (Eds.), *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications* (pp. 3–31). New York. URL: https://center.uoregon.edu/StartingStrong/uploads/STARTINGSTRONG2016/HANDOUTS/KEY_46201/pub219_Mayer_Salovey_1997.pdf (access date: 14.11.2024).
45. Méndez, I., Jorquera, A.B., Esteban, C.R., & García-Fernández, J.M. (2020). Profiles of mobile phone use, cyberbullying, and emotional intelligence in adolescents. *Sustainability*, 12 (22), 9404. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12229404>
46. Nusaibah Nur Furqani, Z.A. (2019). The role of emotional intelligence in adolescent development. In: Advances in Social Science, Education and Humanities Research (pp. 277–280). *The 5th ASEAN Conference on Psychology, Counselling, and Humanities* (ACPCH). DOI: 10.2991/assehr.k.200120.058
47. Sánchez-Núñez, M.T., García-Rubio, N., Fernández-Berrocal, P., & Latorre, J.M. (2020). Emotional intelligence and mental health in the family: The influence of emotional intelligence perceived by parents and children. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (17), 6255. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17176255>
48. Sechi, C., Loi, G., & Cabras, C. (2021). Addictive internet behaviors: The role of trait emotional intelligence, self-esteem, age, and gender. *Scandinavian journal of psychology*, 62 (3), 409–417. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/sjop.12698> (access date: 14.11.2024).
49. Vaquero-Diego, M., Torrijos-Fincias, P., & Rodriguez-Conde, M.J. (2020). Relation between perceived emotional intelligence and social factors in the educational context of Brazilian adolescents. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 33, 1. URL: <https://www.scielo.br/j/prc/a/qk5tknKY3NnRYRQkzhWYHWc/?lang=en> (access date: 14.11.2024).
50. Veltro, F., Latte, G., Ialenti, V., Bonanni, E., Di Padua, P., & Gigantesco, A. (2020). Effectiveness of psycho-educational intervention to promote mental health focused on emotional intelligence in middle-school. *Annali dell'Istituto Superiore di Sanità*, 56 (1), 66–71. URL: <https://annali.iss.it/index.php/anna/article/view/898> (access date: 14.11.2024).
51. Wechsler, D. (1940). Non-intellective factors in general intellect. *Psychol. Bull*, 37, 444–445. Reprinted in: *J. Abnormal Social Psychol.*, 1943, 38, 100–104.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Р.И. Гвоздкова (Санкт-Петербург, Россия)

В.А. Чикер (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются особенности самопрезентации и ценностных ориентаций представителей различных поколений. Феномен самопрезентации анализируется как один из ключевых аспектов социально-психологического взаимодействия. Исследование направлено на выявление системообразующих ценностей, тактик самопрезентации и их взаимосвязи в разных поколенческих группах, которые, согласно нашей гипотезе, различаются.

Цель статьи – изучить особенности самопрезентации представителей поколений бэби-бумеров, X, Y и Z; определить доминирующие ценности и тактики самопрезентации, а также выявить их взаимосвязь.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования является теория поколений В. Штрауса и Н. Хоува, а также концепция ценностей Ш. Шварца. В качестве методов использовались шкала самопрезентации С. Ли и Б. Куигли, шкала самомониторинга Снайдера и методика ценностных ориентаций Ш. Шварца. Выборка составила 153 респондента из четырех поколенческих групп. Данные анализировались с использованием методов математической статистики: ANOVA, корреляционный анализ.

Результаты исследования. Выявлены различия в тактиках самопрезентации и доминирующих ценностях среди поколений. Поколение бэби-бумеров характеризуется защитными тактиками и ценностью безопасности, поколение X – аттрактивными тактиками и стремлением к самостоятельности, поколение Y – тактикой извинения и конформностью, поколение Z – ассертивными стратегиями и ценностью власти. Общей характеристикой для всех поколений является стремление к созданию благоприятного впечатления, обусловленное преемственностью поколенческих ценностей.

Заключение. Полученные данные расширяют представления о поколенческих различиях в самопрезентации и ценностных ориентациях. Исследование подтверждает гипотезу о том, что представители различных поколений используют разные способы самопрезентации, отражающие их ключевые жизненные ценности. Результаты могут быть применены в социальной и организационной психологии, консультировании и разработке стратегий межпоколенческого взаимодействия.

Ключевые слова: поколение, теория поколений, ценности, самомониторинг, тактики самопрезентации.

Гвоздкова Регина Игоревна – аспирант кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5012-6939>; e-mail: gvozdкова.r@mail.ru

Чикер Вера Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0001-7444-6898; ScopusAuthor ID: 6506699277; e-mail: vchiker@yandex.ru

Постановка проблемы. В настоящее время теория поколений не теряет своей актуальности. И по сей день взаимоотношения между поколениями неоднозначны и противоречивы. По-прежнему актуально мнение В.Т. Лисовского, который считал, что «суть проблемы – в резком надломе в преемственности поколений, вызванном переходом из одного

состояния (советского периода) в другое (современное)...»¹.

Самопрезентация отражает накопленный поколенческий опыт, процессы исторической преемственности, культурные нормы и социальные

¹ Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000. С. 119–120.

модели поведения, характерные для каждой возрастной группы. Ценностные установки, формирующиеся внутри одной возрастной группы, передаются последующим поколениям, отражая накопленный опыт, а также особенности их профессиональной и социальной деятельности.

В свою очередь, самопрезентация является первым и значимым этапом при социальных контактах людей различного возраста и пола. Одной из ключевых проблем межпоколенческого взаимодействия является несоответствие социально-культурных реалий предыдущих поколений условиям современной эпохи. В частности, различие временных контекстов, трансформация жизненных ориентиров, изменения в культуре, а также развитие новых технологий сказываются на взаимопонимании и коммуникации в обществе.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что общество состоит из представителей разных поколений, взаимодействующих друг с другом ежедневно, в то время как многообразие форм общения представителей разных поколений, сформированных различными историческими событиями, является связующим звеном в межличностном общении. Особенности самопрезентации каждого поколения также дают понимание о недостающих аспектах в когнитивной, поведенческой сферах жизни людей с точки зрения социальных условий. Результаты, полученные в нашем исследовании, дополняют теоретические построения, относящиеся к изучаемому явлению.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ ведущих исследователей в области социальной психологии, психологии личности, включая труды В. Штрауса и Н. Хоува по теории поколений, Ш. Шварца по концепции ценностей, а также исследования Е.Л. Доценко, Г.В. Бороздиной, В.В. Хороших, О.А. Пикулевой, В.А. Чикер и других авторов, рассматривающих самопрезентацию и ценностные ориентации в межпоколенческом взаимодействии.

В нашем исследовании в качестве основной поколенческой модели взята теория поколений

В. Штрауса и Н. Хоува, т.к. в корне этой периодизации лежит система ценностей их представителей. Согласно В. Штраусу и Н. Хоуву, поколение – это группа людей, рожденных в определенном временном промежутке 20–25 лет и имеющих три общих критерия:

1) определенные общие убеждения и модели поведения;

2) одна историческая эпоха (столкновение с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, нахождение на тех же жизненных фазах);

3) похожие ценности: такие как причастность к данному поколению, разделение чувства принадлежности к другому поколению [Strauss, Howe, 1997]. Важно отметить, что именно ценности являются важнейшим элементом внутренней структуры личности, определяющим ее отношение к действительности и проявляющимся в целях, идеалах, убеждениях, интересах, характеризующих каждое поколение. Периодизация была скорректирована Е. Шамис и А. Антиповым с учетом культурно-исторического контекста нашей страны. Ими произведена коррекция подхода во временных рамках, где были смещены возрастные границы поколений. В связи с этим произошло смещение в численности выделяемых групп. Так, поколение беби-бумеров в отечественной интерпретации увеличилось более чем на 6 млн человек, а объем поколения Y отличается почти на 14 млн в меньшую сторону, что обусловлено историческими событиями, а именно перестройкой в СССР².

Важно отметить труды тех ученых, которые рассматривали понятие «поколение» системно и с точки зрения различных наук. В 1970–1980-е гг. появляются труды таких ученых, как И.С. Кон, А.И. Афанасьева, Б.С. Павлов и др., которые пытались рассмотреть понятие «поколение» системно и с точки зрения различных наук [Садыкова, 2015]. И.С. Кон в своих трудах рассматривает поколение со различных точек зрения: генеалогического, онтогенетического и социально-исторического аспектов [Кон, 1978] (табл. 1).

² Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг Менеджмент. 2007. URL: <https://psycho.ru/library/2581>

Таблица 1

Концептуальные аспекты определения поколения в социальной психологии (по И.С. Кону)

Table 1

Conceptual aspects of defining a generation in social psychology (according to I.S. Kon)

Значение понятия «поколение»	Описание
Степень происхождения от общего предка (генеалогическое поколение: отцы, дети, внуки)	Поколение определяется через родственные связи и преемственность между родственниками
Группа сверстников (возрастная когорта, реальное поколение – онтогенетический аспект)	Поколение представляет собой группу людей, родившихся в один исторический период, проходящих схожие возрастные этапы и находящихся под воздействием одинаковых социальных условий
Группа современников (условное поколение, объединенное историческим временем – социально-исторический аспект)	Поколение определяется как общность людей, различающихся по возрасту, но объединенных общей исторической эпохой, значимыми событиями или схожими ценностными ориентациями

Социолог А.Н. Афанасьева определяет поколение как «объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами» [Афанасьева, 2003]. Б.С. Павлов рассматривает понятие «поколение» как особый исторический срез общества, отражающий его ключевые характеристики на определенном этапе развития. По его мнению, для точного описания любого поколения необходимо воспроизвести его «социальный портрет», который фиксирует характерные черты данного периода. Эти черты, несмотря на возможные изменения в обществе, остаются относительно стабильными в течение определенного исторического отрезка³ [Москвичев, 1973]. По мнению Е.К. Завьяловой, смена поколений в России в целом развивается в русле универсальных циклов, описанных У. Штраусом и Н. Хоувом. Однако этот процесс имеет и специфические черты, среди которых особенно выделяется его сопряженность с глубокими кризисами, обусловленными экономическими факторами [Волкова, Чикер, 2019]. Кроме того, в отечественных исследованиях широко рассматриваются

вопросы конфликта интересов между поколениями как в социально-политической сфере (например, процессы формирования элит), так и в экономической (влияние кризисных явлений на межпоколенческие отношения), а также в организационной среде. М.И. Постникова вводит термин «возраст поколения» который представляет собой «период, в течение которого в определенных социокультурных условиях оформляется общность людей (поколение) с отличительными от предыдущего и последующего поколений психологическими характеристиками, выполняющая определенную социальную роль в семье и обществе»⁴.

В нашем исследовании будут изучены разные способы самопрезентации, отражающие доминирующие жизненные ценности поколений.

В контексте межличностного взаимодействия самопрезентация выступает важным компонентом социального поведения, который может проявляться как в осознаваемой, так и в неосознаваемой форме. Актуальность рассматриваемого феномена заключается в том, что в силу меняющихся социальных условий самопрезентация изучена не до конца, несмотря на то, что является неотъемлемой частью социального взаимодействия между людьми, вне зависимости от пола, социальной роли и статуса.

³ Ахметьянова Р.А. Особенности преемственности поколений в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2002. 19 с.

⁴ Постникова М.И. Психология отношений между поколениями в современной России: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 54 с.

Ввиду того что феномен «самопрезентация» рассматривается различными научными направлениями уже на протяжении 50 лет, на сегодняшний день учеными так и не сформирован единый понятийный аппарат [Гофман, 1984; Lee et al., 1999].

Первые исследования самопрезентации начались в конце 50-х, начале 60-х гг. западными исследователями. Одним из них был И. Гофман, который в 1959 г. опубликовал труд «The presentation of Self in Everyday Life». Он определяет самопрезентацию как «активность данного участника в данных обстоятельствах, которая служит для того, чтобы каким-то способом повлиять на других участников» [Гофман, 1984].

Другой известный американский исследователь Б. Шленкер рассматривал «самопрезентацию как целенаправленную деятельность по контролю за производимым на других впечатлением, отражающую трансакцию между «Я» и аудиторией в особом социальном контексте и образованную комбинацией личностных, ситуационных и аудиторийных факторов» [Schlenker, 2003].

Российские ученые также изучали феномен самопрезентации. Среди них Е.Л. Доценко, Г.В. Бороздина, В.В. Хороших, О.А. Пикулева и др.

Е.Л. Доценко трактует самопрезентацию как процесс целенаправленного управления образом, который коммуникатор формирует у реципиента. При этом, согласно его концепции, данный процесс является осознанным, поскольку человек, обладая свободой выбора средств воздействия, сознательно регулирует свое поведение, что позволяет ему добиваться конкретных психологических целей. В этом контексте самопрезентация рассматривается в рамках субъектно-объектного подхода. Следовательно, она выступает в роли инструмента влияния, который дает возможность контролировать восприятие окружающих и, таким образом, формировать необходимое впечатление в процессе коммуникации [Доценко, 1997].

Г.В. Бороздина считает самопрезентацию процессом управления восприятием реципиента. Для этого субъект намеренно привлекает

внимание к специфическим особенностям внешнего вида, поведенческих проявлений или социальной ситуации, что способствует активации процессов социального восприятия [Бороздина, 1998].

Ю.М. Жуков рассматривает самопрезентацию в контексте делового общения. При этом он определяет правила общения как инструмент регулирования коммуникативного поведения (Ю.М. Жуков, 1990).

В.В. Хороших проведено исследование, в котором были обнаружены особенности опосредованной и непосредственной самопрезентации, а также определены факторы успешности самопрезентации этих двух видов; получены данные об особенностях опосредованной самопрезентации в зависимости от пола; выявлены основные тактики, определяющие успех самопрезентации в различных условиях самопредъявления и ситуациях общения (В.В. Хороших, 2001).

О.А. Пикулева выделяет несколько категорий самопрезентации (деятельностную природу, процессуальные характеристики, поведенческие проявления, роль в формировании образа «Я» и самооценки), каждая из которых отражает различные аспекты изучаемого феномена [Пикулева, 2013; 2014]. Так, представленный ниже классификационный подход, охватывает как функциональные, так и прикладные аспекты самопрезентации, подчеркивая ее значимость в межличностном взаимодействии (табл. 2).

Таким образом, исходя из вариативности направлений определения самопрезентации, прослеживаются общие характеристики в виде поведенческого выражения «Я» при помощи вербальных и невербальных средств, где, как следствие, происходит регулировка социальных взаимоотношений с окружающим миром.

На основании вышесказанного в нашей работе мы будем придерживаться определения, которое предложила О.А. Пикулева: «Самопрезентация – это в различной мере осознаваемый и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления Я-информации в вербальном и невербальном

Таблица 2

Категории самопрезентации по О.А. Пикулевой

Table 2

Categories of self-presentation according to O.A. Pikuleva

Категория	Описание
Самопрезентация как деятельность/активность	Подчеркивает субъектную природу самопрезентации; ее направленность на создание благоприятного впечатления
Самопрезентация как процесс	Рассматривается как механизм формирования представлений окружающих о человеке и выражения его собственного восприятия себя
Самопрезентация как поведение	Выступает как средство передачи информации о себе другим людям с целью создания благоприятного впечатления
Самопрезентация как способность	Описывает готовность индивида к самовыражению и активному участию в формировании своего образа в восприятии окружающих
Самопрезентация как способ	Подчеркивает прикладное значение самопрезентации в социальном взаимодействии
Самопрезентация как средство формирования образа «Я» и самооценки	Включает функции подтверждения собственного образа и поддержания самооценки (Б. Шленкер, М. Вейголд)

поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации» [Пикулева, 2013, с. 29]. В настоящем исследовании в качестве теоретической основы используется классификация поколений, предложенная Н. Хоувом и В. Штраусом, поскольку центральным элементом этой концепции является система ценностей. Различия в ценностных ориентациях обусловлены не только возрастными характеристиками, но и межпоколенческими особенностями, что делает ее ключевой для анализа поколенческих различий [Strauss, Howe, 1997].

Целью исследования стало изучение особенностей самопрезентации представителей различных поколений.

Основная гипотеза была сформулирована следующим образом.

Представители различных поколений используют разные способы самопрезентации, отражающие доминирующие жизненные ценности.

Частные гипотезы исследования

– Каждое поколение имеет свои отличительные тактики самопрезентации.

– Представители поколений бэби-бумеров чаще используют пассивные тактики самопрезентации, чем представители поколений X, Y, Z.

– Представители различных поколений имеют разный уровень самомониторинга.

– Существует нечто общее, что представлено в ценностях и тактиках самопрезентации различных поколений, что связано с преемственностью поколений.

Методы и выборка исследования. Выборка исследования состояла из 153 респондентов, сгруппированных по возрастным характеристикам; возраст испытуемых варьируется от 13 до 75 лет (114 женщин и 39 мужчин). Выделено четыре группы испытуемых:

– представители поколения бэби-бумеров (1943–1963 года рождения) – 14 человек, из них 12 женщин и 2 мужчин;

– представители поколения X (1963–1984 года рождения) – 53 человека, из них 38 женщин и 15 мужчин;

– представители поколения Y (1984–2000 года рождения) – 41 человек, из них 35 женщин и 6 мужчин;

– представители поколения Z (с 2000 года рождения по настоящее время) – 45 человек, из них 29 женщин и 16 мужчин.

Для проверки гипотез и решения поставленных задач был разработан диагностический комплекс, который включает в себя следующие методики.

1. Методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца, диапазон шкал от 1 до 7 [Карандышев, 2004].

2. Шкала самомониторинга М. Снайдера, диапазон шкал от 1 до 2 («верно»–«неверно») [Lee, et al., 1999].

3. Шкала измерения тактик самопрезентации С.-Ж. Ли, Б. Куигли и др., диапазон шкал от 1 до 9 [Пикулева, 2013].

4. Авторская анкета, направленная на определение социально-демографических характеристик, таких как пол, возраст, семейное положение, уровень образования.

Обработка данных проводилась с использованием качественного анализа первичных данных, а также количественных методов математической статистики, включая анализ средних величин (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с поправкой Шеффе) и корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r -Спирмена).

Результаты эмпирического исследования.

В ходе анализа и интерпретации результатов анкеты были получены следующие социально-демографические данные. Опрошенные нами представители различных поколений в большинстве являются представителями женского пола, проживающими в крупном мегаполисе, состоящими в браке и имеющими 1–2 детей. По полученным данным, материальный достаток опрошенных не ниже среднего. Уровень образования у респондентов по большей части высшее или неоконченное высшее. Преимущественный вид профессиональной деятельности, относящийся к категории «человек – человек», связан с социально-коммуникативными компетенциями, что затрагивает те сферы, где главной целью является взаимодействие между людьми.

Таблица 3

Средние значения ценностей по методике Ш. Шварца представителей 4 поколений

Table 3

Average values of value orientations among representatives of four generations according to the method of S. Schwartz

Ценности	Поколение бэби-бумеров (N=14)		Поколение X (N=53)		Поколение Y (N=45)		Поколение Z (N=41)	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
Конформность	6,2	0,6	5,0	0,8	5,2	0,9	5,3	1
Традиции	5,5	0,8	4,4	0,7	4,2	1	4,6	1
Доброта	6,5	0,5	5,5	0,7	5,6	0,7	5,8	0,8
Универсализм	6,4	0,4	5,3	0,7	5,3	0,8	5,7	0,8
Безопасность	6,6	0,4	5,9	0,7	5,8	0,7	5,8	0,8
Самостоятельность	5,7	0,9	5,8	0,7	6,0	0,6	5,9	0,8
Стимуляция	4,4	1	4,4	1	4,9	1	5,2	1
Достижения	5,3	1	5,3	0,8	5,8	0,5	5,8	1
Гедонизм	4,5	1	5,0	1	5,7	0,9	6,1	0,8
Власть	4,4	1	4,3	1	5,1	0,6	5,1	1

Анализируя средние значения табл. 3 в группе поколения бэби-бумеров, можно видеть, что наивысшие значения были получены по ценностям «безопасность» (M=6,6) и «доброта» (M=6,5). Наименьшие значения по ценностям «стимуляция» (M=4,4) и «власть» (M=4,4). У представителей поколения X наивысшие средние значения были выявлены по ценности «без-

опасность» (M=5,9) и наименьшие значения по ценности «власть» (M=4,3). Ценность «самостоятельность» (M=6) имеет максимально высокое значение для представителей группы Y, а минимальное значение выявлено по ценности «традиции» (M=4,2). У представителей поколения X ярко выражена ценность «гедонизм» (M=6,1) и наименее – ценность «традиции» (M=4,6).

Сравнительное изучение характеристик ценностей показало следующие статистически значимые различия. Наибольшие показатели ценности «конформность» выявлены у представителей поколения бэби-бумеров. По этому показателю обнаружены статистически значимые отличия на 5 %-ном уровне значимости с поколениями X ($F=1,16$), Y ($F= 0,99$), Z ($F=0,88$). Бэби-бумеры выделяют ценность «доброта» – зафиксированы значимые различия с поколениями X ($F=0,96$), Y ($F=0,93$), Z ($F=0,74$). По ценности «универсализм» были выявлены различия представителей поколения бэби-бумеров с поколениями X ($F= 1,03$), Y ($F= 1,03$), Z ($F= 0,7$). Статистическая значимость различий средних $p \leq 0,05$ была обнаружена по ценности «традиции» с поколениями X ($F= 1,02$), Y ($F= 1,27$) и по ценности «безопасность» с поколениями X ($F= 1,29$), Y ($F= 1,29$), Z ($F= 0,73$). Поколение Y имеет статистически значимые различия $p \leq 0,05$ по шкале «гедонизм» с поколениями

бэби-бумеров ($F= 1,29$), X ($F= 0,73$) и с поколением X по шкале «достижения» ($F= 0,57$), «власть» ($F= 0,75$). Для поколения Z получены статистически значимые различия на 5 %-ном уровне по шкале «стимуляция» с поколением X ($F= 0,84$), «гедонизм» с поколениями бэби-бумеров ($F= 1,63$) и X ($F= 1,07$), «власть» с поколением X ($F= 0,82$).

Основываясь на полученных результатах по шкале самомониторинга М. Снайдера, можно предположить, что представители всех поколений – люди с высоким уровнем самомониторинга: поколение бэби-бумеров ($M=7,36$); поколение X ($M=8,98$); поколение Z ($M=9,64$), поколение Y ($M=10,02$). В целом респонденты характеризуются высокой чувствительностью к экспрессивным реакциям и самопрезентации окружающих; способностью учитывать специфику социальной ситуации, а также умением эффективно контролировать и управлять как вербальной, так и невербальной коммуникацией.

Таблица 4

Средние значения тактик самопрезентации по шкале Ли, Куигли у представителей различных поколений

Table 4

Average values of self-presentation tactics among representatives of different generations in Lee & Quigley's scale

Тактики самопрезентации	Поколение бэби-бумеров N=14		Поколение X N=53		Поколение Y N=45		Поколение Z N=41	
	M	σ	M	σ	M	σ	M	σ
Оправдание с принятием ответственности	17,2	9,4	17,8	8,6	21,3	8,1	23	8,8
Отречение	22,7	9,7	20	7,8	20,5	8,3	24,2	9
Препятствование самому себе	17,0	7,7	17,9	6	19,6	8,1	25	8,2
Извинение	39,4	5,8	33,3	6,4	31,6	7,6	32,5	6,3
Желание понравиться	25,5	15,2	26,7	13,2	33,5	12,1	35,7	12,2
Запугивание	10,7	6,2	12,7	6,1	15,9	8,6	18,3	10,8
Просьба/мольба	20,5	5,8	16,8	8,2	18,2	6,8	22,2	7,6
Приписывание себе достижений	13,8	8,1	16,3	7,6	19,8	7,5	24,7	9,1
Преувеличение своих достижений	13,7	7,5	15,6	6,7	19,2	7,9	22,6	8,4
Негативная оценка других	13,9	6,3	11,8	5,6	13,2	7,1	15,3	8,4
Пример для подражания	25	5,6	18,5	7,6	22,4	8,5	24,1	9,6

Анализ средних значений тактик самопрезентации табл. 4 показал, что максимальные средние значения были получены по тактике

«извинение» у поколений бэби-бумеров ($M=9,4$) и X ($M=33,3$). Высокие значения по тактике «желание понравиться» выявлены у поколений Y

($M=33,5$) и Z ($M=35,7$). Наименьшие значения по тактике «запугивание» были получены у поколений бэби-бумеров ($M=10,7$), X ($M=12,7$) и Y ($M=15,9$). Низкие значения по тактике «негативная оценка других» наблюдаются только у поколения Z ($M=15,3$). Статистически значимые различия $p \leq 0,05$ были обнаружены у представителей бэби-бумеров по тактике «пример для подражания» с поколениями X ($F= 6,05$), Y ($F= 7,81$), Z ($F= 6,89$). Наибольшее количество значимых различий было выявлено у поколения Z с поколением X по тактикам «оправдание с отрицанием ответственности» ($F= 5,61$), «оправдание с принятием ответственности» ($F= 5,28$), «желание понравиться» ($F= 8,96$), «пример для подражания» ($F= 5,59$), «просьба/мольба» ($F= 5,4$).

На очередном этапе исследования все полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу. Нами приняты следующие условные обозначения при анализе корреляционных плеяд при $p < 0,01$: двойная сплошная линия – прямая связь, двойная пунктирная – обратная.

В ходе анализа полученных корреляций, можно сказать о том, что для поколения бэби-бумеров (рис. 1) наиболее выражена взаимосвязь между ценностными ориентациями и защитными тактиками самопрезентации. Таким образом, можно предположить, что это обусловлено постепенным снижением участия респондентов в активном социальном взаимодействии.

Анализ выявленных корреляционных связей позволяет заключить, что для поколения бэби-бумеров (см. рис. 1) более характерна взаимосвязь между ценностными ориентациями и защитными тактиками самопрезентации. Это может быть обусловлено постепенным снижением их участия в активных социальных взаимодействиях.

Во взаимосвязях показателей ценностей, самомониторинга и тактик презентации у поколения X (рис. 2) первое, что следует отметить, – это их меньшее количество. У представителей поколения тактика «преувеличение своих достижений» имеет положительную связь с ценностью «достижения» ($R= 0,398$; $p < 0,01$).

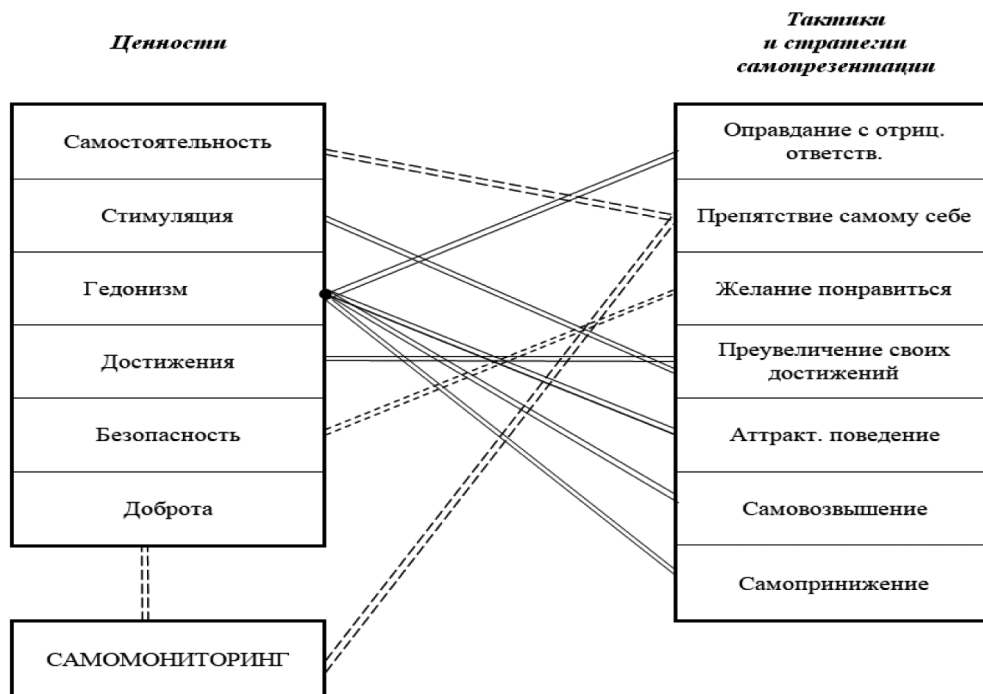

Рис. 1. Взаимосвязь показателей ценностей, самомониторинга и тактик самопрезентации у представителей поколения бэби-бумеров

$N=14$; $0,66 < r < 0,84$ при $p < 0,01$

Fig. 1. The relationship between indicators of values, self-monitoring and self-presentation tactics among representatives of the Baby Boomer generation

$N=14$; $0,66 < r < 0,84$ $p < 0,01$

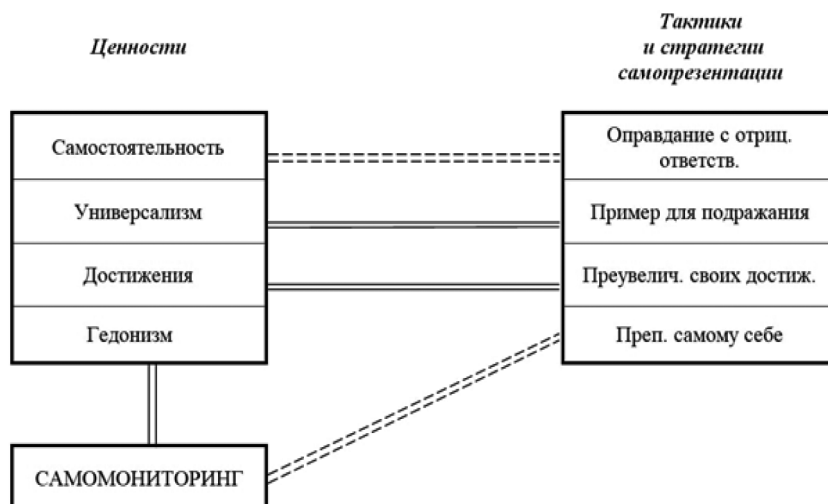

Рис. 2. Взаимосвязь показателей ценностей, самомониторинга и тактик самопрезентации у поколения X
 $N=53; 0,35 < r < 0,42 \text{ при } p < 0,01$

Fig. 2. The relationship between indicators of values, self-monitoring and self-presentation tactics in Generation X
 $N=53; 0,35 < r < 0,42 \text{ } p < 0,01$

Таким образом, чем выше личный успех, где проявляется компетентность, тем больше желание представить свои достижения другим, что влечет за собой социальное одобрение. Ценность «универсализм» положительно коррелирует с тактикой «пример для подражания» ($R = 0,375; p < 0,01$), то есть представители поколения ярко транслируют свои ценности в понимании, терпимости, защите благополучия

людей и окружающего мира для других поколений. Представители поколения X хотят быть примером для подражания. Отрицательная связь между «самостоятельностью» и «оправданием с отрицанием ответственности» ($R = -0,353; p < 0,01$) говорит о том, что чем больше самостоятельность в принятии решений, тем реже следуют отрицание ответственности за негативные поступки.

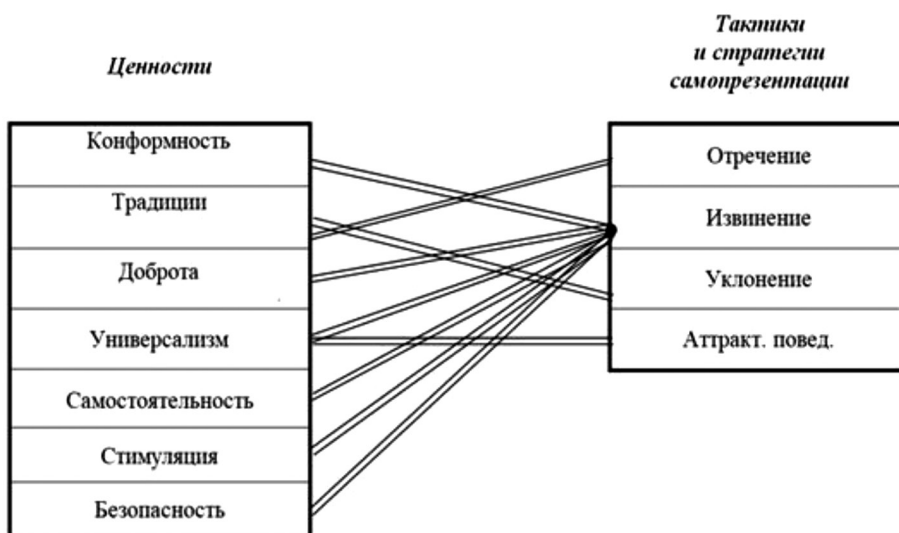

Рис. 3. Взаимосвязь показателей ценностей, самомониторинга и тактик самопрезентации у представителей поколения Y
 $N=41; 0,40 < r < 0,61 \text{ при } p < 0,01$

Fig. 3. The relationship between the indicators of values, self-monitoring and self-presentation tactics among representatives of Generation Y
 $N=41; 0,40 < r < 0,61 \text{ } p < 0,01$

У представителей поколения Y (рис. 3) выявлена положительная корреляция тактики «извинение» с представленными ценностями: «конформность» ($R= 0,439$; $p<0,01$), «доброта» ($R= 0,445$; $p<0,01$), «универсализм» ($R= 0,610$; $p<0,01$), «самостоятельность» ($R= 0,404$; $p<0,01$), «стимуляция» ($R= 0,413$; $p<0,01$), «безопасность»

($R= 0,468$; $p<0,01$). Это говорит о том, что представители поколения Y готовы брать на себя ответственность за негативные поступки других, готовы к выражению раскаяния или вины. Стоит отметить, что связей самомониторинга с ценностями и самопрезентацией у поколения Y обнаружено не было.

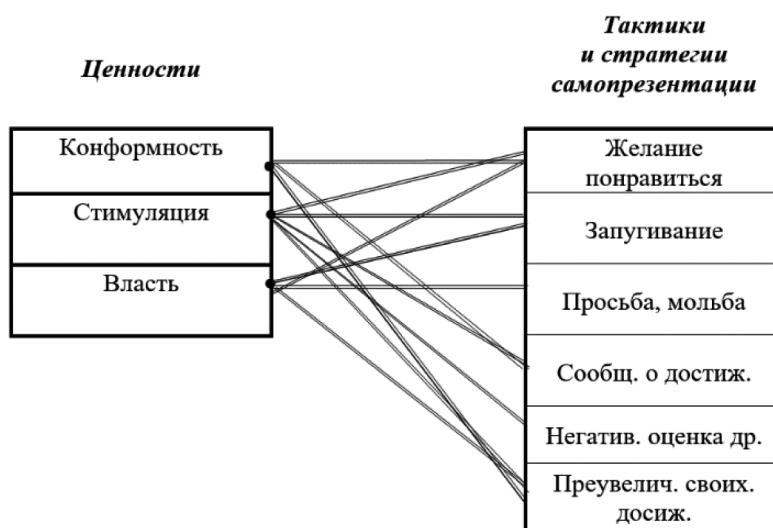

Рис. 4. Взаимосвязь показателей ценностей, самомониторинга и тактик самопрезентации у представителей поколения Z
 $N=41$; $0,38 < r < 0,55$ при $p < 0,01$

Fig. 4. The relationship between the indicators of values, self-monitoring and self-presentation tactics among representatives of Generation Z
 $N=41$; $0,38 < r < 0,55$ $p < 0,01$

Зафиксированы положительные связи у представителей поколения Z (рис. 4) между ценностью «власть» и тактиками «желание понравиться» ($R=0,540$; $p<0,01$), «запугивание» ($R=0,482$; $p<0,01$), «просьба/мольба» ($R=0,410$; $p<0,01$) и «преувеличение своих достижений» ($R=0,451$; $p<0,01$). Центральное содержание этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса и престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами. Следует отметить, что все тактики, вошедшие в корреляционную плеяду, являются ассертивными, в отличие от поколения бэби-бумеров, т.е. направленными на активные действия в формировании благоприятного впечатления о себе.

Обсуждение результатов. Каждому поколению присущи свои ценности, которые определяются внешними факторами, задачами общества, имеющимися ресурсами и личностными

потребностями. Принимая во внимание произошедшие изменения в социальной жизни, формирование устоев, традиций и взглядов, можно выявить центральные ценности представителей разных исторических периодов и динамику изменений ценностей разных поколений [Чикер, Гвоздкова, 2022]. Поколение бэби-бумеров было нацелено на восстановление страны, создание безопасной среды для себя и своих близких. Достижение этого было возможно только совместными усилиями, где каждый готов был прийти на помощь друг другу. Сформированные традиции, правила, устои послужили для объединения, сохранения ценностей и передачи своих взглядов другим поколениям. Поколение X, в свою очередь, выросшее в безопасной окружающей среде, делало акцент на развитии собственной личности, ценность качественного образования имела высокое значение. Самостоятельность,

данная представителям поколения с детства, формировала независимость, быструю адаптируемость к различным внешним изменениям. Для представителей поколения Y важную роль играет самоконтроль, который выражается через способность самостоятельно делать выбор, используя свою компетентность и приобретенные навыки и тем самым достигая успеха. Что касается поколения Z, то его представителям важны глубинные переживания, получение удовольствия и наслаждений от жизни. При этом достижение или сохранение доминантной позиции занимает одно из важных мест в системе главенствующих ценностей. По нашим данным, ярко прослеживается динамика от коллективистской составляющей к индивидуалистическим позициям в социальной жизни.

При социальном взаимодействии большинство респондентов с легкостью, в зависимости от ситуации, могут изменять свое поведение, используя различные стратегии для достижения необходимого им результата коммуникации. Социальная гибкость, смелость, активность, жизнерадостность, разговорчивость, динамичность являются характеристиками людей с высоким уровнем самомониторинга. При стремлении создать благоприятное впечатление о себе демонстрируются только лучшие качества. В наибольшей степени это касается поколения Y. Поколение беби-бумеров, вероятно в силу возраста, не поддерживают этот навык, поскольку постепенно уходят от активного социального взаимодействия, в меньшей степени ориентируются на оценку других людей и социальные поведенческие нормы.

На основании полученных данных по оценке тактик самопрезентации можно считать, что представители поколения беби-бумеров не ищут одобрения своего поведения и не склонны к демонстрации своих позитивных достижений. Это вполне может быть связано с приобретенным жизненным опытом и достигнутым социальным положением, занимаемым в обществе. Поколения X и Z используют и защитные, и ассертивные тактики в равном количестве, однако предпочтительных тактик всего

две – «извинение» и «желание понравиться». У поколения Y полученные значения могут быть обусловлены сохранением своего образа Я, поддержанием норм взаимодействия, направленных на удержание благоприятного впечатления. Множество ярко выраженных тактик самопрезентации у поколения Z объясняется готовностью респондентов к изменениям в зависимости от ситуации и высокой мотивацией достижения поставленных целей, свободой самовыражения и гибкостью, присущей молодым людям. Это дает возможность использовать различные тактики в силу отсутствия ригидных установок, мешающих достижению цели в социальном взаимодействии.

У представителей поколения беби-бумеров выявленные связи самопрезентации и ценностей занимают важное место в социальном взаимодействии, подчеркивая важность сохранения статуса, имиджа и положения в обществе. Это можно объяснить тем, что представители поколения в процессе их жизненного пути были нацелены на командную работу и равенство, где социальный статус играл важную роль. В свою очередь, представителям поколения X свойственно использовать аттрактивные тактики самопрезентации, что говорит о значимости для поколения создания благоприятного впечатления о себе. Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод, что применение защитных тактик самопрезентации для поколения Y является ярко выраженной характеристикой, направленной на желание хорошо выглядеть, избегая негативных впечатлений о себе, и состоят в исправлении неловких ситуаций, защите от неблагоприятных внешних оценок. У представителей поколения Z, при желании занимать ведущую социальную позицию, используется наибольшее количество тактик самопрезентации для достижения поставленных целей.

В ходе исследования были получены данные о том, что применение различных тактик самопрезентации напрямую связано с ценностями представителей разных поколений. При рассмотрении взаимосвязей между тактиками самопрезентации, ценностями и самомониторингом

в группах поколений зафиксировано больше различий, чем сходства.

У поколения бэби-бумеров и поколения X обнаружены близкие ценности, но они связаны с разными тактиками самопрезентации. Поколению бэби-бумеров характерно использовать защитные тактики самопрезентации в связи с постепенным уходом от социального взаимодействия. В свою очередь, представители поколения X преимущественно используют аттрактивные тактики самопрезентации, что свидетельствует о высокой значимости для них формирования позитивного социального образа и стремления произвести благоприятное впечатление на окружающих. Поколению Y характерно использование защитных тактик самопрезентации, направленных на создание положительного впечатления и предотвращение негативных оценок со стороны окружающих. Тогда как представители самого молодого поколения Z чаще применяют ассертивные стратегии, такие как самовозвышение, самопринижение и силовое влияние, что свидетельствует об их стремлении контролировать социальное взаимодействие и управлять восприятием себя в обществе.

Для каждого поколения можно выделить ключевые связи ценностей и тактик самопрезентации, характеризующие каждое поколение в отдельности. Оказалось, что чем лучше поколению бэби-бумеров получается создать благоприятное впечатление о себе, тем большее удовлетворение и удовольствие получает респондент. У представителей поколения X полученные связи говорят о важности создания благоприятного впечатления о себе при использовании аттрактивных тактик самопрезентации. Ярко выраженной характеристикой для поколения Y является применение защитных тактик самопрезентации. Центральная тактика – «извинение» – нацелена на желание хорошо выглядеть, избегая возможности произвести негативное впечатление. Поколение Z использует различные стратегии и тактики для предотвращения действий, которые могут причинить вред в процессе социального взаимодействия. Выявленные отчетливые связи между ценностями

и тактиками самопрезентации позволяют подтвердить основную гипотезу о том, что представители различных поколений используют разные способы самопрезентации, отражающие доминирующие жизненные ценности.

Результаты, полученные в ходе настоящего исследования, дополняют и углубляют существующие представления психологической науки о межличностном взаимодействии представителей различных поколений. Важно отметить, что самопрезентация отражает не только индивидуальные особенности личности, но и поколенческий опыт, включая историческую преемственность, культурные образцы и нормативные модели поведения, которые, в свою очередь, являются характерными для каждого поколения. Также зафиксирована тенденция к постепенному смещению ориентации личности от коллективистских ценностей к индивидуалистическим установкам. Полученные данные могут использоваться в различных областях практической психологии, а также в консультировании.

Заключение. Целью нашего исследования было изучение особенностей самопрезентации представителей различных поколений. Мы рассматривали феномен самопрезентации как одну из основных и значимых характеристик в социально-психологическом взаимодействии поколений. Это особенно актуально, так как в межличностной коммуникации самопрезентация занимает важное место, являясь важной составляющей социального поведения, которое может быть как осознаваемым, так и неосознаваемым процессом.

Полученные нами данные дают более глубокое понимание о межличностном взаимодействии представителей различных поколений. Можно сказать, что самопрезентация отражает поколенческий опыт, историю поколений, культурные образцы, нормы поведения, что, в свою очередь, является характеристиками каждого поколения. Сложившиеся ценности одного поколения формируют последующие поколения исходя из своего опыта и деятельности. Прделанная работа позволила выявить общие закономерности и частные социально-психологические

особенности формирования самопрезентационного поведения.

Ограничениями исследования можно считать недостаточную сбалансированность и численность выборки по поколениям, особенно это касается поколения беби-бумеров, и полу. Данные могут быть интерпретированы только исходя из того, что обследованы жители мегаполиса. Эти ограничения и локальный характер выводов могут быть преодолены в дальнейших исследованиях.

Работа в области изучения самопрезентационного поведения представителей различных поколений представляется актуальной и интересной. Одним из вариантов изучения особенностей самопрезентации может быть расширение и углубление проведенного исследования: изучить, существуют ли различия между мужчинами и женщинами каждого поколения, сравнить тактики людей различных профессий, рассмотреть взаимосвязь самооценки и тактик самопрезентации и т.д.

Библиографический список

1. Афанасьева А.Н. Исторический процесс и смена поколений. Преемственность поколений как социологическая проблема. М.: Мысль, 2003. С. 20–24.
2. Бороздина Г.В. Психология делового общения. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.
3. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 127–145. URL: <https://goo.su/L3H0U> (дата обращения: 14.02.2025).
4. Гвоздкова Р.И. Тактики самопрезентации и жизненные ценности представителей поколения Z // Социальная психология: вопросы теории и практики: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2022 г. М.: Моск. гос. психолого-педагогический ун-т, 2022. С. 91–94. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49357334_34650247.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
5. Горохов С.А., Заплитный И.Д. Ценностные установки представителей поколения Y в контексте теории поколений // Российская специфика. Проблемы современного образования. 2019. № 5. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41567713_64277627.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
6. Гофман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд. МГУ, 1984. С. 188–197.
7. Грошева Е.К., Чуприна А.Д. Отличительные черты и особенности поколения Z // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 3 (20). С. 32–34. URL: <https://goo.su/n9noKE> (дата обращения: 14.02.2025).
8. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с. URL: library.lgaki.info:404/2017/ДоценкоЕ_Психология.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
9. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с. URL: <https://goo.su/is7GSI> (дата обращения: 14.02.2025).
10. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76–86.
11. Москвичев Л.Г. Преемственность поколений как социологическая проблема / отв. ред. Л.Г. Москвичев. М.: Мысль, 1973. 295 с.
12. Пикулева О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4, № 2. С. 21–37. URL: <https://goo.su/2cw34S> (дата обращения: 14.02.2025).
13. Пикулева О.А. Социальная психология самопрезентации личности. СПб., 2014. URL: <https://goo.su/i0BIV> (дата обращения: 14.02.2025).

14. Садыкова Х.Н. Генезис научных представлений о поколении как социокультурном феномене // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1, ч. 2. С. 213–221. URL: elibrary.ru/download/elibrary_23662442_70769174.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
15. Чикер В.А., Гвоздкова Р.И. Сравнительный анализ ценностных ориентаций представителей различных поколений // Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям. 2022. С. 775–776. URL: elibrary.ru/download/elibrary_49823116_25243203.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
16. Lee, S.J., Quigley, B.M., Nesler, M.S., Corbett, A.B., & Tedeschi, J.T. (1999). Development of a self-presentation tactics scale. *Personality and individual differences*, 264, 701–722. DOI: 10.1016/S0191-88699800178-0
17. Schlenker, B.R. (2003). Self-Presentation. In M.R. Leary, & J.P. Tangney (Eds.), *Handbook of Self and Identity* (pp. 492–518). New York: Guilford. URL: <https://goo.su/JEGGjr> (access date: 14.02.2025).
18. Strauss, W., & Howe, N. (1997). *The fourth turning is here: What the seasons of history tell us about how and when this crisis will end*. Simon and Schuster, Broadway Books, New York. URL: <https://goo.su/S9OR5> (access date: 14.02.2025).

FEATURES OF SELF-PRESENTATION AND VALUE ORIENTATIONS OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS

R.I. Gvozdikova (Saint Petersburg, Russia)

V.A. Chiker (Saint Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the features of self-presentation and value orientations of representatives of different generations. Specifically, the phenomenon of self-presentation is analyzed as one of the key aspects of socio-psychological interaction. Moreover, the study aims to identify fundamental values, self-presentation tactics, and their interrelation in different generational groups.

The purpose of the article is to study the features of self-presentation among representatives of the Baby Boomers, Generation X, Generation Y, and Generation Z. Furthermore, the study seeks to determine the dominant values and self-presentation tactics, as well as to identify their interrelation.

Methodology and research methods. The methodological basis of the study is W. Strauss and N. Howe's generational theory, as well as the concept of values by S. Schwartz. In particular, the research methods included the self-presentation scale by S.-J. Lee and B. Quigley, the self-monitoring scale by Snyder, and Schwartz's value orientations methodology. The sample consisted of 153 respondents from four generational groups. Data were analyzed using mathematical statistics methods, including ANOVA and correlation analysis.

Research results. As a result, differences in self-presentation tactics and dominant values among generations were identified. Specifically, the Baby Boomers are characterized by defensive tactics and a value of security, whereas Generation X is distinguished by attractive tactics and an aspiration for autonomy. Generation Y predominantly employs apology tactics and conformity, while Generation Z exhibits assertive strategies and a value of power. A common feature for all generations is the aspiration to create a favorable impression, shaped by the continuity of generational values.

Conclusion. In conclusion, the findings expand our understanding of generational differences in self-presentation and value orientations. The study confirms the hypothesis that representatives of different generations use different self-presentation strategies that reflect their key life values. The results can be applied in organizational and social psychology, counseling, and the development of intergenerational interaction strategies.

Keywords: *generation, generational theory, values, self-monitoring, self-presentation tactics.*

Gvozdikova, Regina I. – PhD Candidate, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5012-6939>; e-mail: gvozdikova.r@mail.ru

Chiker, Vera A. – PhD (Psychology), Senior Researcher, Associate Professor, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); ORCID: 0000-0001-7444-6898; Scopus Author ID: 6506699277; e-mail: vchiker@yandex.ru

References

1. Afanasyeva, A.N. (2003). Historical Process and Change of Generations. Continuity of Generations as a Sociological Problem. Moscow.
2. Borozdina, G.V. (1998). Psychology of Business Communication. Moscow.
3. Volkova, N.V., Chiker, V.A., & Pochebut, L.G. (2019). Differences of generations in the consolidation of social capital: Organizational and subcultural aspects. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 10 (2), 127–145. URL: <https://goo.su/L3H0U> (access date: 14.02.2025).
4. Gvozdikova, R.I., & Chiker, V.A. (2022; May 12–13). Self-presentation tactics and life values of representatives of generation Z. In: *Sotsialnaya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki* [Social Psychology: Theory and Practice] (pp. 91–94). The 7th International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev, Moscow. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49357334_34650247.pdf (access date: 14.02.2025).

5. Goffman, E. (1984). The presentation of self in everyday life. In: *Sovremennaya zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya* [Modern Foreign Social Psychology] (pp. 188–197), Moscow.
6. Gorokhov, S.A., & Zaplitnyy, I.D. (2019). The value attitudes of the representatives of Generation Y in the context of generational theory. *Rossiyskaya spetsifika. Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Russian Specifics. Problems of Modern Education], 5. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41567713_64277627.pdf
7. Grosheva, E.K., & Chuprina, A.D. (2021). Distinctive features and characteristics of generation Z. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business Education in the Knowledge Economy]. No. 3 (20). 32–34. URL: <https://goo.su/BJtUw> (access date: 14.02.2025).
8. Dotsenko, E.L. (1997). Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Protection. Moscow. URL: library.lgaki.info:404/2017/Dotsenko_E_Psychology.pdf (access date: 14.02.2025).
9. Karandashev, V.N. (2004). Schwartz's Methodology for Studying Personality Values: Concept and Methodological Guide. Saint Petersburg. URL: <https://goo.su/is7GSI> (access date: 14.02.2025).
10. Kon, I.S. (1978). Age categories in the sciences of man and society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 3, 76–86.
11. Moskvichev, L.G. (1973). Continuity of Generations as a Sociological Problem. Moscow.
12. Pikuleva, O.A. (2013). The psychological ambiguity of the concept of 'self-presentation of personality' and modern scientific approaches to understanding its content. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 4 (2), 21–37. URL: <https://goo.su/2cw34S> (access date: 14.02.2025).
13. Pikuleva, O.A. (2014). *Sotsialnaya psikhologiya samoprezentatsii lichnosti* [Social Psychology of Self-Presentation of Personality]. DSc Thesis Summary. St. Petersburg. URL: <https://goo.su/iOBlv> (access date: 14.02.2025).
14. Sadykova, Kh.N. (2015). The genesis of scientific ideas about generation as a socio-cultural phenomenon. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 1 (2), 213–221. URL: elibrary.ru/download/elibrary_23662442_70769174.pdf (access date: 14.02.2025).
15. Chiker, V.A., & Gvozdokova, R.I. (2022; October 18–21). Comparative analysis of value orientations of representatives of different generations. In: *Ananievskie chteniya-2022. 60 let sotsial'noy psikhologii v SPbGU: ot istokov – k novym dostizheniyam i innovatsiyam* [Ananyevskie Readings-2022. 60 years of social psychology at St. Petersburg State University: from the origins to new achievements and innovations] (pp. 775–776). St. Petersburg. URL: elibrary.ru/download/elibrary_49823116_25243203.pdf (access date: 14.02.2025).
16. Lee, S.J., Quigley, B.M., Nesler, M.S., Corbett, A.B., & Tedeschi, J.T. (1999). Development of a self-presentation tactics scale. *Personality and individual differences*, 264, 701–722. DOI: 10.1016/S0191-88699800178-0
17. Schlenker, B.R. (2003). Self-Presentation. In M.R. Leary, & J.P. Tangney (Eds.), *Handbook of Self and Identity* (pp. 492–518). New York: Guilford. URL: <https://goo.su/JEGGjr> (access date: 14.02.2025).
18. Strauss, W., & Howe, N. (1997). *The fourth turning is here: What the seasons of history tell us about how and when this crisis will end*. Simon and Schuster, Broadway Books, New York. URL: <https://goo.su/S9OR5> (access date: 14.02.2025).

УДК 159.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Ю.В. Дубовских (Санкт-Петербург, Россия)

М.Ю. Леонтьева (Санкт-Петербург, Россия)

В.А. Чикер (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Важность и актуальность профессиональной ориентации подтверждается приказом Минпросвещения России, изданным в 2023 г. в целях содействия обучающимся в профессиональном самоопределении с учетом потребностей и возможностей и социально-экономической ситуации на рынке труда. Авторы статьи, опираясь на опыт практической деятельности, отмечают, что в современных условиях происходят изменения в характере профессионального самоопределения (меняются профессиональные интересы, мотивации, происходят изменения в ценностных ориентациях). Таким образом, мы видим изменения в субъекте профориентации. Помимо этого, мир, и в том числе мир профессий, становится более неопределенным и менее предсказуемым. Современные технологии и новые вызовы изменяют и сам процесс профессионального консультирования. Кроме того, в ситуации когда не работает парадигма «одна профессия на всю жизнь», не только подростки, но и взрослые, вплоть до пенсионного возраста и старше, обращаются за помощью к консультанту по профессиональной ориентации. Изменяющийся субъект, мир и процесс приводят к необходимости исследования возможностей и угроз для профессионального становления, развития и адаптации личности в социально-экономических обстоятельствах, с тем чтобы преодолевать имеющиеся вызовы.

Цель работы заключается в попытке целостного взгляда на проблемы профориентационной деятельности, профессионального развития, адаптации к изменениям окружающего мира с учетом социально-психологической составляющей. На основе практического опыта необходимо выявить ключевые проблемы профессионального развития, а также проанализировать научную литературу поиска научно обоснованных решений проблем.

Методологию исследования составили анализ, обобщение и систематизация научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, связанных с профориентационной деятельностью, профессиональным развитием, адаптацией к изменениям окружающего мира с учетом социально-психологической составляющей, этим обусловлены используемые методы: анализ, синтез, обобщение, систематизация научных идей и исследований по проблеме профессионального развития.

Результаты. Было показано, как особенности развития мира, современного поколения и уровень развития науки и техники изменяют характер исследуемых проблем и влияют на процесс профессионально-личностного консультирования. Современная карьера – это нелинейный процесс, включающий множественные смены профессий и необходимость адаптации. Значимыми факторами являются тревожность и чувствительность к неопределенности, что требует интеграции психологических методов в карьерное консультирование. Цифровизация и искусственный интеллект влияют на изменение процесса профессионально-личностного консультирования, однако необходим индивидуальный подход к каждому клиенту.

Заключение. В статье приведены примеры последних научных разработок отечественных и зарубежных авторов в сфере профессионального развития, которые могут иметь практическое применение и обозначить актуальные направления дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: профориентация, профессионально-личностное развитие, профессионально-личностное консультирование, карьерное консультирование, профессиональная ориентация.

Дубовских Юлия Владимировна – аспирант кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; SPIN-код: 4468-8465; ORCID: 0009-0000-2075-2953; e-mail: dubovskikh@yandex.ru

Леонтьева Мария Юрьевна – психолог психологической клиники, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: m_derbeneva@mail.ru

Чикер Вера Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; SPIN-код: 2422-9323; ORCID: 0000-0001-7444-6898; ScopusAuthor ID: 6506699277; e-mail: vchiker@yandex.ru e-mail:vchiker@yandex.ru

Постановка проблемы. Центр профессионально-личностного консультирования Психологической клиники СПбГУ более 20 лет занимается психологическим консультированием по вопросам профессионально-личностного самоопределения клиентов разного возраста [Шаболтас и др., 2024]. За эти годы накоплен большой эмпирический и практический опыт, и мы можем наблюдать широкий спектр актуальных проблем, особенностей и феноменов профессионального самоопределения личности, а также найти объяснение и подтверждение им в последних научных исследованиях. Принимая во внимание индивидуальные особенности профессионального развития клиентов, практические психологи в области профессиональной ориентации должны также учитывать особенности рынка труда в его динамике и прогнозе, организацию профориентационной деятельности с учетом общих проблем современной молодежи и важность государственной политики в сфере обеспечения кадрами. Эти темы имеют как практическую, так и научную значимость, способствуя более глубокому пониманию профессионально-личностного развития в быстро меняющемся мире.

Методологию исследования составили анализ, обобщение и систематизация научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, связанных с профориентационной деятельностью, профессиональным развитием, адаптацией к изменениям окружающего мира с учетом социально-психологической составляющей. Этим обусловлены используемые методы: анализ, синтез, обобщение, систематизация научных идей и исследований по проблеме профессионального развития.

Обзор научной литературы. В процессе перехода от VUCA-мира к миру-VANI (где изменчивость превратилась в хрупкость, неопределенность стала тревожностью, сложность перешла в нелинейность, а неоднозначность трансформировалась в непостижимость) уже не работает парадигма выбора карьеры один раз на всю жизнь. Сегодня мы сталкиваемся с явлением существования у человека нескольких

профессий одновременно как ответ на требования изменившегося мира. Часто взрослые люди оказываются в ситуации карьерного перехода или общей неудовлетворенности карьерой, а первый профессиональный выбор у подростков может стать далеко не единственным. Как показали результаты исследования О.В. Каракуловой, Н.А. Буравлевой, профессиональные интересы подростков не всегда совпадают с перспективными профессиями будущего [Каракулова, Буравлева, 2024]. В ответ на вызовы современности в науке изучается карьерная адаптивность как важная компетенция, позволяющая ориентироваться в происходящих изменениях [Tabar, Hadi, Saberi, 2023; Wang, Liu, Li, 2024]. Это психосоциальная конструкция, способная справляться с изменениями и неопределенностью. Карьерная адаптивность, предложенная Супером и Кнаселом, как альтернатива концепции профессиональной зрелости [Super, Knasel, 1981] содержит четыре измерения: *озабоченность, контроль, любопытство, уверенность*. Озабоченность представляет собой степень, в которой человек обеспокоен своим профессиональным будущим, оберегая его хрупкость. Контроль предполагает ответственность за развитие карьеры и возможность управлять профессиональными ситуациями в противовес тревожности. Любопытство характеризуется исследованием возможных «я» и будущих сценариев в нелинейном мире. Уверенность отражает воспринимаемую самооффективность для решения проблем и способность преодолевать препятствия в условиях принципиальной непостижимости. Эти четыре измерения вместе составляют глобальную конструкцию карьерной адаптивности. Карьерная адаптивность, ее взаимосвязи с психосоциальными характеристиками, удовлетворенностью карьерой, а также воздействующие факторы активно исследуются учеными. Недавнее исследование было посвящено разработке короткой шкалы оценки карьерной адаптивности, в результате которой установлены следующие показатели для оценки: «Планирование того, как достичь моих целей», может служить оценкой Озабоченности,

«Поддержание оптимизма» – Контроля, «Исследование моего окружения» – Любопытства и «Решение проблем» – Уверенности [Wang, Liu, Li, 2024]. Это также подчеркивает важность адаптации и разработки диагностического и оценочного инструментария.

Одной из актуальных задач в профориентации является важность учета неопределенности, в том числе неопределенности внешнего мира и вероятностного характера развития рынка труда и прогнозирования актуальности профессий. Наша практическая работа в Центре профессионально-личностного консультирования направлена на поиск личных ресурсов человека, чтобы помочь ему справиться с неопределенностью и тревогой перед будущим выбором. Эта проблема актуальна и для научных исследований. Так, например, в недавней статье [Ху, 2024] автор рассматривает четыре механизма принятия карьерных решений, дифференцируя и сопоставляя два типа неопределенности: ситуационную и постоянную. Ситуационная неопределенность касается недостаточности знаний о вариантах карьеры и о себе, ее можно сократить путем сбора информации. Постоянная неопределенность заключается в неизбежности сохранения доли непредсказуемости будущего и важности принятия этого.

Результаты исследования. Теоретические и эмпирические научные исследования подтверждают значимость пяти трудностей в принятии карьерных решений: неготовность к выбору, тревожность и беспокойство о неправильно принятом решении, давление со стороны семьи и общества, недостаточность информации и неуверенность в возможностях трудоустройства; страх, что сделанный выбор уже нельзя будет изменить. Модель нерешительности Сюя и Бханга [Ху, Bhang, 2019] также включает пять основных параметров: общая тревожность; тревога приверженности, т.е. необходимость сделать выбор в пользу чего-то одного; информационный дефицит; недостаточная готовность к необходимости принятия решения; межличностные конфликты и разногласия со стороны значимых людей. Обоснованность выявленных трудностей позволяет в практической работе психолога-консультанта

применять инструменты, направленные на совладение с ними.

Мы также отмечаем, что на консультации по профориентации и профессиональному развитию обращаются люди и со специфическими особенностями здоровья, психического состояния или объективными ограничениями (различными психологическими и физиологическими особенностями), которые существенно влияют на принятие ими карьерных решений и интеграцию в профессиональную среду. Эти особенности могут влиять на повышение нерешительности, тревожности, снижение адаптации и самоэффективности, увеличение стресса и сложности в поддержании долгосрочного карьерного роста. Однако в традиционных системах профориентации часто отсутствуют специализированные мероприятия, учитывающие уникальные потребности этих групп населения. При этом профессиональная занятость для таких групп населения крайне важна. Это также является актуальной проблематикой для научных исследований. Так, в исследовании ветеранов с психическими расстройствами (ПТСР, депрессия), употреблением психоактивных веществ показана необходимость комплексных мер в области карьеры и психического здоровья. Вместо того чтобы рассматривать профориентацию как нечто второстепенное по отношению к лечению психического здоровья, авторы утверждают, что трудоустройство может быть ключевой частью их восстановления и благополучия. При этом некоторые виды профессиональной деятельности могут ухудшить психическое состояние, отсюда необходимость их дифференциального изучения как фактора влияния на благополучие человека. Наиболее оптимальным для трудоустройства является нахождение и обеспечение лично значимой работы, соответствующей интересам и предпочтениям человека, но именно определение значимости и предпочтений является той проблемой, которую возможно решать с помощью структурированного профориентационного консультирования и дополнительных программ инклюзивного трудоустройства [Stevenson et al., 2024].

Переход от обучения к профессиональной деятельности является важным этапом в жизни человека. В соответствии с клиническим подходом СПбГУ деятельность Центра профессионально-личностного консультирования, в частности, направлена на то, чтобы дать возможность студентам получить первый профессиональный опыт в психологическом консультировании. Студенты-стажеры пробуют себя в качестве психологов-консультантов в сфере профессионально-личностного самоопределения и под руководством наставников постигают профессию и преодолевают различные барьеры (модель ко-консультирования) [Шаболтас и др., 2024]. В этой связи практическую и теоретическую значимость имеют исследовательские работы, направленные на изучение методов работы с трудностями клиента, альянса и различных элементов консультативного процесса. Так, в работе Мило-Лапуэнт и Ле Корфф оценивались изменения в трудностях принятия решений клиентами о карьере в ходе консультаций, проводимых консультантами-стажерами [Milot-Lapointe, Le Corff, 2023]. Результаты этого исследования показали, что к улучшению результата приводила приверженность консультантов к соблюдению и последовательному применению методов консультирования. Пять компонентов консультативного воздействия подтвердили значимость: письменные упражнения, индивидуальная интерпретация и обратная связь, информирование, моделирование и поддержка. Также была показана связь личностных особенностей клиентов с достижениями результатов в преодолении карьерных трудностей. Рассматривался и рабочий альянс психолога с клиентом, однако исследователи пришли к результату, что сам альянс не был влияющим фактором, но был посредником между используемыми методами консультирования и его результатами. Это исследование подчеркивает значимость последовательного применения методов консультативного воздействия и учета факторов личности клиента для оптимизации эффективности консультирования по вопросам профессионального развития.

Центр профессионально-личностного консультирования в работе опирается на положения теории профессионального развития и профессиональных кризисов. Этот подход был разработан сотрудниками кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ и нашел отражение в ряде научных и научно-практических публикаций [Головей, Манукян, 2003; Головей и др., 2015]. В основе этих работ лежат научные положения таких выдающихся деятелей, как Б.Г. Ананьев, его ученики Е.Ф. Рыбалко, Н.А. Грищенко, Л.А. Головей и др., развивавших комплексный подход к изучению человека.

Теория профессиональных кризисов предполагает, что на протяжении своего профессионального развития человек проходит *нормативные профессиональные кризисы*, по Э.Ф. Зееру, это: кризис учебно-профессиональной ориентации; кризис ревизии и коррекции профессионального выбора; кризис профессиональных ожиданий; кризис профессионального роста; кризис профессиональной карьеры; кризис нереализованных возможностей (кризис социально-профессиональной самоактуализации); кризис ухода из профессиональной жизни; кризис социально-психологической адекватности (после ухода на пенсию) [Зеер, 2015].

В отечественной науке процесс профессионального развития человека принято рассматривать в связи с его индивидуальным развитием, личностными качествами, интересами, способностями, профессиональной мотивацией, самоопределением, выявлением требований, предъявляемых профессией к человеку, формированием профессиональных навыков, становлением профессионального сознания и самосознания [Головей, Манукян, Петраш, 2009]. Если происходит несоответствие между сложившимися свойствами, качествами личности и объективными требованиями профессиональной деятельности, возникают дезадаптация, кризисы, стагнация, конфликты [Зеер, 2003]. Большой вклад в исследование кризисов профессионального развития внесли Л.А. Головей, М.Д. Петраш, В.Р. Манукян. Они предлагают соотносить возрастные и профессиональные

кризисы в развитии. Их исследования позволили выявить специфику кризисных переживаний в профессиональной сфере у различных возрастных групп. В период профессиональных кризисов будут проявляться: «снижение удовлетворенности профессиональной деятельностью, отсутствует стремление к самореализации, уменьшаются резервные психофизиологические восстановительные возможности, снижается адекватность в межличностном общении; отмечается снижение эмоциональной устойчивости, увеличение тревожности, повышение показателей синдрома “эмоционального выгорания”, беспокойства, фиксированности на неудачах, социализации поведенческого контроля, возрастание чувства долга, снижение инициативности» [Цит. по: Головей, Манукян, Петраш, 2009, с. 35]. Исследование показало отличия среди «тридцатилетних» и «сорокалетних» в психологическом содержании кризиса, источнике, причине, специфике протекания характера новообразований, особенностях выхода на новый уровень. Эта работа позволяет выявить индивидуально-личностные ресурсы для преодоления кризиса. Обзор литературы по теме профессиональных кризисов показал, что отечественные исследователи опираются на эту концепцию в разрезе изучения специфики профессионализации в разных возрастных категориях, например студенты [Бузина, 2023], поздний возраст [Сыманюк и др., 2022], либо в исследованиях конкретных профессий: педагоги [Сыманюк и др., 2022], сотрудники органов внутренних дел [Ткаченко, 2022].

Опираясь на теорию о профессиональных кризисах, в процессе психологического консультирования мы можем информировать клиентов о том, что переживание состояния «я переживаю, кем мне быть», «я как будто уже не хочу как раньше, но не понимаю куда двигаться» – это определенный этап консультирования, валидации и нормализации, когда консультант подтверждает клиенту, что, действительно, это нормально в его ситуации переживать нечто подобное. Описать состояние, понять причины, найти альтернативы, справиться с уязвимостями, определить желаемое состояние. Даже простое

информирование о том, что такие кризисы возможны и нормативны, вызывает у клиентов отклик озарения и успокоения.

В иностранной литературе мы не находим подобного фокуса внимания на профессиональных кризисах человека в процессе его онтогенеза. Пожалуй, наиболее приближена к отечественной концепция развития взрослого человека «adult development» Д. Левинсона, также в своей основе полагающаяся на этапы возрастного развития Эриксона, но она не рассматривает конкретно профессиональное развитие [Levinson, 1986]. Наиболее влиятельной считается модель Д. Сьюпера о стадиях карьеры: исследование, становление, поддержание, завершение, но линейное движение может прерываться, происходит «переработка», и человек возвращается к задачам и проблемам развития более раннего этапа. Подобные процессы нелинейного карьерного движения, согласно нашим наблюдениям, лишь усиливаются в условиях современности, когда происходит переход от парадигмы «одна профессия на всю жизнь» к парадигмам «несколько профессий в течение жизни» и «несколько профессий одновременно». Исследователи С. Салливан и А. Арисс [Sullivan, Ariss, 2021] отмечают, что лишь немногие работы в причинах таких «переходов» видят личностный кризис, выход на плато, разочарование, выгорание, потребность иметь более значимую или менее стрессовую работу. В то время как в работах отечественных исследователей внутриличностные конфликты и субъективные переживания личности являются движущей силой для возникновения и разрешения кризисов профессионального развития.

В зарубежной научной литературе в фокусе внимания находится понятие *карьерный переход*, определяемое как период, в течение которого человек меняет роли (принимая на себя другую объективную роль) либо меняет ориентацию на уже занимаемую роль (изменяя субъективное состояние). Интерес к этому процессу возрос в связи с фактом того, что люди в современном мире все чаще совершают такой переход, то есть пересекают границы профессий,

отраслей, организаций, функциональных областей, рынков труда, в отличие от предыдущих поколений. Теоретическими основаниями для изучения смены карьеры могут быть представления о стадиях карьеры, исследования о принятии карьерных решений, адаптации, влиянии социума и взаимодействия с другими, личностных факторов и идентичности. Авторы метаобзора [Sullivan, Ariss, 2021] отошли от каталогизации типов карьерных переходов и моделей, как с ними справляться, в пользу выявления перспектив и направлений для будущих исследований карьерных переходов. Они выделили семь направлений: 1) необходимость целостного подхода, то есть учитывать взаимовлияние и взаимодополнение различных теоретических оснований, как опыт предыдущих смен работы влияет на принятие решения и адаптацию; 2) влияние роста непредвиденности и непредсказуемости, как события прошлого влияют на рабочую идентичность, репутацию, трудоустройство и рабочие отношения; 3) влияние изменения социальных норм; 4) исследование малоизученных демографических групп; 5) исследование влияния новых технологий на смену карьеры; 6) использование людьми технологий при смене работы; 7) изучение наиболее эффективных методов для развития.

Изменения происходят и в самом процессе профессиональной ориентации. Так, например, авторы С.А. Табар, С. Хади и С. Сабери [Tabar, Hadi, Saberi, 2023] предлагают изучить трансформационные подходы, необходимые в консультировании по вопросам карьеры, чтобы справиться с быстро меняющейся динамикой рабочей силы XX в. Они провели анализ новых тенденций в профориентации, направленных на выявление инновационных практик, которые смогут лучше подготовить людей к меняющемуся рынку труда. В исследовании подчеркивается возрастающая роль онлайн-служб консультирования по вопросам карьеры и профориентации на основе искусственного интеллекта и новых технологий. При этом профориентация должна стать более персонифицированной, учитывающей индивидуальные особенности, и целостной,

принимающей во внимание широкий контекст жизни человека, обучение и развитие на протяжении всей жизни. Авторы отмечают, что в современных исследованиях все большее внимание уделяется адаптации профориентации к индивидуальным устремлениям, опыту и эмоциональному благополучию. Такие вызовы приводят к необходимости изменений и самих консультантов, которые должны развивать новые компетенции, им стоит заменить жесткие модели профориентации более гибкими и интерактивными структурами. Авторы предсказывают рост популярности консультирования по вопросам карьеры, основанного на технологиях, включая оценку с помощью искусственного интеллекта и виртуальный карьерный коучинг, и призывают к интеграции психологических и психотерапевтических подходов в консультировании [Tabar, Hadi, Saberi, 2023].

На протяжении 20 лет консультанты Центра профессионально-личностного развития Психологической клиники СПбГУ провели несколько тысяч консультаций, было получено большое количество эмпирического материала и результатов тестирования, включающих, помимо анкетных данных, результаты использования методики Холланда на определение профессионального типа личности, многофакторной личностной методики Р. Кеттелла, методики «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В.А. Чикер [Методы..., 2023]. Планируя проведение эмпирического анализа данных, мы опираемся на свой консультативный опыт и актуальные научные разработки отечественных и зарубежных авторов, указывающих на изменения в карьерной мотивации, профессиональных ориентациях и даже взаимосвязи личностных черт с отдельными профессиональными интересами молодого поколения. Также мы можем наблюдать, как изменяются карьерные стратегии и профессиональные интересы у разных поколений. Научной и практической значимостью будут обладать эмпирические исследования, направленные на выявление связи социально-психологических особенностей личности с карьерной мотивацией и выбором карьерных стратегий, обоснование наиболее

эффективных консультационных решений. Мы предполагаем проанализировать эмпирические данные с целью сравнения разных возрастных групп, а также выделения факторов влияния на профессиональное развитие личности.

Выводы. Анализ влиятельных и актуальных научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, связанных с профориентационной деятельностью, а также наш собственный практический опыт позволили сделать следующие выводы.

1. Профессиональный выбор подростков может быть не единственным, взрослые люди все чаще сталкиваются с карьерными переходами, ответом науки становятся исследования неопределенности и адаптации.

2. Научно обоснованные трудности в принятии карьерных решений: неготовность к выбору, тревожность и беспокойство о неправильно принятом решении, давление со стороны семьи и общества, недостаточность информации и неуверенность в возможностях трудоустройства; страх, что сделанный выбор уже нельзя будет изменить. Консультанты по профессиональному самоопределению, помимо традиционных методов профориентации, должны учитывать социально-психологические особенности, включать в свою работу психологическую поддержку, работу с убеждениями и эмоциональной устойчивостью.

3. Изменения коснулись процесса консультирования по профессиональному самоопреде-

лению. Помимо внедрения новых технологий и искусственного интеллекта, специалисты должны иметь возможность оценивать результаты своей деятельности, расширять инструментарий, интегрировать в работу психологические и психотерапевтические практики, расширять спектр категорий граждан, которым оказывается консультирование.

4. Теоретической базой отечественной науки о профессиональном становлении является представление о кризисах и этапах профессионального развития в процессе онтогенеза. Западные исследователи изучают карьерные переходы, опираясь на положения о смене карьеры, принятии решения, адаптации, влиянии социума и личностных факторов. Вероятно, наилучшим решением будет интеграция различных теоретических оснований.

Заключение. Таким образом, современные проблемы профессиональной ориентации и психологического сопровождения профессионального развития побуждают нас учитывать как внешние изменения мира в целом и рынка труда в частности, так и внутренние изменения человека на протяжении его жизни, отвечая актуальным запросам его текущей ситуации. Поиск эффективных инструментов психологической помощи в сопровождении карьерного развития мотивирует нас искать ключевые маркеры и мишени карьерных процессов и, как следствие, разрабатывать актуальные подходы в практике консультативных вмешательств.

Библиографический список

1. Бузина Д.О. К вопросу о кризисах профессионального развития на этапе получения высшего профессионального образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 6. EDN: PNMCC.
2. Головей Л.А., Данилова М.В., Рыкман Л.В. и др. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование). СПб.: Нестор-История, 2015. 336 с. URL: <https://goo.su/qXHNvXw> (дата обращения: 19.02.2025).
3. Головей Л.А., Манукян В.Р. Психобиографическое изучение кризисов взрослого периода развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2003. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihobiograficheskoe-izuchenie-krizisov-vzroslogo-perioda-razvitiya> (дата обращения: 13.02.2025).
4. Головей Л. А., Манукян В.Р., Петраш М.Д. Соотношение возрастных и профессиональных кризисов в развитии взрослого человека // Акмеология. 2009. № 4 (32). С. 31–39. EDN: PINOUR.

5. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект, 2003. 336 с. URL: <https://goo.su/IFzkU>
6. Зеер Э.Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 194 с. EDN: WEKCSX.
7. Каракулова О.В., Буравлева О.В. Профориентация современных подростков: постановка проблемы // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2024. № 2 (68). С. 102–114. EDN: BRUQEU.
8. Методы и методология социально-психологических исследований: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Л.Г. Почебут. СПб.: Питер, 2023. 637 с.
9. Сыманюк Э.Э., Борисов Г.И., Печеркина А.А., Савельев В.В. Особенности кризиса утраты профессии у педагогов позднего возраста // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 4. С. 200–244. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-200-244. EDN: DRZLNU.
10. Ткаченко Л.Б. Планирование труда и отдыха как способ предотвращения кризиса профессионального развития сотрудников органов внутренних дел // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. матер. IV Международного симпозиума психологов. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 203–206. EDN: SRWXBV.
11. Шаболтас А.В., Костромина С.Н., Зиновьева Е.В. и др. Краткосрочное психологическое консультирование в психологической службе вуза: Опыт Психологической клиники СПбГУ. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2024.
12. Levinson, D.J. (1986). A conception of adult development. *American Psychologist*, 41 (1), 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.1.3>
13. Milot-Lapointe, F., & Le Corff, Y. (2023). Trajectories of change in career decision difficulties during a manualized individual career counseling intervention: The influence of counselor adherence, working alliance and client personality traits. *Journal of Career Assessment*, 31 (3), 607–628. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727221141983>
14. Stevenson, B.J., Chamberlin, E., Smith, C.M., Teravainen, T., Kathawalla, U.K., & Mueller, L. (2024). Mind the overlap: A qualitative exploration of the vocational lives of veterans living with mental health and substance use conditions. *Journal of Career Assessment*, 32 (1), 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727231164646>
15. Sullivan, S.E., & Ariss, A.A. (2021). Making sense of different perspectives on career transitions: A review and agenda for future research. *Human Resource Management Review*, 31 (1), 100727. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100727>
16. Super, D.E., & Knasel, E.G. (1981). Career development in adulthood: Some theoretical problems and a possible solution. *British Journal of Guidance and Counselling*, 9 (2), 194–201. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069888100760211>
17. Tabar, S.A., Hadi, S. & Saberi, S. (2023) Beyond traditional pathways: Innovations in career counseling for the 21st century. *KMAN Counseling & Psychology Nexus*, 1 (1), 151–158. URL: <https://journals.kmanpub.com/index.php/psychnexus/article/view/1835> (дата обращения: 10.02.2025).
18. Wang, Y., Liu, D., & Li, C. (2024). The super-short form of career adapt-abilities scale: Cross-cultural validation in China and the United Kingdom. *Journal of Career Assessment*, 32 (2), 383–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727231200255>
19. Xu, H. (2024). A longitudinal examination of four processual mechanisms in career decision making. *Journal of Career Assessment*, 32 (2), 305–320. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727231194051>
20. Xu, H., & Bhang, C.H. (2019). The structure and measurement of career indecision: A critical review. *The Career Development Quarterly*, 67 (1), 2–20. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cdq.12159> (дата обращения: 10.02.2025).

TOPICAL ISSUES OF PROFESSIONAL ORIENTATION AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF CHILDREN AND YOUTH

Y.V. Dubovskikh (Saint-Petersburg, Russia)

M.Yu. Leontieva (Saint-Petersburg, Russia)

V.A. Chiker (Saint-Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The importance and relevance of vocational guidance is confirmed by the order of the Ministry of Education and Science of Russia, issued in 2023 in order to assist students in professional self-determination taking into account the needs and opportunities and the socio-economic situation in the labour market. On the basis of practical experience, the authors of the article note that in modern conditions there are changes in the nature of professional self-determination (professional interests and motivations change, there are changes in value orientations). Thus, we see changes in the subject of vocational guidance. In addition, the world, including the world of professions, is becoming more uncertain and less predictable. Modern technologies and new challenges change the process of vocational counselling itself. Moreover, in a situation where the paradigm 'one profession for life' does not work, not only teenagers, but also adults till retirement age and beyond are turning to a career counsellor for help. The changing subject, world and process lead to the need to investigate the opportunities and threats to the professional formation, development and adaptation of the individual in socio-economic circumstances in order to overcome the present challenges.

The purpose of the article is to try to take a holistic view of the problems of vocational guidance activities, professional development, adaptation to the changes in the surrounding world, taking into account the socio-psychological component. On the basis of practical experience, it is necessary to identify the key problems of professional development, as well as to analyze the scientific literature on the search of scientifically based solutions to the problems.

The methodology of our theoretical research consists of the analysis, generalization and systematization of scientific research works of foreign and Russian scientists related to career guidance, professional development, adaptation to changes in the surrounding world, taking into account the socio-psychological component, and this determines the methods used: analysis, synthesis, generalization, systematization of scientific ideas and research on the problem of professional development.

Research results. The study shows how the features of development of the world, modern generation and the level of development of science and technology change the nature of problems under study and affect the process of professional and personal counselling. Modern career is a non-linear process including multiple career changes and the need for adaptation. Significant factors are anxiety and sensitivity to uncertainty, which requires the integration of psychological methods in career counselling. Digitalization and artificial intelligence have an impact on changing the process of career and personal counselling, however, an individual approach to each client is needed.

Conclusion. The article provides examples of recent scientific developments of Russian and foreign authors in the field of professional development, which may have practical application and indicate relevant directions for further research.

Keywords: *career guidance, professional and personal development, professional and personal counselling, career counselling, professional orientation.*

Dubovskikh, Yulia V. – PhD Candidate, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); SPIN code: 4468-8465; ORCID: 0009-0000-2075-2953; e-mail: dubovskikh@yandex.ru

Leontieva, Maria Yu. – Psychologist, Psychological Clinic of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: m_derbeneva@mail.ru

Chiker, Vera A. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); SPIN-code: 2422-9323; ORCID: 0000-0001-7444-6898; ScopusAuthor ID: 6506699277; e-mail: vchiker@yandex.ru

References

1. Buzina, D.O. (2023). On the issue of professional development crises at the stage of higher professional education. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Pedagogy and Psychology], 11 (6).

2. Golovey, L.A., Danilova, M.V., Rykman, L.V., Petrash, M.D., Manukyan, V.R., Leontyeva, M.Yu., & Aleksandrova, N.A. (2015). *Professionalnoe razvitie lichnosti: nachalo puti (empiricheskoe issledovanie)* [Professional personal development: the beginning of the path (empirical research)]. St. Petersburg. URL: <https://goo.su/qXHNvXw> (access date: 19.02.2025).
3. Golovey, L.A., & Manukyan, V.R. (2003). Psychobiographic study of adult developmental crises. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the St. Petersburg University. International Relations], 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihobiograficheskoe-izuchenie-krizisov-vzroslogo-perioda-razvitiya> (access date: 13.02.2025).
4. Golovey, L.A., Manukyan, V.R., & Petrash, M.D. (2009). The ratio of age and professional crises in adult development. *Akmeologiya* [Acmeology], 4 (32), 31–39.
5. Zeer, E.F. (2003). *Psikhologiya professiy: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Psychology of professions: A textbook for university students]. Moscow. URL: <https://goo.su/IFzkU>
6. Zeer, E.F. (2015). *Teoretiko-prikladnye osnovaniya psikhologii professionalnogo razvitiya* [Psychology of professions: A textbook for university students]. Ekaterinburgun-ta, 2015.
7. Karakulova, O.V., & Buravleva, O.V. (2024). Career guidance for modern teenagers: problem statement. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of KGPU named after V.P. Astafyev], 2 (68), 102–114.
8. *Metody i metodologiya sotsialno-psikhologicheskikh issledovaniy: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Methods and Methodology of Socio-Psychological Research: a textbook for university students] (2023). Edited by L.G. Pochebut et al. St. Petersburg.
9. Symanyuk, E.E., Borisov, G.I., Pecherkina, A.A., & Savelyev, V.V. (2022). Features of the profession loss crisis among late-age teachers. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 24 (4), 200–244. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-200-244. EDN: DRZLNU.
10. Tkachenko, L.B. (2022, August 7 – April 8). Work and leisure planning as a way to prevent a crisis in the professional development of law enforcement officers. In: *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya* [Psychology of the 21st century: challenges, searches, development vectors] (pp. 203–206). The 4th International Symposium of Psychologists. Ryazan.
11. Shaboltas, A.V., Kostromina, S.N., Zinov'yeva, E.V., Grandilevskaya, I.V., Krasko, E.L., Leontyeva, M.Yu., Kazantseva, T.V., Iskra, N.N., Kuznetsova, E.A., Avanesyan, M.O., Zhegurova, O.A., Zemtsov Yu.N., & Aleksanyan, Z.Z. (2024). *Kratkosrochnoe psikhologicheskoe konsultirovanie v psikhologicheskoy sluzhbe vuza: Opyt Psikhologicheskoy kliniki SPbGU* [Short-term psychological counseling in the psychological service of the university: The experience of the Psychological Clinic of St. Petersburg State University]. St. Petersburg.
12. Levinson, D.J. (1986). A conception of adult development. *American Psychologist*, 41 (1), 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.1.3>
13. Milot-Lapointe, F., & Le Corff, Y. (2023). Trajectories of change in career decision difficulties during a manualized individual career counseling intervention: The influence of counselor adherence, working alliance and client personality traits. *Journal of Career Assessment*, 31 (3), 607–628. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727221141983>
14. Stevenson, B.J., Chamberlin, E., Smith, C.M., Teravainen, T., Kathawalla, U.K., & Mueller, L. (2024). Mind the overlap: A qualitative exploration of the vocational lives of veterans living with mental health and substance use conditions. *Journal of Career Assessment*, 32 (1), 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727231164646>
15. Sullivan, S.E., & Ariss, A.A. (2021). Making sense of different perspectives on career transitions: A review and agenda for future research. *Human Resource Management Review*, 31 (1), 100727. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100727>

16. Super, D.E., & Knasel, E.G. (1981). Career development in adulthood: Some theoretical problems and a possible solution. *British Journal of Guidance and Counselling*, 9 (2), 194–201. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069888100760211>
17. Tabar, S.A., Hadi, S. & Saberi, S. (2023) Beyond traditional pathways: Innovations in career counseling for the 21st century. *KMAN Counseling & Psychology Nexus*, 1 (1), 151–158. URL: <https://journals.kmanpub.com/index.php/psychnexus/article/view/1835>
18. Wang, Y., Liu, D., & Li, C. (2024). The super-short form of career adapt-abilities scale: Cross-cultural validation in China and the United Kingdom. *Journal of Career Assessment*, 32 (2), 383–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/10690727231200255>
19. Xu, H. (2024). A longitudinal examination of four processual mechanisms in career decision making. *Journal of Career Assessment*, 32 (2), 305–320. URL: <https://doi.org/10.1177/10690727231194051> (access date: 10.02.2025).
20. Xu, H., & Bhang, C.H. (2019). The structure and measurement of career indecision: A critical review. *The Career Development Quarterly*, 67 (1), 2–20. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cdq.12159> (access date: 10.02.2025).

УДК 81'373.45

КАЛЬКИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.В. Колесова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Транскультурная литература, сформировавшаяся на современном этапе в результате роста языкового и культурного взаимодействия между странами, включает литературные произведения, в которых авторы, как правило, пишут на неродном языке, используют несколько языков или комбинируют элементы разных языков. Данный подход подчеркивает текучесть и взаимодействие языков, отражает разнообразный языковой опыт писателей, особенно в контекстах, отмеченных миграцией и культурным обменом. Анализ текстов современных транслингвальных авторов Ани Улинич, Эллен Литман, Саны Красиковой, написанных на английском языке в период эмиграции, обнаруживает влияние русского языка и русской культуры, что проявляется в языковом отношении в использовании калек, прямых переводов устойчивых словосочетаний из родного языка на английский язык.

Цель данного исследования – рассмотреть процесс калькирования в англоязычном творчестве писателей-эмигрантов А. Улинич, Э. Литман, С. Красиковой и проанализировать их использование в тексте с точки зрения взаимодействия языков и социокультурного пространства.

Методология и методы. В работе были использованы сопоставительный, описательный методы при изучении функционирования языковых единиц, контекстуально-семантический и контекстуально-стилистический методы.

Обзор научной литературы по проблеме. Вопросы языкового взаимодействия и транскультурного творчества современных писателей получают широкое освещение в филологических исследованиях. Однако тексты современных российско-американских писателей А. Улинич, Э. Литман, С. Красиковой остаются недостаточно изученными с точки зрения языковых особенностей.

Результаты исследования. Анализа текстов А. Улинич, Э. Литман, С. Красиковой обнаруживает значительное влияние русскокультурного контекста, что проявляется в использовании заимствованных языковых единиц, и в частности в употреблении калькированных переводов с родного языка. Калькированные выражения в текстах писателей-эмигрантов выполняют самые разнообразные функции: показывают авторские эксперименты со словом, отражают индивидуальный стиль и позволяют более полно выразить собственную идентичность и опыт, передать мультикультурный контекст и культурные различия.

Заключение. Проведенный анализ показал, что кальки служат для писателей-эмигрантов своеобразным средством сохранения культурного наследия при адаптации к новым условиям жизни. Они позволяют более детально охарактеризовать персонажей в мультикультурных условиях, подчеркивают культурную мобильность в современном литературном мире.

Ключевые слова: транслингвальная парадигма, современные российско-американские писатели, транскультуральное творчество, лингвокультурные особенности, калькирование.

Колесова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4437-4381>; e-mail: nkoles8@inbox.ru

Постановка проблемы. На современном этапе в условиях роста языкового и культурного взаимодействия и взаимовлияния широкое распространение получила транслингвальная литература, созданная на неродном для авторов языке. Современные рос-

сийско-американские писатели сохраняют в своих произведениях влияние русского языка и культуры.

Цель статьи. Целью данного исследования является анализ использования калек с русского языка в англоязычных текстах современных

писателей-эмигрантов А. Улинич, Э. Литман, С. Красиковой с точки зрения взаимодействия языков и социокультурного пространства.

Методы исследования: сопоставительный, описательный, контекстуально-семантический и контекстуально-стилистический.

Обзор научной литературы по проблеме. В современных лингвистических исследованиях, наряду с термином «транслингвальная литература» [Юзефович, 2011; Хугаев, 2011; Прошина, 2024], продуктивно используются термины «этническая литература на иностранном (английском) языке» [Пак, 2021], «контактная литература» [Качру, 2010], «инокультурная литература» [Кабакчи, 2011].

Понятие транслингвальной литературы является достаточно широко изученным. Существует большое количество работ относительно проблем языковых контактов [Appel, Muysken, 2005; Verschik, 2017], транслингвизма и транскультурности [Klooss, 1998; Kellman, 2005; Хугаев, 2011; Dagnino, 2012; Nordin, Hansen, Lena, 2013; Бахтикиреева, Валикова, 2017; Hansen, 2018], культурных и языковых особенностей транслингвальной литературы [Хугаев, 2010; Юзефович, 2011; Лебедева, 2016; Jones, Preese, Rees, 2020; Тодорова, 2021], ее прикладного значения [Прошина, 2017; Валикова, Демченко, 2020], изучения данного феномена в контексте творчества отдельных авторов [King, Connell, White, 1995; Clyne, 2003; Лебедева, 2015; Кулиева, 2019; Колесова, 2023].

Выходя за рамки одноязычных произведений, тексты, созданные писателями-транслингвами, позволяющие авторам выражать себя на нескольких языках или на втором языке, приобретенном позже в жизни. Это контрастирует с традиционным многоязычием, которое часто предполагает одновременное использование нескольких языков, но не обязательно подразумевает смену основного языка письменности [Маркова, Тодорова, 2017]. Транслингвальная литература, как правило, возникает из опыта писателей, которые хорошо ориентируются в различных культурах. Она отражает их идентичность и жизненные знания, сформированные

миграцией, глобализацией и культурной гибридностью, подчеркивает мультиязычные и мультикультурные реальности современного мира и предоставляет богатый материал для лингвокультурологических исследований в плане изучения контактов языков и культур.

В этой связи особый интерес представляет творчество современных писателей-эмигрантов, создающих свои произведения на неродном языке. Исследователи называют их произведения «англоязычными по форме, но русскими по ментальности» [Пак, 2021]. В данной статье в качестве материала исследования были использованы тексты Ани Улинич, Эллен Литман, Саны Красиковой, написанные на английском языке, но сохранившие влияние русского языка и культуры.

После переезда в Соединенные Штаты эти авторы столкнулись с новой культурной средой, которая существенно повлияла на их мировоззрение. Влияние английского языка, культуры и окружения побудило их обратиться в своем творчестве к английскому языку, что дало возможность показывать культурную напряженность между русским наследием и опытом жизни в Америке, размышлять о таких проблемах, как национально-культурная идентичность, эмиграция и культурное влияние.

Анализируя творчество данных авторов, можно утверждать, что их решение писать на английском языке связано с желанием адаптироваться в культурном плане, исследовать возможности личностного роста, познакомиться с новыми литературными влияниями и четко определить свою культурную идентичность. Безусловно, выбор английского языка для творчества существенно обогащает повествование, позволяет детально исследовать культурные пересечения и личный опыт.

В то же время англоязычные тексты, созданные писателями-эмигрантами, сохранили влияние русского языка и русской культуры, что проявляется в выборе тематики, стиля и общего литературного выражения. В языковом отношении влияние родного языка наиболее ярко наблюдается в использовании разного рода

заимствований, одним из наиболее ярких примеров которых является калькирование – использование буквального перевода выражений на английский язык по образцу родного языка, где при формальном соблюдении лексико-грамматических норм принимающего языка отчетливо ощущается влияние русского языка и культуры. Калькирование в текстах на английском языке обусловлено их прагматической направленностью и детерминировано тематикой и описываемой социально-коммуникативной ситуацией. Используя в текстах элементы родного языка, авторы воспроизводят картины российского общества и культуры. Кроме того, кальки часто привносят юмор или иронию в повествование, характеризуют персонажей, прибегающих к неуклюжим переводам и формулировкам.

Так, например, в текстах писателей-эмигрантов, активное употребление получают калькированные переводы фразеологических единиц. Традиционно фразеологические выражения обладают ярко выраженной экспрессивной окраской и внутренней целостностью [Аюпова, 2009]. В большинстве случаев фразеологизмы характеризуются относительно свободной сочетаемостью, неперевоидимостью и культурной обусловленностью [Алефиренко, 2010], а дословный перевод таких выражений остается непонятным для носителя языка. Однако авторы-эмигранты экспериментируют с языковыми знаками и переводят фразеологизмы на английский язык, сохраняя оригинальную структуру родного языка и передавая культурные нюансы.

Вот несколько примеров: “... three consecutive violin instructors declared Sasha profoundly tone deaf and musically uneducable. „A bear stepped on her ear“, Mrs. Goldberg complained to the neighbours and Sasha thought about the weight of the bear and whether in stepping on her ear the animal would also destroy her head by cracking it like a walnut”¹. В контексте романа калькированный перевод русской

¹ Ulinich, A. Petropolis. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=6Jtd4BTZ-KAC&oi=fnd&pg=PT173&dq=petropolis&ots=nmHZ8R3JI2&sig=GBmvNrdCycNliQZkQXtbICVqhW0&redir_esc=y#v=onepage&q=petropolis&f=false (access date: 05.01.2025).

идиомы «медведь наступил на ухо» используется с юмором для описания отсутствия у главной героини романа Саши музыкальных способностей и попыток ребенка понять идиому буквально, представляя вес медведя и возможные последствия. Калькирование в данном случае усиливает юмористический эффект и подчеркивает культурные корни.

“His father’s legs became thin as noodles as he did a split across the roofs of many apartment blocks. One leg here, another there, Raya said”². Пример представляет собой буквальный перевод русскоязычного фразеологического выражения «одна нога здесь, другая там», означающего очень быстрые, незамедлительные действия, особенно, если нужно куда-то сходить или бежать. Виктор, будучи ребенком, слышал это выражение и воспринимал его буквально, представляя своего отца, у которого вытягивались ноги, когда он носился между домами. Прямой перевод русской идиомы делает изображение более ярким и потенциально юмористическим для англоязычного читателя из-за его необычной формулировки, усиливает визуальную обрисовку описания.

“District 7 is all the way up the devil’s horns”. Эта фраза служит калькой с русской идиомы «у черта на рогах», которая передает идею нахождения в отдаленном или нежелательном месте. Дословный перевод идиомы и культурные отсылки подчеркивают отдаленность района проживания персонажей от центра и характеризуют просторы страны.

“Did she ever get a thank-you from Kat? Nope. Not once, no ma’am. Nothing but spite and mess and tattling to her parents. Well, let her go off to school then. „Good luck and road like a tablecloth“. „Same to you“, said Kat”². Фразеологический оборот «скатертью дорожка» актуализирует сарказм и недовольство бабушки Зои Моисеевны заботой о внучке. Выражение совершенно чуждо английскому контексту и в данной ситуации показывает, что автор опирался на русские культурные отсылки, чтобы обогатить описание.

² Litman, E. (2014). *Mannequin Girl: a novel*. First Edition. 352 p.

Рассмотренные фразеологические кальки характерны для описания российской действительности и быта и не имеют аналогов в английском языке, поэтому в большинстве случаев сопровождаются контекстуальными пояснениями или комментариями. Переводы русских идиом, как правило, добавляют образности и яркости описаниям, передают более глубокие значения и культурные нюансы.

Другую группу калькированных выражений образуют переводы устойчивых выражений, речевых клише, штампов, характерных для русскоязычной действительности:

“Pull yourself up by your own hair. Sasha imagines, like Baron Munchhausen”³. В этом примере представлена калька «вытянуть себя за волосы», актуализирующая аллюзию на известного персонажа Барона Мюнхгаузена, который вытащил сам себя за волосы из болота. Использование кальки подчеркивает иронию ситуации, Саша высмеивает себя за отчаянные попытки выбраться из «болота», сделать что-то невозможное, изменить ситуацию.

Данные кальки сохраняют элементы русской идентичности персонажей романов, одновременно знакомя читателя с культурными столкновениями, которые они испытывают как иммигранты. Включив эти лингвистические особенности, авторы обогащают повествование новыми слоями смысла, калькирование при этом становится мощным инструментом для иллюстрации того, как язык формирует личную и культурную идентичность в мультикультурном контексте.

“Look at him! Skin and bones. He has lost ten kilos and his socks are full of holes”⁴. Русскоязычное устойчивое выражение «кожа да кости» дано в прямом переводе в реплике Зои Моисеевны для описания чрезвычайной худобы и изможденности сына. Сочетание калькированного выражения с физическими характеристиками

и дополнительными деталями создает яркую и образную картину человека, испытывающего голод и лишения, однако контекст помогает читателю понять иронию: свекровь использует преувеличения в описании внешнего вида сына, чтобы в очередной раз досадить невестке.

“He’d sprung his new lover on Anechka like a sudden snow on her head. The girl had been completely unprepared”⁵. Перевод русскоязычной идиомы «как снег на голову» добавляет культурные нюансы тексту и передает чувство удивления и неподготовленности.

Данные примеры иллюстрируют употребление калек не только для сохранения аутентичности русского наследия персонажей, но и для того, чтобы читатели лучше понимали их культурное происхождение и сложности иммигрантского опыта. Интегрируя эти лингвистические элементы, авторы эффективно устраняют разрыв между русской и американской культурой, обогащая повествование смысловыми слоями, связанными с идентичностью и принадлежностью своих персонажей.

“To this end I immediately joined several „hobby circles“ – an art club sponsored by our teacher and a „young technicians“ club for kids interested in learning to”⁵. Русское выражение «кружок», означающее группу людей, объединенных общими интересами и регулярной совместной деятельностью на основе этих интересов, обычно переводится на английский как ‘club’, ‘group’, однако автор предпочитает более приближенный к русскому языку вариант, который далее семантизируется в контекстуальном окружении.

В рассмотренных примерах прямые переводы фраз или идиом с русского на английский использованы для эффективной передачи культурных различий и нюансов, что существенно обогащает повествование и служит напоминанием о русских корнях авторов и сложностях принадлежности к обеим культурам. Интегрируя кальки в художественное повествование, авторы-эмигранты наводят мост между русской

³ Ulinich, A. (2008). *Petropolis*. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=6Jtd4BTZ-KAC&oi=fnd&pg=PT173&dq=petropolis&ots=nmHZ8R3J12&sig=GBmvNrdCycNLIQZkQXtbICVqhW0&redir_esc=y#v=onepage&q=petropolis&f=false (access date: 05.01.2025).

⁴ Litman, E. (2014). *Mannequin Girl: a novel*. First Edition. 352 p.

⁵ Krasikov, S. (2017). *The Patriots*. URL: [https://oceanofpdf.com/authors/sana-krasikov/pdf-epub-the-patriots-by-sana-krasikov-download-97585693774/\(access date: 05.01.2025\)](https://oceanofpdf.com/authors/sana-krasikov/pdf-epub-the-patriots-by-sana-krasikov-download-97585693774/(access%20date%3A05.01.2025)).

и американской культурами, приглашая читателей ознакомиться с многообразными точками зрения. Такой подход способствует более глубокому пониманию их иммигрантского опыта, подчеркивает трудности и преимущества, связанные с освоением различных культурных ценностей.

В заключение можно отметить, что использование авторами-эмигрантами калькированных

выражений служит важным инструментом для передачи культурных различий, сохранения индивидуальности персонажей и обогащения повествования юмором, эмоциональной глубиной и социальными комментариями. Рассмотренный языковой выбор эффективно иллюстрирует особенности и сложности адаптации в мультикультурном контексте.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта. 2010. 224 с. URL: <http://lib.tiet.uz/file/20220820060216.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).
2. Аюпова Р.А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц (на материале английского, русского и татарского языков). Казань. 2009. 46 с. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/referat/090422_8.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
3. Бахтикиреева У. М., Валикова О.А. Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14, № 1. С. 18–23. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29036432_77138497.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
4. Валикова О. А., Демченко А. С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17, № 3. С. 352–362. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnyy-hudozhestvennyy-tekst-problemy-voSPIriatiya/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).
5. Кабакчи В.В. «Инокультурная литература» как объект лингвистического исследования // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2011. № XX. С. 212–221.
6. Качру Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, № 1. С. 175–196.
7. Колесова Н.В. Транскультурные особенности в романе Ани Улинич «Petropolis» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2023. № 2 (64). С. 104–112. URL: <https://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/498> (дата обращения: 05.05.2024) (дата обращения: 05.01.2025).
8. Кулиева Ш. А. Изучение транслингвального художественного текста в поликультурной аудитории // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 4. С. 637–643. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-translingvalnogo-hudozhestvennogo-teksta-v-polikulturnoy-auditorii/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).
9. Лебедева Е.С. Культурная идентичность в транслингвальной литературе // Коммуникации в мультикультурном обществе. 2016. С. 54–57.
10. Лебедева Е.С. Транслингвальная литература и билингвизм (на примере романов Ольги Грушиной) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2015. С. 455–458. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29135627_16524178.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
11. Маркова Е.А., Тодорова И.Д. Транслингвальная литература как источник лингвистической витальности русского и английского языков // Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 18–24. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29782902_43046548.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
12. Пак С.М. Заимствования как аспект культурно-языкового переноса в контактной литературе на английском языке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18, № 1. С. 176–181. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/606167155.pdf#page=176> (дата обращения: 05.01.2025).

13. Прошина З.Г. Транслингвальная литература русских англоязычных писателей // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2024. Т. 6, № 1. С. 20–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnaya-literatura-russkih-angloyazychnyh-pisateley/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).
14. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14, № 2. С. 155–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-ego-prikladnoe-znachenie/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).
15. Тодорова И.Д. Жизнеспособность русского языка сквозь призму транслингвальной литературы // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 33–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44930965> (дата обращения: 05.01.2025).
16. Хугаев И.С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Отечественная филология. 2010. № 1. С. 168–178.
17. Хугаев И.С. О критериях и границах национальной транслингвальной литературы // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты. 2011. С. 132–136. URL: <https://istina.msu.ru/media/publications/article/cd3/9cd/31977574/Ruskojazychie.pdf#page=132> (дата обращения: 05.01.2025).
18. Юзевфевич Н. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: постановка проблемы // Limbaj și context. Revista internațională de lingvistică, semiotică și știință literară. 2011. № 2. С. 235–244. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/Inolingvoculturnii%20substrat%20v%20translingvalinoi%20literature_postanovca%20problemi.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
19. Appel, R., & Muysken, P. (2005). *Language contact and bilingualism*. Amsterdam University Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=0Em6D7YAsKYC&oi=fnd&pg=IA2&dq=language+contacts&ots=cnKPiQV6FL&sig=Ucg2Nkf0cWHs0F6ZxdM_RDMMr0w&redir_esc=y#v=onepage&q=language%20contacts&f=false (access date: 05.01.2025).
20. Clyne, M.G. (2003). *Dynamics of language contact: English and immigrant languages*. Cambridge University Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=_zQng7Kt7woC&oi=fnd&pg=PR7&dq=language+contacts&ots=mso67MnNR6&sig=qoAq9ru8f4NICAeXOYdaeDi91FA&redir_esc=y#v=onepage&q=language%20contacts&f=false (access date: 05.01.2025).
21. Dagnino, A. (2012). Transculturalism and transcultural literature in the 21st century. *Transcultural Studies*, 8 (1), 1–14. URL: https://brill.com/view/journals/ts/8/1/article-p1_1.xml (access date: 05.01.2025).
22. Hansen, J. (2018). Introduction: Translingualism and transculturality in Russian contexts of translation. *Translation Studies*, 2, 113–121. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14781700.2018.1434087> (access date: 05.01.2025).
23. Jones, K., Preece, J., & Rees, A. (2020). *International perspectives on multilingual literatures: From translingualism to language mixing*. Cambridge Scholars Publishing. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=sjAKEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR5&dq=literary+translingualism&ots=6lkv7OEHuP&sig=LeEFAjCVRSlq3zTnxpypUlszdg&redir_esc=y#v=onepage&q=literary%20translingualism&f=false (access date: 05.01.2025).
24. Kellman, S.G. (2005). Does literary translingualism matter? *Women in German Yearbook*, 21, 109–118. URL: https://muse.jhu.edu/pub/60/oa_monograph/chapter/2654409 (access date: 05.01.2025).
25. King, R., Connell, J., & White, P.E. (1995). *Writing across worlds: literature and migration*. Psychology Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=XOmZay2xIMUC&oi=fnd&pg=PR7&dq=emigrant+writers&ots=2CIR-neGQe&sig=hinExD0lxH_A0QwAmmWpZbURMk8&redir_esc=y#v=onepage&q=emigrant%20writers&f=false (access date: 05.01.2025).

26. Klooss, W. (1998). *Across the lines: Intertextuality and transcultural communication in the New Literatures in English*. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=QDVbxAyO8yMC&oi=fnd&pg=PP11&dq=transcultural+literature&ots=xVgdUsCgaN&sig=uGey8LxoqGiTMPIVEJSeHPRN7kQ&redir_esc=y#v=onepage&q=transcultural%20literature&f=false (access date: 05.01.2025).
27. Nordin, I.G., Hansen, J., & Llena, C.Z. (2013). Transcultural identities in contemporary literature. *Rodopi*. Vol. 167. 273 p. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=tWUgAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=transcultural+literature&ots=kK_ftryJpp&sig=KC4XuW2sFh16sxbYkyXM 5ISftU&redir_esc=y#v=onepage&q=transcultural%20literature&f=false (access date: 05.01.2025).
28. Verschik, A. (2017). Language contact, language awareness, and multilingualism. *Language awareness and multilingualism, 1*, 1–13. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/51357440/Contact__Multilingualism_Awareness-libre.pdf?1484454341=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DLanguage_Contact_Language_Awareness_and.pdf&Expires=1738767880&Signature=NpGKmFGqMLnFpXYhmjc0PeKbPZnNgYYlqITATOX-v9fpPB66wla-wprfQl~2YCFZ1f0LxDUG6ePt-VPLMNInFyltRqUM8fjhXOP8lqF~FYgOnwrteyLVoe32A-aISDAp1Rd6k7gKy0ySd1US5QzUY4x-6UlkGeYBeH2sMGY5N28qy8SF34MxVLh2JMJAW9Zi5RUCyrqBsBWjWNKX9ruUqgxngHFV9S5I-UPhu8J55XGFYJvgNn7f~mPIgVGSDlwBT~OFV8YtXsf7xulLeuPNUHjWYyR3gCiLaTRYytX-BA71gDnD~v6BqYkomkf4XPCuPQVfow9cVkk-RIWmJk0Pula__&Key-Pair-Id=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (access date: 05.01.2025).

CALQUING IN THE TEXTS OF CONTEMPORARY RUSSIAN-SPEAKING AMERICAN WRITERS AS A RESULT OF CULTURAL INTERACTION

N.V. Kolesova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Transcultural literature, which has emerged at the present stage as a result of the growth of linguistic and cultural interaction between countries, includes literary works, in which authors, as a rule, write in a non-native language, using several languages or combining elements of different languages. This approach emphasizes the fluidity and interaction of languages, reflects the diverse linguistic experience of writers, especially in the contexts marked by migration and cultural exchange. The analysis of the texts by contemporary translingual authors Anya Ulinich, Ellen Litman, Sana Krasikov, written in English during the period of emigration, reveals the influence of the Russian language and Russian culture, one of the manifestations of which in linguistic terms is the use of calques, direct translations of set phrases from the native language into English.

The purpose of this study is to consider the use of Russian-language calques in the English-language works of emigrant writers A. Ulinich, E. Litman, S. Krasikov and to analyze their use from the point of interaction of languages and socio-cultural space.

Methodology and methods. The work used such methods as the comparative method, the descriptive method in studying the functioning of linguistic units, the contextual-semantic and contextual-stylistic methods.

Review of scientific literature on the problem. The issues of linguistic interaction and transcultural creativity of modern writers are widely covered in philological studies nowadays. However, the texts of modern Russian-American writers A. Ulinich, E. Litman, S. Krasikov are insufficiently studied in terms of their linguistic features.

Research results. The analysis of texts by A. Ulinich, E. Litman, and S. Krasikov reveals a significant influence of Russian cultural context, which is manifested in the use of borrowed language units and, in particular, in the use of calqued translations from the native language. Calqued expressions in the texts of emigrant writers perform a variety of functions, show the authors' experiments with words, reflect individual style and help the authors to express their own identity and experience, convey a multicultural context and cultural differences.

Conclusion. The conducted analysis showed that calques in the texts by emigrant writers are used as a means of preserving cultural heritage when adapting to new living conditions. They are used to describe characters in more detail, show multicultural conditions, emphasize cultural mobility in the modern literary world.

Keywords: *translingual paradigm, modern Russian-American writers, transcultural creativity, linguacultural features, calques.*

Kolesova, Natalya V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4437-4381>; e-mail: nkoles8@inbox.ru

References

1. Alefirenko, N.F. (2010). *Lingvoculturology: value-semantic space of language*. Moscow. URL: <http://lib.tiet.uz/file/20220820060216.pdf> (access date: 05.01.2025).
2. Ayupova, R.A. (2009). *Problems of lexicographic description of phraseological units (based on the English, Russian and Tatar languages)*. PhD Thesis Summary. Kazan. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/referat/090422_8.pdf (access date: 05.01.2025).
3. Bakhtikireeva, U.M., & Valikova, O.A. (2017). The origins of translingual Russian-language literature. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and Humanitarian Sciences in the Far East], 1, 18–23. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29036432_77138497.pdf (access date: 05.01.2025).
4. Valikova, O.A., & Demchenko, A.S. (2020). Translingual fiction text: problems of perception. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [Multilingualism and Transcultural Practices], 3, 352–362. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnyy-hudozhestvennyy-tekst-problemy-vospriyatiya/viewer> (access date: 05.01.2025).

5. Kabakchi, V.V. (2011). 'Foreign culture literature' as an object of linguistic research. *Studia Linguistica*, XX, 212–221.
6. Kachru, B. (2010). Models of variants of the English language that is not native to its users. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 1, 175–196.
7. Kolesova, N.V. (2023). Transcultural features in Anya Ulinich's novel *Retropolis*. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev], 2 (64), 104–112. URL: <https://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/498> (access date: 05.01.2025).
8. Kulieva, Sh.A. (2019). Study of translingual fiction in a multicultural audience. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [Multilingualism and Transcultural Practices], 4, 637–643. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-translingvalnogo-hudozhestvennogo-teksta-v-polikulturnoy-auditorii> (access date: 05.01.2025).
9. Lebedeva, E.S. (2016). Cultural identity in translingual literature. In: *Kommunikatsii v multikulturnom obshchestve* [Communications in a multicultural society] (pp. 54–57). Moscow.
10. Lebedeva, E.S. (2015). Translingual literature and bilingualism (based on Olga Grushina's novels). In: *Ya-zyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication] (pp. 455–458). Moscow. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29135627_16524178.pdf (access date: 05.01.2025).
11. Markova, E.A., & Todorova, I.D. (2017). Translingual literature as a source of linguistic vitality of Russian and English languages. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian Studies], 2, 18–24. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29782902_43046548.pdf (access date: 05.01.2025).
12. Pak, S.M. (2021). Borrowings as an aspect of cultural and linguistic transfer in contact literature in English. *Sotsialnye i humanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and Humanitarian Sciences in the Far East], 1, 76–181. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/606167155.pdf#page=176> (access date: 05.01.2025).
13. Proshina, Z.G. (2024). Translingual literature of Russian English-language writers. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe humanitarnoe znanie*. [Language Studies and Modern Humanitarian Knowledge], 1, 20–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnaya-literatura-russkih-angloyazychnyh-pisateley/viewer> (access date: 05.01.2025).
14. Proshina, Z.G. (2017). Translingualism and its applied significance. *Mnogoyazychie i transkulturnaya praktika* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2, 155–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-ego-prikladnoe-znachenie/viewer> (access date: 05.01.2025).
15. Todorova, I.D. (2021). Viability of the Russian language through the prism of translingual literature. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik* [International Postgraduate Bulletin. Russian Language Abroad], 1, 33–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44930965> (access date: 05.01.2025).
16. Khugayev, I.S. (2010). On the problem of ethnocultural identity of the translingual text (ethnic substrate of literary Ossetian Russian-speaking). *Otechestvennaya filologiya* [Domestic Philology], 1, 168–178.
17. Khugayev, I.S. (2011). On the criteria and boundaries of national translingual literature. In: *Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkulturnoy kommunikatsii XXI veka: kognitivno-kontseptualnye aspekty* [Russian language and bi (poly) linguism in intercultural communication of the 21st century: cognitive and conceptual aspects] (pp. 132–136). Pyatigorsk. URL: <https://istina.msu.ru/media/publications/article/cd3/9cd/31977574/Russkoyazychie.pdf#page=132> (access date: 05.01.2025).
18. Yuzefovich, N. (2011). Foreign cultural substrate in translingual literature: statement of the problem. *Limbaș și context. Revista internațională de lingvistică, semiotică și știință literară*, 2, 235–244. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/Inolingviculturnii%20substrat%20v%20translingvalinoi%20literature_postanovca%20problemi.pdf (access date: 05.01.2025).

19. Appel, R., & Muysken, P. (2005). *Language contact and bilingualism*. Amsterdam University Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=0Em6D7YAsKYC&oi=fnd&pg=IA2&dq=language+contacts&ots=cnKPIqV6FL&sig=Ucg2Nkf0cWHs0F6ZxdM_RDMMr0w&redir_esc=y#v=onepage&q=language%20contacts&f=false (access date: 05.01.2025).
20. Clyne, M.G. (2003). *Dynamics of language contact: English and immigrant languages*. Cambridge University Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=_zQng7Kt7woC&oi=fnd&pg=PR7&dq=language+contacts&ots=mso67MnNR6&sig=qoAq9ru8f4NICAeXOYdaeDi91FA&redir_esc=y#v=onepage&q=language%20contacts&f=false (access date: 05.01.2025).
21. Dagnino, A. (2012). Transculturalism and transcultural literature in the 21st century. *Transcultural Studies*, 8 (1), 1–14. URL: https://brill.com/view/journals/ts/8/1/article-p1_1.xml (access date: 05.01.2025).
22. Hansen, J. (2018). Introduction: Translingualism and transculturality in Russian contexts of translation. *Translation Studies*, 2, 113–121. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14781700.2018.1434087> (access date: 05.01.2025).
23. Jones, K., Preece, J., & Rees, A. (2020). *International perspectives on multilingual literatures: From translingualism to language mixing*. Cambridge Scholars Publishing. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=sjAKEAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR5&dq=literary+translingualism&ots=6lkv7OEHuP&sig=LeEFAjCVRSQLq3zTnxpypUlszdg&redir_esc=y#v=onepage&q=literary%20translingualism&f=false (access date: 05.01.2025).
24. Kellman, S.G. (2005). Does literary translingualism matter? *Women in German Yearbook*, 21, 109–118. URL: https://muse.jhu.edu/pub/60/oa_monograph/chapter/2654409 (access date: 05.01.2025).
25. King, R., Connell, J., & White, P.E. (1995). *Writing across worlds: literature and migration*. Psychology Press. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=XOmZay2xIMUC&oi=fnd&pg=PR7&dq=emigrant+writers&ots=2ClR-neGQe&sig=hinExD0lxH_A0QwAmmWpZbURMk8&redir_esc=y#v=onepage&q=emigrant%20writers&f=false (access date: 05.01.2025).
26. Klooss, W. (1998). *Across the lines: Intertextuality and transcultural communication in the New Literatures in English*. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=QDVbxAYO8yMC&oi=fnd&pg=PP11&dq=transcultural+literature&ots=xVgdUsCgaN&sig=uGey8LxoqGiTMPIVEJSeHPRN7kQ&redir_esc=y#v=onepage&q=transcultural%20literature&f=false (access date: 05.01.2025).
27. Nordin, I.G., Hansen, J., & Llena, C.Z. (2013). Transcultural identities in contemporary literature. *Rodopi*. Vol.167. 273 p. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=tWUgAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=transcultural+literature&ots=kK_ftryJpp&sig=KC4XuW2sFh16sxbYkyXM_5ISftU&redir_esc=y#v=onepage&q=transcultural%20literature&f=false (access date: 05.01.2025).
28. Verschik, A. (2017). Language contact, language awareness, and multilingualism. *Language awareness and multilingualism*, 1, 1–13. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/51357440/Contact__Multilingualism_Awareness-libre.pdf?1484454341=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DLanguage_Contact_Language_Awareness_and.pdf&Expires=1738767880&Signature=NpGKmFGqMLnFpXYhmjc0PeKbPZnNgYYlqITATOX-v9fpPB66wla-wprfQl~2YCFZ1f0LxDUG6ePt-VPLMNInFyltRqUM8fjhXOP8lqF~FYgOnwrteyLVoe32A-aISDAp1Rd6k7gKy0ySd1US5QzUY4x6UlK-GeYBeH2sMGY5N28qy8SF34MxVLh2JMJA9Zi5RUCyrqBsBWjWNKX9ruUqgxngFV9S5IUPhu8J55XG-FYJvgNn7f~mPIgVGSdlwBT~OFV8YtXSf7xulLeuPNUHjWYuR3gCiLaTRYytX-BA71gDnD~v6BqYkomkf4XP-CuPQVfow9cVkk-RIWmJk0Pula__&Key-Pair-Id=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (access date: 05.01.2025).

УДК 37.037

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Н.В. Аладьева (Севастополь, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. На современном этапе существования образование как социальный институт имеет большой потенциал к основательной трансформации: индивидуализации и интенсификации своего воздействия на основной объект образовательного процесса – обучающихся. Однако данный процесс требует задействования разнородных субъектов общественной жизни: государственных органов, образовательных и здравоохранительных объектов, семьи обучающихся и иных общественных структур.

Цель данной статьи – предложение структуры организационной модели системы здоровьесбережения студенческой молодежи, идентификация элементов системы и предложение практических шагов к реализации здоровьесберегающей деятельности данной системы посредством учреждения студенческих поликлиник при вузах.

Основными методами послужили мысленный эксперимент, процессный и системный подходы, обобщение, сравнение, синтез и анализ и др.

Результаты исследования. Предложена и обоснована структура организационной модели системы здоровьесбережения студенческой молодежи России, синтезирующая элементы систем здравоохранения и образования, институт семьи и органов государственной власти для обеспечения индивидуализации реализации дисциплин по физической культуре и спорту. Кроме того, были сформированы принципы функционирования здоровьесберегающей деятельности системы здоровьесбережения студенческой молодежи.

Заключение. Представлены варианты развития указанной системы, и первым шагом на пути к ее реализации предложена организация студенческих поликлиник при образовательных организациях высшего образования РФ. Данная инициатива направлена на интеграцию различных ресурсов и подходов, что позволит обеспечить комплексное сопровождение здоровья студентов при реализации дисциплин физкультурно-спортивной направленности, повысить эффективность существующих механизмов здоровьесбережения в образовательной среде, организовать и закрепить межведомственную коммуникацию посредством индивидуализации здоровьесберегающих подходов.

Ключевые слова: система здоровьесбережения студентов, физическая культура, межведомственная коммуникация, государство, семья.

Аладьева Наталья Викторовна – аспирант, Университет БРИКС (ЮНИБРИКС) (Севастополь); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-5267>; e-mail: aladjeva73@mail.ru

Постановка проблемы. Здоровье подрастающего поколения определяет интеллектуальный потенциал и перспективы социально-экономического развития России¹. На сегодняшний день отсутствие развития и инновационных разработок в области здоровьесбережения студенческой молодежи влечет за собой стагнацию данной области.

Для предотвращения возможных неблагоприятных сценариев для государства и общества и обеспечения комплексного воздействия на все аспекты здоровья личности – на физическом, социальном, психологическом уровнях – необходимо сосредоточить внимание на подрастающем поколении, развивая его здоровьесберегающую компетенцию и личностные качества. Достижение устойчивых и положительных результатов в сфере охраны здоровья всего населения требует значительных усилий

¹ Распоряжение Правительства РФ об утверждении № 2403-р «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». М., 2014.

и изменений. Эти изменения могут быть реализованы только через интеграцию четырех ключевых институтов: государства и уполномоченных органов, здравоохранительных учреждений, образовательных организаций и участников образовательного процесса, а также института семьи и ближайшего окружения, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь и культуру здоровья студентов.

Организация такой сложной системы требует взвешенного и распределенного подхода. В связи с этим от научного сообщества ожидается предложение возможных путей реализации модели системы здоровьесбережения студенческой молодежи. В рамках нашего исследования мы разработали концептуальную модель, состоящую из четырех элементов: государства, семьи и ближайшего окружения, образовательного и здравоохранительного блоков. Эти элементы должны функционировать в гармоничной коммуникации, для чего необходимо обратиться к инновационному потенциалу страны и создать несколько цифровых продуктов.

Прежде всего требуется разработка единого информационного фонда здоровья российских студентов, который будет служить базой данных для сбора и обработки информации о физическом развитии, физической подготовленности и соматическом здоровье студентов. Этот фонд будет доступен как педагогам, так и медицинским работникам, что позволит формировать персонализированные рекомендации. Кроме того, взаимодействие между медиками и педагогами через этот фонд поможет минимизировать ошибки и повысить качество реализации дисциплин физкультурно-спортивной направленности. Также необходимо создать специализированное программное обеспечение для студенческих поликлиник – базу данных с персонифицированными карточками студентов, которая будет интегрирована в электронные вычислительные системы. Это программное обеспечение может быть использовано и в других здравоохранительных учреждениях, не связанных с университетами, для обеспечения полноценного сбора, анализа

и обработки данных о состоянии здоровья каждого студента, кроме того, оно на основе искусственного интеллекта сможет анализировать критические показатели здоровья и предоставлять медицинским работникам и педагогам рекомендации по улучшению состояния здоровья обучающихся через физкультурно-спортивные дисциплины. Таким образом, предстоит значительный объем работы. Мы начинаем с концептуального эксперимента.

Цель данной статьи заключается в разработке структуры организационной модели системы здоровьесбережения студенческой молодежи, а также в идентификации ключевых элементов этой системы, включая частные, образовательные, здравоохранительные и публичные элементы. В рамках исследования предлагаются практические меры по реализации здоровьесберегающей деятельности в указанной системе, в частности через создание студенческих поликлиник при образовательных организациях высшего образования России.

Обзор научной литературы по проблеме. Исследование, проведенное Т.В. Сидоровой, С.В. Михайловой, Т.Т. Щелиной, Т.И. Митичевой, подчеркивает, что высшая школа как социальный институт играет ключевую роль в формировании не только компетентных специалистов, но и полноценных личностей. В рамках данного исследования внимание акцентируется на необходимости создания «здоровьесберегающей среды в образовательной организации, которая должна включать всех участников образовательного процесса, а важным компонентом модели здоровьесбережения выступает медицинское учреждение, которое способствует интеграции усилий образовательных и медицинских структур для улучшения общего состояния здоровья студентов и повышения качества их обучения» [Модель..., 2023, с. 41]. Одновременно В.А. Федоров и Н.В. Третьякова отмечают, что, «несмотря на многочисленность исследований и многоаспектность деятельности образовательных организаций в области сохранения здоровья обучающихся, о масштабной результативности данной деятельности

говорить не приходится» [Федоров, Третьякова, 2023, с. 16]. В свою очередь, в исследовании Н. Yu отмечено негативное влияние академического стресса на студентов, что решается в том числе улучшением здоровья обучающегося [Yu, 2024, р. 82].

Исследования Т.Т. Щелиной, Л.И. Красниковой, С.В. Михайловой, Т.В. Хрычевой подтверждают, что сотрудничество образовательных и медицинских организаций является «оптимальной моделью образовательной деятельности в области охраны здоровья студентов, а ежегодные обследования студенческой молодежи показывают динамику и эффективность здоровьесберегающей деятельности, проводимой в образовательной организации» [Щелина и др., 2023, с. 59]. Такие ученые, как О.Ю. Александрова, О.Е. Коновалов, Т.П. Васильева, В.И. Пак, А.М. Алленов, О.Ю. Арсенкова, отмечают необходимость включения института семьи в решение вопросов здоровьесбережения в связи с тем, что в «современных условиях через семью и с ее помощью могут решаться многие медико-социальные и демографические проблемы общества, среди которых также проблемы по реализации программ здоровьесбережения» [Развитие..., 2021, с. 1472–1473].

Значимость комплексного подхода к решению проблем мотивации обучающихся к образовательному процессу, в состав которого входят в том числе и здоровьесберегающие компетенции, отмечают Л. Бострем, Г. Бостедт и И. Стенберг (L. Boström, G. Bostedt, I. Stenberg), которые также приходят к выводу о том, что перцепция педагога отражает целостное состояние жизни студентов. В свою очередь, исследователи И.В. Ирхина, И.Н. Никулина, И.Ф. Исаева, Е.Н. Кролевецкая отмечают, что «образовательная среда вуза может выступать по отношению к студентам в качестве перманентной стимульной ситуации, побуждающей заниматься физической культурой» [Образовательная..., 2021, с. 32].

В своих исследованиях А.Б. Серых, Е. Мычко, А.Е. Якубовская отмечают, что «проблема формирования у студентов компетентности

здоровьесбережения обусловлена существующим в студенческом социуме противоречием: с одной стороны, здоровье и здоровый образ жизни понимаются как необходимые условия успешной профессиональной деятельности, а с другой стороны, наблюдаются трудности позитивного преобразования внутренней позиции в сторону осознания ценности здоровья и готовности прикладывать усилия в этом направлении» [Серых и др., 2022, с. 31]. В связи с чем ученые объясняют необходимость комплексного подхода в развитии здоровьесберегающих компетенций студенчества, который будет действовать не только образовательную среду, но и другие аспекты его жизни. При этом на образовательном уровне необходимо помочь студенту сформировать такую ценностно ориентированную парадигму мышления, в которой не будет сомнений по поводу ценности приложения усилия в направлении сбережения и укрепления своего здоровья различными методами и средствами. А.Б. Серых, Е. Мычко, А.Е. Якубовская отмечают, что «одним из условий, обеспечивающих формирование у студента совокупности ценностно-смысловых ориентаций, здоровьесберегающих знаний и умений, а также навыков, обуславливающих появление опыта собственной здоровьесберегающей деятельности, является здоровьесберегающее пространство вуза» [Серых и др., 2022, с. 29].

В своих исследованиях В.С. Нечаев и И.А. Петрова рассматривают здоровьесбережение в «контексте государственной политики здравоохранения и обосновывают обязательность комплексного междисциплинарного и лонгитюдного методологического подхода к изучению этой проблематики, что, в свою очередь, согласовывается с контекстом организационной модели системы здоровьесбережения студенческой молодежи» [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1326–1327]. Ученые обращают внимание на то, что в «настоящее время концепции здоровьесбережения и его организационных технологий находятся в процессе становления и требуют системности научно обоснованной разработки методологических основ их изучения» [Нечаев,

Петрова, 2020, с. 1326–1327]. Данные исследования также подтверждают «сложность разносторонней природы организационных технологий здоровьесбережения населения, к которому относят медицинскую, информационную, образовательную, социальную, социально-психологическую, а также профилактическую направленность» [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1327]. Особого исследовательского внимания, по мнению ученых, требуют «специально разрабатываемые ведомственные, межведомственные и межсекторальные организационные технологии здоровьесбережения, призванные способствовать формированию, закреплению и тиражированию поведенческих установок на активизацию здоровьесберегающего поведения населения» [Там же, 2020, с. 1328].

В исследовании, проведенном Т.П. Васильевой, А.В. Ларионовым, С.В. Русских, А.Б. Зудиным, А.Е. Васюниной и М.Д. Васильевым, рассматривается потенциал общества как неотъемлемая составляющая общественного здоровья. Авторы подчеркивают, что «снижение ресурсов общественного здоровья ниже установленного потенциала влечет за собой нарушение требований национальной безопасности» [Методические..., 2022, с. 7]. Исследования таких ученых, как П.И. Ананченкова, М.Г. Кудрявцев, М.Н. Шегай, рассматривают влияние здоровья на формирование человеческого капитала и отмечают, что нездоровый человек становится обузой в целом для страны, тогда как здоровый человек может работать более эффективно и с полной отдачей и тем самым вносить больший вклад в развитие экономики страны, что является важным фактором вовлеченности государственных органов в работу над реализацией системы здоровьесбережения студенческой молодежи [Ананченкова и др., 2023, с. 1264]. Исследования Т.П. Васильевой, Л.И. Москвичевой, О.А. Бениславской, В.И. Макаровой, М.Ю. Дробичева, А.М. Алленова отмечают несформированность ответственности, грамотности, мотивации к командной работе участников единого здоровьесберегающего городского пространства, что обусловлено отсутствием внутренней

убежденности в необходимости заниматься как собственным здоровьем, так и здоровьем других членов городского сообщества [Васильева и др., 2023, с. 1163]. Следует отметить, что среди участников исследования значительное число составляли работники объектов медицинской инфраструктуры, а также работники культуры, спорта, образования и других сфер. Проблема отсутствия ценностных ориентиров у взрослого поколения в здоровьесберегающей деятельности должна быть устранена комплексным, междисциплинарным, лонгитюдным и межведомственным воздействием государственной политики в сфере развития здоровьесберегающей системы в России.

А.В. Ярашева, С.В. Макар, Н.В. Аликперова отмечают, что «культура физического здоровья, обеспечивающая в том числе повышение производительности труда, является частью общей культуры нации, и для реализации здоровьесберегающих практик значима политика государства, реализуемая, в частности, в лице медицинского персонала» [Ярашева и др., 2023, с. 128]. Также исследователи О.Е. Яцевич, Н.И. Сперанская, Н.В. Омелаенко, В.В. Юдашкина, Л.Н. Шабатура доносят нам идеи А.Г. Асмолова, где «развитие общества представляет собой двусторонний процесс – с одной стороны, общество оказывает влияние на образование, с другой стороны, образование способствует его изменению» [Реализация..., 2024, с. 154]. Потому так важно успеть начать комплексное всестороннее развитие обучающихся для формирования ориентированной на здоровьесберегающую деятельность парадигму мышления.

Исследования Я.А. Гончарук, С.В. Гончарук, А.В. Воронков, Т.И. Школина «показали, что для преподавателей и сотрудников, как и для администраторов, характерно лишь их эпизодическое включение в протекающие в физкультурно-образовательном пространстве современного вуза процессы, для большинства нормой является фактическая отстраненность от него при декларации значимости этой деятельности» [Концептуальное..., 2023, с. 75]. Именно поэтому от уполномоченных государственных

органов и административных единиц высшего образования в России требуется оценка регулирующего воздействия имеющихся норм, а также выработка новых, способных на нормативное закрепление прав и обязанностей вовлеченных в образовательный процесс лиц и накладывающих на них ответственность за невыполнение своих функций.

В исследовании, проведенном Е.В. Васиной, Е.Д. Зонтиковой, О.И. Будниковой, выявлено, что «уровень компетентности педагогов в области здоровьесбережения, а также их культура здоровья и готовность к осуществлению здоровьесберегающей деятельности находятся на недостаточном уровне» [Васина и др., 2021, с. 121]. Ученые отметили, что «формирование здоровьесберегающей компетентности является актуальной задачей как для педагогов, так и для обучающихся и их родителей, поскольку это способствует сохранению здоровья обучающихся и повышению результативности образовательного процесса, одновременно с чем проблема несформированности данной компетенции требует комплексного подхода, включающего создание организационно-педагогических условий, обновление содержания и методов работы с педагогами, а также взаимодействие с учреждениями здравоохранения, спорта и культуры» [Васина и др., 2021, с. 121]. Для решения данной задачи учеными была разработана «программа пилотного проекта «Здоровьесберегающая компетентность педагогов как одно из условий успешной реализации ФГОС, направленная на методическое обеспечение процесса формирования здоровьесберегающей компетентности у педагогов» [Там же, 2021, с. 125].

О.П. Власова, Ю.В. Коричко, В.А. Шалаев провели исследование мотивации студентов в возрасте от 17 до 23 лет к занятиям физической деятельностью. Учеными отмечено снижение двигательной активности студентов к моменту их выпуска, а также выявлено отсутствие четкого представления о ценности и целевых ориентиров физической культуры и спорта, в связи с чем отмечена необходимость предо-

ставления студентам разнообразных вариантов физкультурно-спортивной деятельности, учитывающих их личные интересы и двигательные способности [Власова и др., 2023, с. 55]. Таким образом, индивидуализация физкультурно-спортивного процесса способна улучшить динамику вовлеченности обучающихся, и тем самым возможно закрепление ценностной ориентации на активный и здоровый образ жизни студентов. Одновременно «индивидуализация, заключающаяся в выборе средств и методов физического воспитания с учетом уникальных особенностей физического развития и психофизического статуса обучающихся, представляет собой эффективный педагогический инструмент для формирования у студентов ответственных здоровьесберегающих компетенций» [Лозовая, Зотин, Петрова, 2019, с. 155].

В свою очередь Е.Ю. Горбаткова, Т.Р. Зулкарнаев, У.З. Ахмадуллин, Х.М. Ахмадуллина, С.А. Горбатков, З.А. Хуснутдинова, Г.Р. Мануйлова произвели разработку особой программы для ЭВМ, направленной на выявление групп риска для здоровья студентов в зависимости от их образа жизни. Доказано, что разработанная ими система здоровьесберегающих мероприятий способствует формированию позитивного гигиенического поведения обучающихся [Гигиеническая..., 2022, с. 537].

В качестве *основного метода* исследования был использован мысленный эксперимент, основанный на практических наблюдениях автора в образовательном процессе и за его пределами в контексте реализации дисциплин физкультурно-спортивной направленности. Накопленный почти за 25 лет практический опыт позволил разработать модель организационной системы здоровьесбережения, интегрированную в процесс реализации указанных дисциплин. Методологической основой формирования концепции послужили процессный и системный подходы, применение которых дало возможность обосновать целевые ориентиры здоровьесберегающей деятельности элементов системы здоровьесбережения, а также структурные преобразования внутри этих

организаций. В исследовании использовались общенаучные методы, такие как обобщение, сравнение, синтез и анализ, что позволило провести междисциплинарный аналитический обзор проблемного поля. Вместе с этим для достижения поставленной цели и решения исследуемой проблемы применялись теоретические методы, включающие анализ научных источников по проблеме исследования, нормативно-правовой базы российского законодательства и локальных правовых документов. Также применялись статистический анализ, диалектический, феноменологический и социометрический подходы.

Результаты исследования. Система здоровьесбережения студентов представляет собой организационную модель, в состав которой входят частные, образовательные, здравоохранительные и публичные элементы. По сути, это синтезирующая система для обеспечения индивидуализации реализации дисциплин по физической культуре и спорту. Рассмотрим каждый элемент в подробности.

Образовательный элемент системы здоровьесбережения студенческой молодежи. Образовательный элемент в нашем исследовании выступает основным в соответствии с объемом времени – достаточно большим отрезком жизни студента, которое затрачивается обучающимся на нахождение в образовательном процессе и фактически в самой образовательной организации. Здесь требуется понимание глубины вливания образовательной системы в обычную жизнь студента очной формы обучения. Не зря университеты называются не иначе, как *Alma Mater* – питающее душу и нечто большее, чем образовательная организация. Образовательная система должна помогать, направлять, структурировать и обеспечивать ценностно-идейный рост и функциональное развитие всех положительных качеств обучающихся посредством постоянного и направленного воздействия с целью улучшения благосостояния личности студента. Именно тогда становится возможна положительная трансформация его мышления и образа жизни.

Посредством разработки и внедрения здоровьесберегающих стандартов в образовательной среде возможно создание здоровьесберегающей образовательной инфраструктуры в образовательной организации высшего образования. Взаимосвязь между компонентами образовательного элемента должна быть четко определена, что подразумевает принятие образовательными организациями определяющих стандартов здоровьесбережения и внедрение их в образовательный процесс на нормативном общеобязательном уровне. Далее уже педагоги доводят на практический уровень принципы здоровьесбережения и выстраивают на нем учебно-воспитательный процесс. Каждый из этапов призван быть плотно взаимосвязанным с соседними и логично вытекающим один из другого.

Примером может послужить комплекс мониторинговых мероприятий, направленных на оценку физического развития, физической подготовленности и состояния соматического здоровья студенческой молодежи, который проводят в российских образовательных организациях высшего образования самостоятельно, разрабатывая регламенты и локальные нормативные акты и включая данные мониторинговые мероприятия в свои календарные планы. Эти мониторинговые исследования играют ключевую роль в превентивной диагностике патологических состояний у студентов на ранних стадиях, что позволяет своевременно выявлять риски, угрожающие как их здоровью, так и академической успеваемости. Однако на уровне государства отсутствует унифицированная система нормативов, тестов и проб для оценки физического развития и подготовленности студентов, поскольку основная обязанность проведения мониторинга возложена на преподавателей физической культуры и спорта (согласно Федеральному закону № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»² организация физического

² Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/d6d6436c86df49e7a535ac40474ba6df422744b7/ (дата обращения: 21.09.2024).

воспитания и образования включает в себя обязательное ежегодное оценивание физической подготовленности и развития обучающихся). Такой подход создает определенные сложности в организации данного процесса: недостаток четкой регламентации, отсутствие определения ответственных лиц и несогласованность подходов к проведению мониторинга физического развития, физической подготовленности и состояния соматического здоровья студентов приводят к проблемам в реализации стратегических направлений государственной политики в области здоровьесбережения студенческой молодежи.

По мнению авторов, мониторинг физического развития, физической подготовленности и состояния соматического здоровья должен проводиться не реже одного раза в семестр посредством унифицированных общеуниверситетских антропометрических методик и тестов на определение физической подготовленности. При этом требуются разработка единой методики сбора данных, оснащение образовательных организаций необходимым для мониторинга оборудованием и организация обучения педагогических специалистов для проведения мониторинга на базе университета.

Одновременно нельзя исключать междисциплинарный подход. В процессе диагностики состояния здоровья студентов педагогу необходимо рассматривать ряд ключевых параметров, которые служат основными целевыми показателями реализации программы здоровьесбережения. Прежде всего следует акцентировать внимание на физическом состоянии студента. Критериями физического здоровья выступают как медицинские показатели, так и уровень физической подготовленности и физического развития, которые фиксируются в медицинской документации, где определяется группа здоровья на основании медицинского осмотра, проведенного медицинскими специалистами, и в педагогической – мониторинговое тестирование показателей физической подготовленности и физического развития и мониторинг пропусков занятий по болезни. По мнению ученых, «мониторинг здоровья студентов в рамках совместной

деятельности вуза и медицинской организации позволяет систематизировать все данные о состоянии здоровья, разрабатывать и внедрять адресные рекомендации по здоровьесбережению участников образовательного процесса, а также проводить научно-исследовательскую работу» [Комплексная..., 2023, с.59].

При анализе социального самочувствия студенты ставят здоровье на второе место после семьи и тем самым оценивают его как основной элемент в достижении стратегии успеха [Кошарная, Корж, 2020, с. 905]. Поэтому социальное развитие студента также требует внимательного анализа со стороны педагогических работников. Для этого применяются социометрические методы, позволяющие в рамках образовательного элемента системы здоровьесбережения изучить поведение студентов в условиях групповой деятельности на занятиях физической культурой и спортом. В результате такого анализа выявляются лидеры, что способствует эффективной перегруппировке студентов в рамках физкультурно-спортивной деятельности при вузе.

Психологическое развитие студента является неотъемлемой частью здоровьесберегающей деятельности. Цели здоровьесбережения включают как развитие природных задатков, так и сохранение здоровья. В этой связи целесообразно предложить создание опросника, который будет интегрирован в цифровой продукт, предназначенный для самоконтроля и сбора информации о состоянии физического здоровья и подготовленности обучающегося. Такой инструмент позволит отслеживать персональные тенденции каждого студента, что, в свою очередь, будет способствовать более целенаправленному формированию у них мотивации к ведению здорового образа жизни. Как показывают исследования, «проактивные методы преодоления вызовов, включая целенаправленное поведение и эффективное управление временем, способствуют улучшению состояния здоровья студентов» [Yu, 2024, p. 91]. Таким образом, применение стратегии самоконтроля и ответственной реакции позволяет не только

справляться с академическим стрессом, но и способствует созданию позитивного психоэмоционального фона, что оказывает благоприятное влияние на общее качество жизни [Yu, 2024, p. 82]. Однако для этого требуется комплексный подход, ведь согласно определению, «отношение к здоровью – это самооценка физического и психического состояния через набор показателей: самооценка здоровья; медицинская информированность; место здоровья в структуре жизненных ценностей; наличие или отсутствие у индивида вредных привычек; экологические установки; наличие стрессов и т.п.» [Кошарная, Корж, 2020, с. 905], при этом «отношение к здоровью является одним из интегральных компонентов здоровьесбережения» [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1327]. Таким образом, появляется необходимость привлечения множества акторов системы здоровьесбережения студенческой молодежи.

Также в рамках здоровьесберегающей направленности образовательного элемента требуется разработка единого информационного фонда здоровья российских студентов. Конечно, данный фонд как явление, вытекающее из теории организационной модели системы здоровьесбережения студентов, будет продуктом нескольких элементов системы: здравоохранительной, государственной (публичной) и образовательной.

Вместе с этим надо сказать, что администрация университета должна активно работать над созданием здоровьесберегающей образовательной среды и инфраструктуры: «для администраторов, характерно лишь их эпизодическое включение в протекающие в физкультурно-образовательном пространстве современного вуза процессы, для большинства нормой является фактическая отстраненность от него при декларации значимости этой деятельности» [Концептуальное..., 2023, с. 75]. При этом также необходимо обеспечивать соблюдение санитарно-гигиенических норм образовательного процесса и оказывать содействие в организации массовых спортивных мероприятий с вовлечением всех участников образова-

тельного процесса. Внедрение интерактивных и развлекательных элементов в физкультурно-образовательный процесс может значительно повысить интерес студентов к занятиям физической культурой и спортом. Ученые выяснили, что «препятствующая стимулированию интереса проблема деперсонализации физкультурно-спортивной инфраструктуры снимается в ходе ее активного включения в образовательный процесс физкультурной направленности, когда не просто осуществляется присутствие студента в среде, а происходит взаимовлияние, взаимодействие предметно-пространственного окружения с субъектом обучения и воспитания» [Образовательная..., 2021, с. 32]. Это значит, что образовательная организация должна задействовать все средства, имеющиеся в ее юрисдикции, во благо студента и тем самым стимулировать его интерес к занятиям и здоровьесберегающей деятельности. Обеспечение спортивных секций необходимым инвентарем и материалами, а также проведение рекламных кампаний по привлечению новых участников в спортивную жизнь университета также являются важными аспектами – однокурсники играют значительную роль в формировании здорового коллектива и взаимной поддержки на пути к улучшению образа жизни каждого студента.

Частный элемент системы здоровьесбережения студенческой молодежи. Следующим элементом в структуре организационной модели системы здоровьесбережения выступает частный блок, поскольку студент также много времени проводит в коммуникации с ближним кругом родственников и друзей и многие стандарты поведения берут здесь начало. Ряд ученых считают, что «в современных условиях через семью и с ее помощью должны решаться многие медико-социальные и демографические проблемы общества, в том числе реализации программ здоровьесбережения» [Развитие..., 2021, с. 1472–1473].

В данной связи следует отметить, что через государственную работу с населением, а именно привлечение различных слоев общества к занятиям физической культурой и спортом вне

зависимости от возраста, возможно косвенное воздействие на студенческую молодежь. Это влияние осуществляется на общем уровне оздоровления населения, который наверняка оказывает положительное воздействие на значительный процент российских семей. Семейная обстановка и шаблонная модель поведения внутри нее оказывают существенное влияние на образ жизни каждого студента независимо от его фактического проживания с семьей. На уровне семьи необходимо организовать образовательные программы для родителей, акцентирующие внимание на важности поддержания здоровья студентов. Такие программы могут проводиться в начале каждого семестра с использованием видеосвязи или в форме заранее записанных лекций, доступных родителям студентов, проживающих совместно с семьей. Важным аспектом является санитарно-гигиеническая составляющая, а именно информированность родителей о необходимых условиях, включая оптимальное количество дневного света и свежего воздуха, качество питания. Лекционные материалы по этим вопросам могут быть полезны для повышения уровня осведомленности в первую очередь тех родителей, чьи дети проживают вместе с ними.

В целях оптимизации положительного влияния также представляется целесообразным внедрение персонифицированных мобильных приложений, позволяющих отслеживать показатели физической подготовленности и соматического здоровья и рациона питания студентов. Использование игровых методик донесения разработки с целью самоконтроля студента может послужить дополнительным стимулом для занятия физической культурой и спортом вне учебного времени. Кроме того, следует поощрять вовлечение членов семьи в здоровый образ жизни, физическую активность и мониторинг показателей физической подготовленности и соматического здоровья. В этом контексте разработка специализированного персонифицированного мобильного приложения может быть инициирована государством, учитывая наличие множества полезных цифровых ресурсов, таких

как портал Госуслуг или приложения Федеральной налоговой службы, эффективно обслуживающих широкую аудиторию пользователей. Так, например, портал Госуслуг на первое полугодие 2022 г. насчитывал 97,5 миллиона пользователей. Это говорит о наличии ресурсов и возможностей нашей страны на внедрение полезных цифровых продуктов в общество. При этом ученые предлагают перепрофилировать и адаптировать программы здоровьесбережения на всех членов семьи, так как такой подход считается оптимальным для ориентации на семью в целом и комплексное воздействие на задачи здоровьесбережения на национальном уровне [Развитие..., 2021, с. 1473].

Друзья и ближайшее окружение также играют значительную роль в формировании здорового образа жизни. В этой связи целесообразно разработать социальные кампании, направленные на снижение распространенности вредных привычек среди молодежи, а также на повышение интереса к физкультурно-спортивной и оздоровительной деятельности в свободное от образовательного процесса время. При этом важно отметить, что, согласно исследованиям [Власова и др., 2023, с. 55], лишь 46 % студентов занимаются физической культурой вне учебного времени, при этом доля первокурсников, регулярно занимающихся спортом, снижается с 51 до 45 % к третьему курсу. Данная динамика может быть исправлена привлечением студентов к новым видам активности. Например, интерес к краеведческому туризму и туристическим прогулкам может способствовать формированию сообществ по интересам. Такие инициативы могут быть реализованы через интернет-платформы или с помощью создания перечня проверенных туристических организаций, осуществляющих регулярные походы и мероприятия выходного дня для студенческой молодежи, что позволит объединить единомышленников и создать поддерживающую среду для активного образа жизни.

Здравоохранительный элемент системы здоровьесбережения студенческой молодежи. В рамках анализа здравоохранительного

элемента организационной модели системы здоровьесбережения в образовательном пространстве необходимо акцентировать внимание на его ключевых составляющих, среди которых медицинский персонал учреждений здравоохранения, поликлиники общего приема, диспансеризационные мероприятия, обязательные медицинские осмотры студентов для допуска к дисциплинам физкультурно-спортивной направленности, Министерство здравоохранения и его департаменты и др. Данный элемент является неотъемлемой частью системы здоровьесбережения студенческой молодежи и значимым в рамках нашего изыскания аспектом функционирования этого блока. Для достижения оптимальных результатов необходимо проведение регулярных медицинских обследований обучающихся, требуется внедрение современных диагностических технологий, которые позволят осуществлять точный мониторинг состояния здоровья студентов.

Вместе с тем важным условием для эффективного функционирования здравоохранительного блока внутри системы здоровьесбережения студентов является установление четких календарных и регламентных рамок для проведения медицинских обследований. Эти процедуры должны осуществляться не только по первому требованию студента, но и в рамках систематического подхода, охватывающего всех обучающихся. На данном этапе необходима работа ведомств как нормотворческих и уполномоченных на это государством органов. В этом контексте следует выделить также необходимость разработки телемедицинских услуг, которые обеспечат студентам доступ к консультациям в режиме онлайн. Несмотря на то что подобные инициативы могут восприниматься как излишне инновационные, при соблюдении принципа разумной дифференциации запроса они способны существенно сэкономить время и ресурсы, а также снизить риск распространения инфекционных заболеваний в условиях посещения медицинских учреждений, увеличив при этом доступность государственных здравоохранительных процедур.

Не менее значимым элементом данного блока является диспансеризация студентов. Внедрение практики использования больших данных и искусственного интеллекта для анализа состояния здоровья обучающихся и предсказания возможных рисков представляется перспективным направлением. Если будет организован системный сбор данных о проведенной диспансеризации и этот процесс на национальном уровне станет общеобязательным, это позволит значительно повысить уровень профилактики заболеваний и своевременно выявлять потенциальные угрозы здоровью не только студентов, но и всего населения, что в конечном итоге приведет к снижению числа случаев поздней диагностики заболеваний.

По представлению автора, здравоохранительный элемент системы здоровьесбережения представляет собой комплексный механизм, требующий интеграции современных технологий и подходов для обеспечения своевременной и полноценной коммуникационной составляющей процесса. Это значит, что данные должны содержаться в особом фонде ЭВМ (электронно-вычислительной машины), содержащей персонализированные карточки пользователей (обучающихся) и выполняющей их обработку, вычисление и управление ими. На базе программы такой ЭВМ должен происходить мониторинг, анализ данных студента и обмен мнениями, касающимися физического развития, физической подготовленности и состояния соматического здоровья студента, между педагогами и медицинскими специалистами.

Как отмечают ученые, «для реализации здоровьесберегающих практик значима политика государства, реализуемая, в частности, в лице медицинского персонала» [Ярашева и др., 2023, с. 128]. Таким образом, в случае реализации государством инновационных технологий в рамках запуска работы такой модели системы здоровьесбережения – потребуется субстанциональное обучение медицинских специалистов, задействованных в работе системы.

Государственный элемент системы здоровьесбережения студенческой молодежи.

Четвертым элементом организационной модели системы здоровьесбережения студентов является государственный или публичный, который играет ключевую роль в формировании законодательной базы, регулирующей все аспекты данной системы. Мы согласны с мнением, что отношение государства к здоровью населения, включая нормативную правовую базу и финансовые затраты, является ключевым индикатором государственной политики в сферах здравоохранения, социальной защиты, экологии, образования и физической культуры [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1326–1327]. На этом уровне осуществляется анализ влияния нормативных правовых актов, регламентов, проектов и стратегий на функционирование других блоков системы. Важно отметить необходимость усиления контроля за соблюдением имеющегося законодательства, касающегося здоровья студентов, а также разработки положений для внедрения инновационных технологий в рамках программ по охране здоровья на уровне проектов и стратегий.

Эффективное законодотворчество и детальное описание нормативных средств регулирования здоровьесберегающей деятельности здравоохранительных институтов, образовательных организаций и частных лиц, декларирование их полномочий и юридической ответственности в данной области могут способствовать повышению стандартов в области здравоохранения и сплоченности и единонаправленности действий всех элементов структур в необходимую точку воздействия. Без установления обязательных нормативных предписаний рассматриваемая нами организационная модель системы здоровьесбережения студентов работать не сможет. Законодательство должно четко определять элементы системы мониторинга физического развития, физической подготовленности и состояния соматического здоровья студенческой молодежи, а также устанавливать национальный календарь обязательных медицинских осмотров студентов, регламент их прохождения и проведения, включая диспансеризацию. Крайне важно вынести постанов-

ление о создании института диспансеризации, охватывающего все население с выделением блока студенчества. Эти меры необходимы уже сегодня, поскольку существующие регуляции имеют фундаментальный характер, но не учитывают перспективы дальнейшего развития с учетом возможностей новейших технологий. Инновации в данной области зачастую инициируются частными лицами через эксперименты и грантовые проекты, тогда как государственные органы не проявляют достаточной активности в заказе разработок, способствующих сохранению здоровья молодежи и укреплению потенциала нации. Тем не менее мы живем уже в таком мире, где вполне возможно применение, например, виртуальной реальности для обучения в рамках дисциплин физкультурно-спортивной направленности, где VR-очки могут заменять полноценную тренировку при правильной изначальной постановке техники с педагогом-тренером.

В целом же требуется комплексная работа на законодательном уровне, задействующая все уполномоченные на нормотворчество органы, входящие в организационную модель системы здоровьесбережения студенческой молодежи: Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство здравоохранения РФ, Президент РФ, Совет Федерации, сенаторы РФ, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ.

С нашей точки зрения, необходимо начать с разработки нового законодательства о здоровьесбережении студентов. Важно интегрировать эти аспекты в педагогическую и нормотворческую деятельность Министерства науки и высшего образования и Министерства здравоохранения. Следует уделить внимание недостаточному медицинскому обследованию и несостоятельности мониторинговых норм, касающихся соматического здоровья, психологического состояния, физической подготовленности и развития студентов. Эти вопросы требуют более серьезного рассмотрения, учитывая, что организм студентов продолжает развиваться и не ограничивается возрастом 17 лет. Одновре-

менно с этим упущением существуют многочисленные исследования по охране здоровья детей и подростков, а также нормативные регламенты для детских поликлиник и школ, где медицинские кабинеты являются обязательными. Однако в университетах данные вопросы часто остаются без должного внимания. В данной ситуации ответственность за поднятие этих вопросов ложится на педагогов физической культуры и спорта из-за тесной и интенсивной связи в реализации их деятельности с состоянием здоровья обучающегося. Педагогам остается поднимать данные вопросы в своих исследованиях, разрабатывать нормативные алгоритмы мониторинга физического развития и физической подготовленности студентов, создавать самостоятельно интерактивные образовательные программы для того, чтобы привлекать обучающихся к физкультурно-спортивной деятельности, демонстрируя своим примером важность здорового образа жизни для достижения успеха. Однако, как показывает практика, для развития системы и улучшения положения студентов в обществе этого недостаточно для интенсификации процессов.

Как в рамках системы здоровьесбережения студенческой молодежи, так и в целом, система мониторинга физического развития, физической подготовленности и соматического здоровья студенческой молодежи в Российской Федерации нуждается в прочном нормативном основании, которое должно быть закреплено на федеральном уровне. Это подразумевает необходимость установления оценочных нормативных показателей для различных групп здоровья обучающихся, классифицированных по возрасту, полу и расовому признаку.

Интересным является то, что на сегодняшний день законодателем на федеральном уровне определен в нормативном акте порядок проведения социально-гигиенического мониторинга на территории России, что включает четкое формулирование целей, задач и источников данных, используемых для осуществления данного мониторинга из баз федеральных органов исполнительной власти, учреждений

и других организаций. А это значит, что при определенном векторном воздействии на уже имеющийся институт возможно трансформировать его в нечто большее, инновационное и действительно работающее. Важно дополнить, что, несмотря на имеющиеся ресурсы, на сегодняшний день данные о прохождении социально-гигиенического мониторинга собираются фрагментарно. Так, информации о состоянии здоровья студентов в возрасте от 18 до 21 года нет по ряду регионов России: городу федерального значения Севастополю, Новгородской, Калининградской, Волгоградской, Ростовской, Ленинградской, Ульяновской областям, республике Крым, Карачаево-Черкесской республике, Карелии, Мордовии, Ненецкому автономному округу, Забайкальскому краю и Сахалинской области.

В качестве возможного решения данной проблемы представляется целесообразным создание ранее упомянутого единого информационного фонда здоровья российских студентов. Такой фонд должен быть цифровым продуктом работы нескольких элементов системы здоровьесбережения студенческой молодежи: здравоохранительной, государственной (публичной) и образовательной; должен быть унифицированным и доступным для всех участников системы мониторинга, а также оцифрованным и обладающим функционалом для анализа состояния здоровья студентов. Это позволит не только отслеживать прогресс или регресс в области здоровья, но и формулировать реалистичные цели для улучшения физического состояния молодежи на основе системного анализа собранных данных. Создание подобного фонда станет важным шагом к повышению эффективности мониторинга и улучшению физической подготовленности и соматического здоровья студенческой молодежи в стране.

Принципы функционирования системы здоровьесбережения студенческой молодежи. Следует также уточнить, что система работы по здоровьесбережению студентов как интегративный механизм основывается на нескольких ключевых принципах, которые определяют ее

эффективность и целенаправленность. Прежде всего принцип активности и сознательности подразумевает активное участие всего педагогического коллектива и родителей в поиске новых эффективных методов оздоровления как студентов, так и самих себя. Это требует обеспечения высокой степени инициативы и творческого подхода всех участников образовательного процесса. Вместе с этим данный принцип обращен к публичному и здравоохранительному элементам системы здоровьесбережения, так как заинтересованность государства и медицинских специалистов, например, определяет интенсификацию положительных сдвигов в вопросах сохранения и укрепления здоровья студенчества.

Важным является принцип систематичности и последовательности в организации здоровьесберегающего процесса. Он предполагает регулярную работу по оздоровлению и формированию валеологической культуры, что включает в себя постепенное усложнение содержания и методов работы со студентами на различных этапах педагогической технологии, а также наличие сквозной связи между предлагаемым содержанием, формами и методами работы. Данный принцип распространяем и на государственный блок, где необходимы систематичные и последовательные разработки с целью здоровьесбережения студентов.

Принцип «не навреди» служит основой для выбора оздоровительных технологий в процессе работы системы здоровьесбережения студентов, где все виды педагогических и оздоровительных воздействий должны быть безопасны для здоровья и развития обучающегося. Доступность и индивидуализация являются неотъемлемыми аспектами здоровьесберегающей работы, которая должна учитывать возрастные и индивидуальные особенности студентов.

Системный подход к оздоровлению достигается через комплексное взаимодействие различных элементов здоровьесберегающего процесса, что направлено на достижение полезного результата – оздоровление обучающихся как основных объектов здоровьесберегающей

системы. Оздоровительная направленность должна пронизывать все аспекты воспитания и обучения, включая не только физкультурные мероприятия, но и всю организацию образовательного процесса в вузе.

Наконец, комплексный междисциплинарный подход подразумевает тесное сотрудничество между медицинским персоналом и педагогическим коллективом, а также между другими субъектами системы здоровьесбережения, что способствует более эффективному решению задач здоровьесбережения студенческой молодежи.

Следует согласиться с изысканиями В.С. Нечаева, И.А. Петровой, которые отмечают что «здоровьесбережение и связанные с ним организационные технологии представляют собой явления комплексного, многоаспектного и межсекторального характера, в связи с чем методология и конкретные методы, вытекающие из нее, требуют применения широкого междисциплинарного подхода для адекватного изучения данных процессов» [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1328].

Заключение. Для реализации принципов национального законодательства о сохранении здоровья населения и его благополучии, а также о повышении уровня физического развития, физической подготовленности и соматического здоровья среди подрастающего поколения, в частности среди студентов, начинать нужно с системы здоровьесбережения, и начинать нужно с преобразования процесса здоровьесбережения в образовательных организациях высшего образования России, так как молодое поколение по роду студенческой занятости наибольшее количество времени проводит в университетах, где складываются ценностные ориентиры, определяется значимость соматического состояния для достижения целей и задач, поставленных перед обучающимися образовательной программой. Поэтому начинать нужно с системы образования, ведь только практики могут сказать, как должна выглядеть и быть интегрирована система здоровьесбережения в образовательный процесс.

Система здоровьесбережения должна брать начало и быть интегрирована в университетскую среду, обеспечивая тесную взаимосвязь между физкультурно-спортивной деятельностью и превентивными принципами охраны здоровья. В этом контексте разумным представляется открытие поликлиник при образовательных организациях высшего образования, что позволит студентам осознать важность здоровья и своевременно получать квалифицированную медицинскую помощь от привлеченных в данную деятельность специалистов.

Открытие поликлиники при образовательной организации представляет собой значимый, хотя до настоящего времени нереализованный аспект, который требует глубокого осмысления. Практика свидетельствует о том, что временные затраты, связанные с прохождением медицинских осмотров как студентами, так и сотрудниками университета, а также получение справок для допуска к занятиям физической культурой и спортом создают дополнительные сложности. В частности, соприкосновение студентов с больными пациентами в поликлиниках общего приема и отсутствие доступных и исчерпывающих исследований, необходимых для оптимального развития спортивного потенциала каждого студента, подчеркивают необходимость создания специализированной поликлиники в рамках образовательной организации.

Коммуникация между медицинскими и педагогическими работниками играет важную роль в вопросах развития и поддержания физического здоровья обучающихся. Она позволяет более эффективно отслеживать состояние здоровья студентов и выявлять причины их физической подготовленности. В обычных условиях преподаватели могут не иметь возможности оперативно определить, какие проблемы испытывает обучающийся, почему его показатели физической подготовленности не улучшаются или почему он проявляет признаки раздражительности. Результаты плановых медицинских осмотров, проводимых для допуска к занятиям физической культурой и спортом, зачастую

осуществляются недостаточно часто и не всегда с учетом индивидуальных особенностей каждого студента.

Таким образом, преподаватели сталкиваются с разнообразными проблемами и вынуждены идти на уступки в отношении необъяснимого состояния студентов. В то же время наличие информации о состоянии здоровья обучающегося могло бы позволить педагогам совместно с медицинскими специалистами более целенаправленно работать над устранением выявленных проблем. Это способствовало бы предотвращению негативного накопительного эффекта и пониманию причинно-следственных связей, а также корректировке учебных заданий и нормативов с целью сохранения здоровья студентов. Важно отметить, что психическое состояние также оказывает значительное влияние на физическое здоровье, поэтому своевременное выявление и понимание проблем, возникающих у студентов, является необходимым условием для эффективного процесса обучения и поддержания физической активности.

В рамках данной парадигмы акцент на индивидуальном воздействии на каждого студента способствует улучшению текущего состояния образовательных процессов с участием здравоохранительных учреждений. В отличие от предыдущей модели, которая ориентировалась на массовое влияние, что, согласно проведенным исследованиям, не обеспечивало значительных и эффективных результатов в сохранении здоровья подрастающего поколения, индивидуализация выступает ключевым критерием. Этот подход способен существенно изменить негативные тенденции в состоянии здоровья студентов, обеспечивая комплексные и целенаправленные меры, направленные на оптимизацию системы здоровьесбережения. Учеными подтверждено, что «ежегодные обследования показывают динамику и эффективность здоровьесберегательной деятельности, проводимой в школе или вузе, а сотрудничество образовательных организаций с здравоохранительными можно считать оптимальными моделями

образовательной деятельности в области охраны здоровья школьников и студентов» [Комплексная..., 2023, с. 59].

Следует отметить и согласиться с мнением В.С. Нечаева, И.А. Петровой о том, что «поскольку изучение деятельности по здоровьесбережению в контексте ее ресурсного обеспечения затрагивает вопросы бюджетного сопровождения и внешнего инвестирования, данная исследовательская дихотомия “сущего – должного” действительно оказывается особо важной. В той мере, в какой здоровье населения является особо важным восполняемым и охраняемым государственными институтами ресурсом, ценностная ориентация на здоровьесбережение отвечает интересам как личности, так и государства» [Нечаев, Петрова, 2020, с. 1328].

Государственные и образовательные учреждения могут компенсировать затраты на такие инициативы путем организации обучения медицинских работников, получающих основное или дополнительное образование, или повышения квалификации на базе университетских поликлиник. Это будет способствовать интеграции медицинских знаний в учебные программы таких академических дисциплин, как физическая культура, в спортивных секциях при университете. Также это может быть полезно и другим академическим дисциплинам, например психологии.

В настоящее время медицинские осмотры сотрудников вузов осуществляются в частных клиниках, тогда как создание университетских поликлиник может снизить эти расходы за счет тендерных закупок. Кроме того, в спортивно-оз-

доровительных комплексах университетов возможно проведение повышения квалификации работников поликлиник в области доврачебной помощи и охраны здоровья труда с уклоном на специальные спортивные направления. Также следует рассмотреть возможность создания крупных физкультурно-медицинских проектов для диагностики и медицинского контроля университетских спортивных команд перед соревнованиями на местном, региональном и федеральном уровнях, что обеспечит доступность медицинских услуг и оптимизацию бюджетных расходов.

Вместе с этим достижению заявленной цели может «способствовать проект “Приоритет-2030”, согласно которому вузы становятся универсальными образовательными центрами, площадками для реализации научных, технологических, цифровых, социальных и экономических инициатив» [Реализация..., 2024, с. 154].

Предлагаемая статья обладает значительной практической ценностью для исследователей и педагогов-практиков, предоставляя основу для более глубокого анализа методологии, методики и технологий, а также приемов и методов внедрения элементов системы здоровьесбережения студенческой молодежи. Исследование может служить отправной точкой для дальнейшего изучения и разработки эффективных стратегий, направленных на реализацию здоровьесберегающей деятельности посредством применения модели системы здоровьесбережения студентов, адаптацию образовательного процесса к потребностям и интересам студентов.

Библиографический список

1. Ананченкова П.И., Врубель А.Ю., Шегай М.М. Влияние здоровья на формирование человеческого капитала // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № S2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zdorovya-na-formirovanie-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения: 25.02.2025).
2. Васильева Т.П., Москвичева Л.И., Бенеславская О.А., Макарова В.И., Дробижев М.Ю., Алленов А.М. Готовность участников к межсекторальному здоровьесбережению населения мегаполиса // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № S2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-uchastnikov-k-mezhsektoralnomu-zdoroviesberezeniyu-naseleniya-megapolisa> (дата обращения: 25.02.2025).

3. Васина Е.В., Зонтикова Е.Д., Будникова О.И. Здоровьесберегающая компетентность педагогов как одно из условий успешной реализации ФГОС // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberegayuschaya-kompetentnost-pedagogov-kak-odno-iz-usloviy-uspeshnoy-realizatsii-fgos> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Власова О.П., Коричко Ю.В., Шалаев В.А. Повышение двигательной активности современной молодежи как необходимого условия ее здоровьесбережения // ТипФК. 2023. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-dvigatelnoy-aktivnosti-sovremennoy-molodezhi-kak-neobhodimogo-usloviya-ee-zdoroviesberezheniya> (дата обращения: 24.09.2024).
5. Гигиеническая оценка образа жизни студентов высших учебных заведений / Е. Ю. Горбаткова и др. // Гигиена и санитария. 2022. Т. 101, № 5. С. 532–538. DOI: 10.47470/0016-9900-2022-101-5-532-538
6. Комплексная оценка состояния здоровья студентов в условиях взаимодействия вуза и центра здоровья / Т.Т. Щелина и др. // ТипФК. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-sostoyaniya-zdorovya-studentov-v-usloviyah-vzaimodeystviya-vuza-i-tsentra-zdorovya> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Концептуальное обоснование направлений совершенствования проектного управления развитием физкультурно-образовательного пространства в вузе / Я. А. Гончарук и др. // ТипФК. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-obosnovanie-napravleniy-sovershenstvovaniya-proektnogo-upravleniya-razvitiem-fizkulturno-obrazovatel'nogo> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-studencheskoy-molodezhi-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 21.10.2024).
9. Лозовая М.А., Зотин В.В., Петрова С.С. Формирование действенных компетенций здоровьесбережения у студентов методами современной педагогики // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-deystvennyh-kompetentsiy-zdoroviesberezheniya-u-studentov-metodami-sovremennoy-pedagogiki> (дата обращения: 08.10.2024).
10. Методические подходы к измерению общественного здоровья как медико-социального ресурса и потенциала общества / Т.П. Васильева и др. // Здоровье населения и среда обитания. 2022. Т. 30, № 11. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-11-7-15>
11. Модель здоровьесберегающей деятельности вуза / Т.Т. Щелина и др. // ТипФК. 2022. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-zdoroviesberegayuschey-deyatelnosti-vuza> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Нечаев В.С., Петрова И.А. К методологии изучения организационных технологий здоровьесбережения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (6). С. 1326–1332. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332>
13. Образовательная среда вуза как фактор стимулирования направленности студентов на занятия физической культурой / И.В. Ирхина и др. // ТипФК. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-vuza-kak-faktor-stimulirovaniya-napravlennosti-studentov-na-zanyatiya-fizicheskoy-kulturoy> (дата обращения: 03.10.2024).
14. Развитие технологий здоровьесбережения: от индивидуального подхода к семейному / О.Ю. Александрова и др. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tehnologiy-zdoroviesberezheniya-ot-individualnogo-podhoda-k-semeynomu>

15. Реализация индивидуальных образовательных траекторий в высших учебных заведениях / О.Е. Яцевич и др. // Высшее образование в России. 2023. Т. 33, № 5. С. 150–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-150-168
16. Серых А.Б., Мычко Е.И., Якубовская А.Е. Социальный и профессиональный аспекты формирования у студентов компетентности здоровьесбережения // ТипФК. 2022. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-i-professionalnyy-aspekty-formirovaniya-u-studentov-kompetentnosti-zdoroviesberezeniya> (дата обращения: 20.10.2024).
17. Федоров В.А., Третьякова Н.В. Концептуальные основы здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций в контексте теории управления качеством // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 2. С. 15–45. DOI: 10.17853/19945639-2023-2-15-45
18. Ярашева А.В., Макара С.В., Аликперова Н.В. Современные здоровьесберегающие практики россиян // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 2. С. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10. EDN: XOZVXW
19. Yu, H. (2024). The impact of life events on subjective well-being among college students: A quantitative analysis. *Journal of Pedagogical Research*, 8 (3), 79–97. DOI: <https://doi.org/10.33902/JPR.202426262>

ORGANIZATIONAL MODEL OF THE STUDENT YOUTH HEALTH CARE SYSTEM IN THE RUSSIA

N.V. Aladjeva (Sevastopol, Russia)

Abstract

Statement of the problem. At the present stage of its existence, education, as a social institution, has great potential for fundamental transformation: individualization and intensification of its impact on the main object of the educational process, i.e. on students. However, this process requires the involvement of diverse subjects of public life: government agencies, educational and health care facilities, families of students and other public structures.

The purpose of this article is to propose a structure of an organizational model of the health-preservation system for student youth, identify elements of the system and propose practical steps to implement health-preserving activities of this system by establishing student clinics at universities.

Methodology (materials and methods). The main methods were mental experiment, process and system approaches, generalization, comparison, synthesis and analysis, etc.

Research results. The authors proposed and substantiated the structure of an organizational model of the health-preservation system for student youth in Russia, synthesizing elements of the health and education systems, the institution of family and government bodies to ensure individualization of the implementation of disciplines in physical education and sports. The principles of the health-preservation system for student youth are presented.

Conclusion. Options for the development of the said system are proposed, and the first step towards its implementation is the organization of student clinics at higher education institutions of the Russian Federation. This initiative is aimed at integrating various resources and approaches, which will ensure comprehensive support for students' health in the implementation of physical education and sports disciplines, increase the effectiveness of existing health-preservation mechanisms in the educational environment, and organize and consolidate interdepartmental communication through the individualization of health-preserving approaches.

Keywords: *student health preservation system, physical education, interdepartmental communication, state, family.*

Aladjeva, Natalia V. – PhD Candidate, BRICS University (UNIBRICS) (Sevastopol, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-5267> e-mail: aladjeva73@mail.ru

References

1. Ananchenkova, P.I., Kudryavtsev, M.G., & Shegai, M.N. (2023). The impact of health on the formation of human capital. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdavookhraneniia i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 31 (S2), 1263–1267. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1263-1267. PMID: 38069896
2. Vasilyeva, T.P., Moskvicheva, L.I., Benislavskaya, O.A., Makarova, V.I., Drobizhev, M.Y., & Allenov, A.M. (2023). Readiness for intersectoral cooperation to preserve health of megalopolis population. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniia i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 31 (S2), 1159–1164. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1159-1164>
3. Vasina, E.V., Zontikova, E.D., & Budnikova O.I. (2021). Health-saving competence of teachers as one of the conditions for the successful implementation of the Federal State Educational Standard. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 4 (44), 121–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberegayuschaya-kompetentnost-pedagogov-kak-odno-iz-usloviy-uspeshnoy-realizatsii-fgos> (access date: 05.10.2024).
4. Vlasova, O.P., Korichko, Yu.V., & Shalaev, V.A. (2023). Increasing physical activity of modern youth as a necessary condition for their health preservation. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 9, 54–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-dvigatelnoy-aktivnosti-sovremennoy-molodezhi-kak-neobhodimogo-usloviya-ee-zdoroviesberezeniya> (access date: 24.09.2024).

5. Gorbatkova, E.Yu., Zulkarnaev, T.R., Akhmadullin, U.Z., Akhmadullina, Kh.M., Gorbatkov, S.A., Khusnutdinova, Z.A., & Manuylova, G.R. (2022). Hygienic assessment of the lifestyle of students of higher educational institutions. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 101 (5), 532–538. DOI: 10.47470/0016-9900-2022-101-5-532-538
6. Shchelina, T.T., Krasnikova, L.I., Mikhaylova, S.V., & Khrycheva, T.V. (2023). Comprehensive assessment of the health status of students in the context of interaction between the university and the health center. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-sostoyaniya-zdorovya-studentov-v-usloviyah-vzaimodeystviya-vuza-i-tsentra-zdorovya> (access date: 20.10.2024).
7. Goncharuk, Ya.A., Goncharuk, S.V., Voronkov, A.V., & Shkolina, T.I. (2023). Conceptual justification of directions for improving project management of the development of physical culture and educational space at a university. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 6, 74–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-obosnovanie-napravleniy-sovshenstvovaniya-proektnogo-upravleniya-razvitiem-fizkulturno-obrazovatel'nogo> (access date: 20.09.2024).
8. Kosharnaya, G.B., & Korzh, N.V. (2020). Social well-being of student youth (regional aspect). *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN University. Series: Sociology], 4, 905–918. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-studencheskoy-molodezhi-regionalnyy-aspekt> (access date: 21.10.2024).
9. Lozovaya, M.A., Zotin, V.V., & Petrova, S.S. (2019). Formation of effective health care competencies among students using modern pedagogy methods. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 64 (3), 154–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-deystvennyh-kompetentsiy-zdoroviesberezeniya-u-studentov-metodami-sovremennoy-pedagogiki> (access date: 08.10.2024).
10. Vasilyeva, T.P. et al. (2022). Methodological approaches to measuring public health as a medical and social resource and potential of society. *Zdorovie naseleniya i sreda obitaniya* [Public Health and Habitat], 30 (11), 7–15. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-11-7-15>
11. Shchelina, T.T., Miticheva, T.I., Sidorova, T.V., & Mikhaylova, S.V. (2022). Model of health-preserving activities at the university. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-zdoroviesberegayushey-deyatelnosti-vuza> (access date: 20.10.2024).
12. Nechaev, V.S., & Petrova, I.A. (2020). Towards a methodology for studying organizational technologies for health conservation. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Health and History of Medicine], 28 (6), 1326–1332. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332>
13. Irkhina, I.V., Nikulin, I.N., Isaev, I.F., & Krolevetskaya, E.N. (2021). The educational environment of the university as a factor in stimulating students' focus on physical education. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 3, 31–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-vuza-kak-faktor-stimulirovaniya-napravlenosti-studentov-na-zanyatiya-fizicheskoy-kulturoy> (access date: 03.10.2024).
14. Aleksandrova, O.Yu., Konovalov, O.E., Vasilyeva, T.P., Pak, V.I., Allenov, A.M., & Arsenkova, O.Yu. (2021). Development of health-saving technologies: from an individual approach to a family one. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine], 6, 1470–1474. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tehnologiy-zdoroviesberezeniya-ot-individualnogo-podhoda-k-semeynomu> (access date: 10.10.2024).
15. Yatsevich, O.E., Speranskaya, N.I., Omelaenko, N.V., Yudashkina, V.V., & Shabatura, L.N. (2023). Implementation of individual educational trajectories in higher educational institutions. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 33 (5), 150–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-150-168

16. Serykh, A.B., Mychko, E.I., & Yakubovskaya, A.E. (2022). Social and professional aspects of developing health care competence among students. *TiPFK* [Theory and Practice of Physical Culture], 7, 29–31 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-i-professionalnyy-aspekty-formirovaniya-u-studentov-kompetentnosti-zdoroviesberezheniya> (access date: 20.10.2024).
17. Fedorov, V.A., & Tretyakova, N.V. (2023). Conceptual foundations of health-preserving activities of educational organizations in the context of quality management theory. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 25 (2), 15–45. DOI: 10.17853/19945639-2023-2-15-45
18. Yarasheva, A.V., Makar, S.V., & Alikperova, N.V. (2023). Modern health-saving practices of Russians. *Narodonaselenie* [Population], 26 (2), 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10; EDN: XOZVXW
19. Yu, H. (2024). The impact of life events on subjective well-being among college students: A quantitative analysis. *Journal of Pedagogical Research*, 8 (3), 79–97. DOI: <https://doi.org/10.33902/JPR.202426262>

УДК 796.333.086

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ СРЕДСТВАМИ РЕГБИ

С.С. Баженов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается игровой вид спорта регби как средство физического воспитания обучающихся в рамках регионального компонента основного общего образования. Базовую основу процесса физического воспитания обучающихся составляет программно-методическое обеспечение, разработанное с учетом сенситивного периода развития личности.

Цель статьи – доказать обоснованность разработанного программно-методического обеспечения физического воспитания обучающихся школ средствами регби в рамках регионального компонента с целью нахождения оптимальных средств и методов организации процесса формирования физических качеств обучающихся.

Методология и методы исследования. Представляют собой анализ работ современных авторов по теории физического воспитания (Б.А. Ашмарина, В.К. Бальсевича, С.В. Барбашова, Л.И. Лубышевой, В.П. Лукьяненко, В.И. Ляха, А.П. Матвеева, Г.Н. Сатирова и др.). Данные исследования позволили обобщить информацию педагогического характера по вопросам физического воспитания обучающихся. Были использованы методы исследовательского характера: анализ, синтез и обобщение полученных данных в рамках опытной работы.

Результаты исследования. Полученные данные в опытно-экспериментальной работе позволяют сделать вывод о том, что в соответствии с теорией сенситивного периода развития личности формирование физических качеств находится в прямой зависимости от возрастных особенностей обучающихся, подтверждают, что оптимальное развитие физиологических особенностей личности находится также в непосредственной зависимости от профессионального опыта педагога по поиску наиболее рациональных форм педагогического взаимодействия с обучающимся. По итогам опытной работы полученные данные были внедрены в практику спортивной подготовки молодежной команды Красноярска по регби.

Заключение. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы в практико-ориентированной деятельности педагогов при организации процесса физического воспитания обучающихся в рамках регионального компонента основного общего образования. Кроме того, определяющим фактором в исследовании является наличие традиционных подходов в процессе воспитания обучающихся, выборе методов организации педагогического взаимодействия, ориентированного на вариативность в обучении. Работа включает материал, который является основой для применения в образовательной практике в области физического воспитания, что создаст возможность для достижения качественных характеристик личности при реализации программно-методического обеспечения.

Ключевые слова: *сенситивный период, физическое воспитание, обучающиеся, регби, программно-методическое обеспечение.*

Баженов Сергей Сергеевич – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1552-600X>; e-mail: bagenov06@mail.ru

Постановка проблемы. В статье рассматриваются базовые подходы физического воспитания обучающихся школы средствами регби путем реализации программно-методического обеспечения.

Цель статьи – обосновать, разработать и применить условия реализации физического воспитания обучающихся школ средствами регби в рамках регионального компонента. С целью разрешения противоречий при организации физи-

ческого воспитания обучающихся и укрепления их здоровья все более актуальным становится вопрос о применении в образовательной практике вариативных форм ее реализации. Работа позволяет рассмотреть предложенный формат организации и верификации выдвигаемой гипотезы исследования [Баженов и др., 2022]. Обоснованным направлением работы было обновление традиционных форм организации физического воспитания в современных условиях (В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева, В.И. Лях).

Методологию исследования составляют анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих образовательную деятельность в сфере физического воспитания, а также обобщение работ научно-методического характера отечественных и зарубежных ученых, внесших особый вклад в развитие регби как вида спорта.

Обзор научной литературы по вопросам физического воспитания обучающихся в условиях образовательного пространства посредством игрового вида спорта позволил обобщить работы таких авторов, как Б.А. Варакин, Н.Н. Колев, В.К. Петренчук, Р. Пулен, М.В. Сахарова, М.В. Скворцов, А.А. Сорокин.

Результаты исследования. Анализ информационных источников о роли физической культуры в жизни каждого ребенка указывает на ряд обстоятельств. Во-первых, регулярные занятия физическими упражнениями вовлекают детей в приобретение базовых знаний в области здорового образа жизни и побуждают их к анализу факторов, показывающих влияние на организм человека физической активности [Godman, 2020]. Во-вторых, методические принципы физического воспитания совпадают с общедидактическими, что указывает на неразрывность общеобразовательного процесса, в который входят общие принципы педагогики: осознанность, активность, систематичность, динамичность, наглядность и доступность [Leo et al., 2020]. Многолетний опыт физического воспитания обучающихся указывает нам на необходимость учета выбора индивидуальных особенностей их развития, так как необоснованные изменения нагрузок могут привести в том числе

к снижению уровня физических возможностей организма ребенка [Burgegno et al., 2022; Deng et al., 2020]. В качестве примера рассмотрим данное положение на игровом виде спорта – регби. Регби как вид состязаний является дисциплиной спорта высоких достижений, и возрастающая конкуренция требует постоянного повышения качества подготовки его участников.

В систему теории и методики физического воспитания положен принцип общефизического развития личности. Исследования ведущих ученых, таких как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, И.А. Аршавский и Д.А. Фарбер, указывают нам на физические особенности развития детей. В отдельные периоды часть физических характеристик личности формируется быстро и синхронно, в другие отрезки времени характеристики нарастают гетерохронно. В данном случае благоприятный период, в интервале которого какое-либо качество развивается интенсивно, называется сенситивным [Гафиатуллин, 2019; Губа и др., 2021]. Определение этого периода было введено Л.С. Выготским. Он вывел идею о необходимости обучения ребенка, которое должно стимулировать его развитие и идти впереди него, подтягивать и вести за собой [Выготский, 1991, с. 386]. Указанный принцип был положен в основу программно-методического обеспечения физического воспитания обучающихся средствами регби с целью проведения опытно-экспериментальной работы. В качестве испытуемых была выделена группа занимающихся регби на базе образовательной организации. На констатирующем этапе были зафиксированы исходные показатели испытуемых (табл.).

По итогам сдачи тестовых упражнений начальный этап исследуемых указывал на низкий уровень их подготовленности, так как количество невыполнивших задания составило 63 %. С целью повышения качества показателей в работе была выдвинута гипотеза, что становление раннего физического совершенствования средствами регби в рамках регионального компонента возможно только с учетом сенситивного периода развития обучающихся. Исходя из указанных условий нами был разработан комплекс

Нормативы базовых тестовых упражнений для обучающихся
Standards of basic test exercises for young rugby players

Уровень подготовленности	Удары ногой по мячу с рук на точность (кол-во раз)	Челночный бег 3x10 с мячом в руках (сек)	Ловля мяча после удара ногой. Тестируемый находится в «зоне» ловли (кол-во раз)
Высокий	6	8,2	6
Средний	5	8,4	5
Низкий	4	8,7	4

упражнений, позволивший систематизировать всю группу физических упражнений, определяющих подготовку обучающихся при занятиях регби [Современные..., 2020].

На основании дидактических принципов построения исследовательской работы были сформированы две группы занимающихся регби – контрольная и экспериментальная. В состав каждой группы входили по 15 мальчиков. Занятия в контрольной группе проводились в обычном режиме согласно программе базового уровня по виду спорта регби [Потенциал..., 2020]. Особенностью работы в экспериментальной группе являлся подход, обеспечивающий развитие

тех физических качеств, которые были благоприятны в соответствии с сенситивным периодом их развития. Использование упражнений разработанного комплекса имело, кроме того, характер обучения, целью которого являлось формирование алгоритма игровых действий у обучающихся в соответствии с теорией установки [Иорданская, 2024].

С учетом решения задач в исследовании был проведен формирующий этап эксперимента, где уровень подготовленности испытуемых по итогам результатов тестовых упражнений указал на достоверное увеличение показателей в 33 % – с 40 до 73 % ($P < 0,05$) (рис. 1).

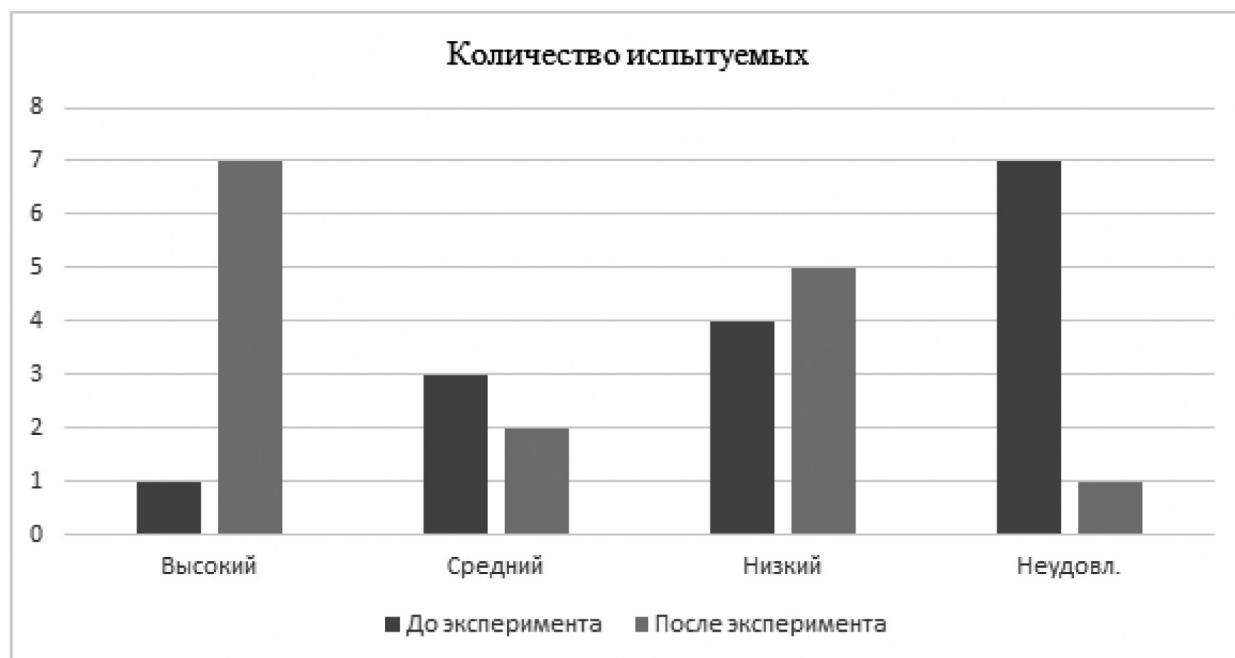

Рис. 1. Показатели уровня развития физических качеств испытуемых в экспериментальной группе на окончании исследования
Fig. 1. Indicators of the level of physical qualities development among the subjects in the experimental group at the end of the study

В контрольной группе уровень результатов тестовых упражнений по итогам исследования указал на низкий показатель физического развития: разность показателей на начало и окончание работы составила 7 % (рис. 2).

Завершающий этап исследования показал, что уровень физического развития исследуемых контрольной и экспериментальной групп

составил 26 % (различия достоверны). Полученные результаты подтверждают гипотезу исследования, что для повышения уровня физических качеств обучающихся на примере игрового вида регби учет сенситивного периода их развития является оптимальным условием в рамках регионального компонента основного общего образования (рис. 3) [Баженов и др., 2022].

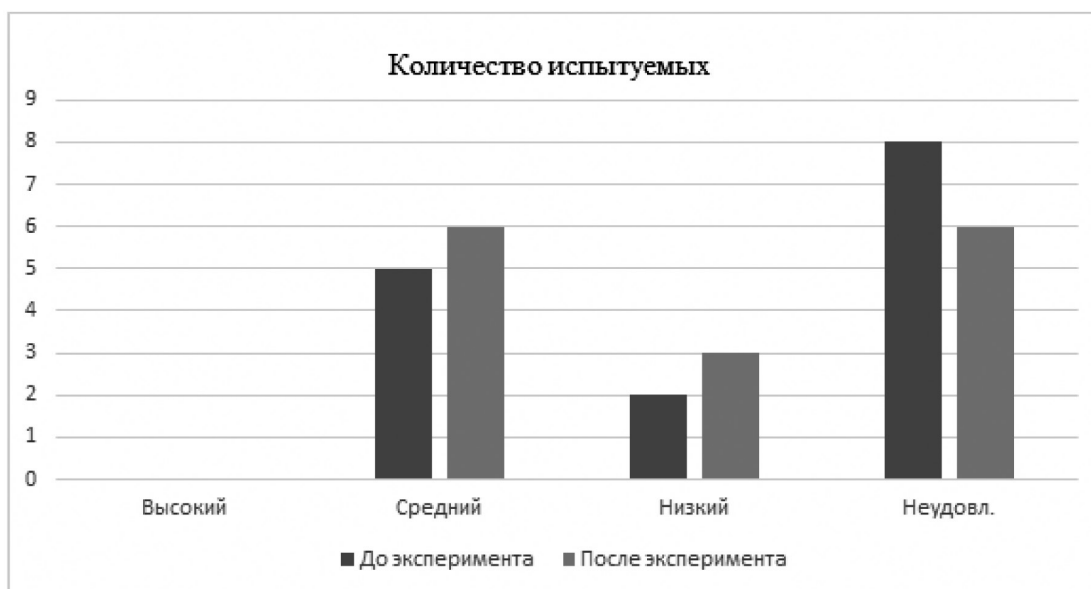

Рис. 2. Показатели уровня развития физических качеств испытуемых в контрольной группе на окончание исследования
 Fig. 2. Indicators of the level of physical qualities development among subjects in the control group at the end of the study

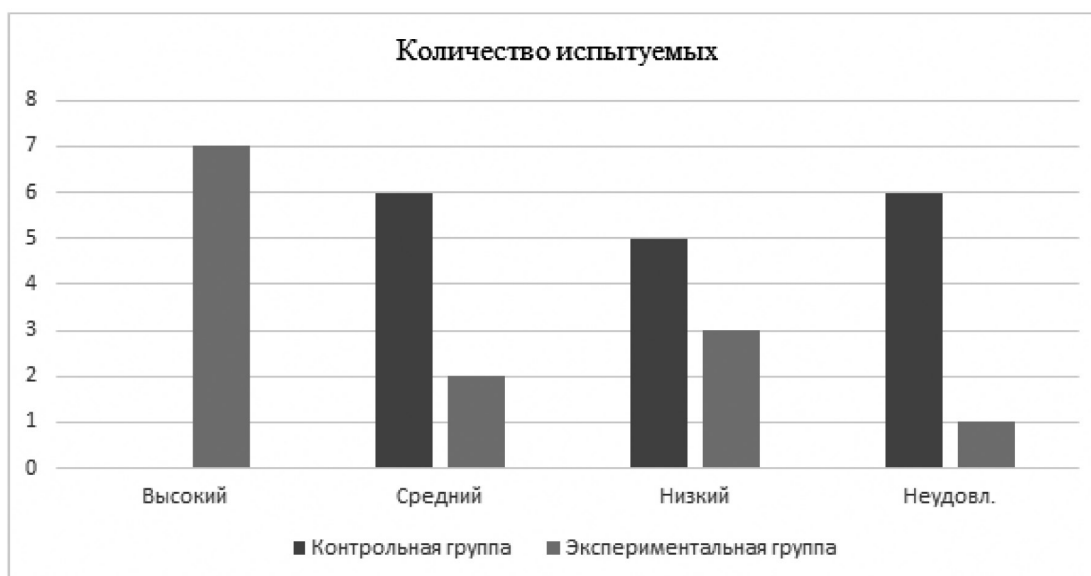

Рис. 3. Результаты отличительных особенностей в уровне развития физических качеств испытуемых в группах на окончание исследования
 Fig. 3. Results of distinctive features in the level of physical qualities development among subjects in groups at the end of the study

В соответствии с полученными данными в работе можно говорить о динамике формирования востребованных в современном обществе физических качеств обучающихся. Результаты исследования показывают эффективность разработанного программно-методического обеспечения.

Заключение. Анализ полученных данных в соответствии с поставленной целью опытно-экспериментальной работы показал, что динамика развития физических качеств обучающихся, занимающихся регби, находится в прямой зависимости от их возраста. Следует добавить, что определяющее значение в вопросах

формирования личности обучающихся имеет профессиональный опыт педагога, усилия которого направлены на поиск оптимальных форм и методов взаимодействия с субъектами обучения [Феномен..., 2018; Kennerstedt, 2019]. Полученные результаты исследования могут оказать неоценимую помощь педагогам в возможности подбирать средства и методы физического воспитания обучающихся в соответствии с их возрастом. Альтернативный подбор оптимальных способов и форм организации занятий по физической культуре у обучающихся обеспечит вариативность предложенных методик в области образования.

Библиографический список

1. Баженов С.С. Организация условий физического воспитания юных регбистов с учетом возрастного периода их развития // Адаптация детей и молодежи к современным социально-экономическим условиям на основе здоровьесберегающих технологий: матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. / Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2022. С. 50–51.
2. Баженов С.С., Савчук А.Н., Ситников Ю.Е. Развитие физических качеств школьников 9–14 лет средствами регби // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 50–61.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
4. Гафиатуллин И.М. Совершенствование общей физической подготовки боксеров 10–11 лет // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием / Поволжская гос. акад. физической культуры, спорта и туризма. Казань, 2019. Т. 2. С. 568–570.
5. Губа В.П., Булыкина Л.В., Ачкасов Е.Е. Сенситивные периоды развития детей. Определение спортивного таланта: монография. М.: Спорт, 2021. 176 с.
6. Губа В.П., Маринич В.В. Теория и методика современных спортивных исследований: монография. М.: Спорт, 2016. 232 с.
7. Иорданская Ф.А. Ранняя спортивная подготовка детей 6–10 лет (допуск по состоянию здоровья, отбор в вид спорта, факторы риска, адаптация к нагрузкам, профилактика): монография. М.: Спорт, 2024. 116 с.
8. Колочкова Е.Р., Коротаева М.Ю. Основы спортивной подготовки детей и подростков // Образовательный альманах. 2021. № 12 (50). С. 48–50.
9. Потенциал физической культуры и спорта в воспитании и развитии школьников (в аспекте личностного развития): монография / С.А. Хазова [и др.]. Краснодар: КГУФКСТ, 2020. 184 с.
10. Современные инновационные технологии в физическом воспитании школьников: монография / К.К. Марков [и др.]. Иркутск, 2020. 169 с.
11. Феномен сенситивности в тренировочном процессе юных спортсменов / В.А. Сальников [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 6 (160). С. 211–214.
12. Behzadnia, B. (2021). The relations between students' causality orientations and teachers' interpersonal behaviors with students' basic need satisfaction and frustration, intention to physical activity, and well-being. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 6 (26), 613–632. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849085

13. Burgueno, R., García-González, L., Abos, A., & Sevil-Serrano, J. (2022). Students' motivational experiences across profiles of perceived need-supportive and need-thwarting teaching behaviors in physical education. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 1–15. DOI: 10.1080/17408989.2022.2028757
14. Deng, A., Zhang, T., & Chen, A. (2020). Challenges in learning aerobic and anaerobic concepts: an interpretative understanding from the cognitive load theory perspective. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 26, 633–648. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849595
15. Godman, H. (2020). Regular exercise changes the brain to improve memory, thinking skills. *Harvard Health Letter*. URL: <https://www.brainmedics.com/2020/09/06/regular-exercise-changes-the-brain-to-improve-memory-thinking-skill/> (access date: 12.02.2025).
16. Kennerstedt, M. (2019). Physical education and the art of teaching: Transformative learning and teaching in physical culture and sports pedagogy. *Sport, Education and Society*, 24 (6), 611–623. DOI: 10.1080/13573322.2019.1574731
17. Leo, F.M., Muratidis, A., Pulido, J.J., Lopez-Gajardo, M.A., & Sanchez-Oliva, D. (2020). Perceived teachers' behavior and students' engagement in physical education: the mediating role of basic psychological needs and self-determined motivation. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 1–18. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/cpes20/27/1> (access date: 17.12.2023).

DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES AMONG SECONDARY SCHOOL STUDENTS BY MEANS OF RUGBY

S.S. Bazhenov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article considers the game sport of rugby as a means of physical education of students within the framework of the regional component of basic general education. The basis of the process of physical education among schoolchildren is software and methodological support, developed taking into account the sensitive period of personality development.

The purpose of the article is to prove the validity of the developed software and methodological support for physical education of school students by means of rugby within the framework of the regional component in order to find optimal means and methods of organizing the process of formation of physical qualities of a student.

Methodology (materials and methods). The research methodology includes analysis of the works of modern authors on the theory of physical education (B.A. Ashmarin, V.K. Balsevich, S.V. Barbashov, L.I. Lubysheva, V.P. Lukyanenko, V.I. Lyakh, A.P. Matveev, G.N. Satirov and others.). These works made it possible to summarize pedagogical information on the issues of physical education of students. The work is based on research methods – analysis, synthesis and generalization of the data obtained within the framework of experimental work.

Research results. The data obtained in experimental work allow us to conclude that, in accordance with the theory of the sensitive period of personality development, the formation of physical qualities is directly dependent on the age characteristics of students. The data obtained confirm that the optimal development of physiological characteristics of a personality is also directly dependent on professional experience of a teacher in finding the most rational forms of pedagogical interaction with the student. The data obtained based on the results of the experimental work were implemented in the practice of sports training of the Krasnoyarsk youth rugby team.

Conclusion. The practical significance of the study lies in the fact that the data contained in the work can be used in the practice-oriented work of teachers in the organization of the process of physical education of students within the framework of the regional component of basic general education. In addition, the determining factor in the study is the presence of traditional approaches in the process of educating students, the choice of means and methods of organizing pedagogical interaction focused on variability in learning. The work includes material that is the basis for application in educational practice in the field of physical education, which will ensure the achievement of qualitative characteristics of an individual in the implementation of software and methodological support.

Keywords: *sensitive period, physical education, school students, rugby, software and methodological support.*

Bazhenov, Sergey S. – external PhD Student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1552-600X>; e-mail: bagenov06@mail.ru

References

1. Bazhenov, S.S. (2022, October 28). Organization of conditions of physical education of young rugby players, taking into account the age period of their development. In: *Adaptation of children and youth to modern socio-economic conditions on the basis of health-saving technologies* (pp. 50–51). The 9th All-Russian Scientific and Practical Conference, Khakass State University named after N.F. Katanov. Abakan, Russia.
2. Bazhenov, S.S., Savchuk, A.N., & Sitnikov, Yu.E. (2022). Development of physical qualities of 9–14-year-old schoolchildren by means of rugby. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]. 3 (61), 50–61.
3. Vygotskiy, L.S. (1991). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational Psychology]. Moscow.
4. Gafiattullin, I.M. (2019, April 26). Improvement of the general physical training of 10–11-year-old boxers. In: *Actual problems of the theory and practice of physical culture, sports and tourism* (Vol. 2, pp. 568–570). The 7th All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Graduate

- Students, Undergraduates, and Students with International Participation, Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism. Kazan, Russia.
5. Guba, V.P., Bulykina, L.V., & Achkasov, E.E. (2021). *Sensitivnye periody razvitiya detey. Opredelenie sportivnogo talanta* [Sensitive periods of children's development. Definition of sports talent]. Moscow.
 6. Guba, V.P., & Marinich, V.V. (2016). *Teoriya i metodika sovremennykh sportivnykh issledovaniy* [Theory and Methodology of Modern Sports Research]. Moscow.
 7. Iordanskaya, F.A. (2024). *Rannyyaya sportivnaya podgotovka detey 6–10 let (dopusk po sostoyaniyu zdorov'ya, otbor v vid sporta, faktory riska, adaptatsiya k nagruzkam, profilaktika)* [Early sports training for 6–10-year-old children (admission for health reasons, selection for a sport, risk factors, adaptation to loads, prevention)]. Moscow.
 8. Kolochkova, E.R., & Korotaeva, M.Y. (2021). Fundamentals of sports training for children and adolescents. *Obrazovatelnyy almanakh* [Educational Almanac], 12 (50), 48–50.
 9. Khazova, S.A., Dvorkina, N.I., Trofimova, O.S., Onchukova, E.I., & Bguashev, A.B. (2020). *Potentsial fizicheskoy kultury i sporta v vospitanii i razvitii shkolnikov (v aspekte lichnostnogo razvitiya)* [The potential of physical culture and sports in the education and development of schoolchildren (in the aspect of personal development)]. Krasnodar.
 10. Markov, K.K., Kudryavtsev, M.D., Kopylov, Yu.A., & Lampetova, T.D. (2020). *Sovremennyye innovatsionnyye tekhnologii v fizicheskom vospitanii shkolnikov* [Modern Innovative Technologies in Physical Education of Schoolchildren]. Irkutsk.
 11. Salnikov, V.A., Kaysin, A.S., Suvorov, V.O., & Alimzhanov, A.E. (2018). The phenomenon of sensitivity in the training process of young athletes. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft], 6 (160), 211–214.
 12. Behzadnia, B. (2021). The relations between students' causality orientations and teachers' interpersonal behaviors with students' basic need satisfaction and frustration, intention to physical activity, and well-being. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 6(26), 613–632. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849085
 13. Burgueno, R., García-González, L., Abos, A., & Sevil-Serrano, J. (2022). Students' motivational experiences across profiles of perceived need-supportive and need-thwarting teaching behaviors in physical education. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 1–15. DOI: 10.1080/17408989.2022.2028757
 14. Deng, A., Zhang, T., & Chen, A. (2020). Challenges in learning aerobic and anaerobic concepts: an interpretative understanding from the cognitive load theory perspective. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 26, 633–648. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849595
 15. Godman, H. (2020). Regular exercise changes the brain to improve memory, thinking skills. *Harvard Health Letter*. URL: <https://www.brainmedics.com/2020/09/06/regular-exercise-changes-the-brain-to-improve-memory-thinking-skill/> (access date: 12.02.2025).
 16. Kennerstedt, M. (2019). Physical education and the art of teaching: Transformative learning and teaching in physical culture and sports pedagogy. *Sport, Education and Society*, 24 (6), 611–623. DOI: 10.1080/13573322.2019.1574731
 17. Leo, F.M., Muratidis, A., Pulido, J.J., Lopez-Gajardo, M.A., & Sanchez-Oliva, D. (2020). Perceived teachers' behavior and students' engagement in physical education: the mediating role of basic psychological needs and self-determined motivation. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 1–18. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/cpes20/27/1> (access date: 17.12.2023).

УДК 377

ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.А. Ключникова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В настоящее время компетентностный подход является одним из ключевых в системе непрерывного образования, так как в его основе лежит формирование у обучающихся конкретных знаний, умений и навыков, что необходимо для реализации профессиональной деятельности.

Вопросы научного исследования профессиональных компетентностей и компетенций представляются актуальными для исследователей различных отраслей научного знания, в том числе по причине отсутствия в научной среде единого подхода к определению дефиниций «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность». Кроме того, в настоящее время не обнаружены научные исследования сущностной характеристики указанных понятий в контексте непрерывного профессионального образования взрослых.

Цель статьи – обобщить подходы к определениям понятий, проанализировать сущность терминов «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» с учетом специфики непрерывного профессионального образования.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются компетентностный и акмеологический подходы, которые предполагают фокусирование исследования на формировании профессиональных компетенций специалистов с целью повышения их профессионального мастерства. Автором использованы теоретические методы исследования: обзор, обобщение и анализ существующих дефиниций понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность», представленных в научно-исследовательских работах отечественных и зарубежных исследователей; систематизация ключевых подходов к определению указанных понятий и их интерпретация применительно к непрерывному профессиональному образованию.

Результаты исследования. Ввиду отсутствия в научных исследованиях единого мнения по вопросу определения понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» проанализированы основные подходы к трактовке указанных понятий (с учетом их взаимосвязи), применимые в контексте непрерывного профессионального образования, а также сформулированы авторские дефиниции понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность».

Заключение. Предложенные в статье авторские определения понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» могут быть использованы для конкретизации данных понятий в научных исследованиях процесса непрерывного профессионального образования, а также в рамках разработки дополнительных профессиональных образовательных программ, направленных на развитие профессиональных компетенций и/или на повышение уровня компетентности работников реального сектора экономики Российской Федерации.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, профессиональная компетенция, профессиональная компетентность, обучение взрослых, андрагогика.

Ключникова Анна Алексеевна – аспирант, Российский новый университет (Москва); SPIN-код: 9935-4030; ORCID 0009-0001-7587-7435; e-mail: A2752908@yandex.ru

Постановка проблемы. В условиях экономических реформ, реализуемых в настоящее время в Российской Федерации в целях укрепления равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества с дру-

жественными странами значительно возрастает важность формирования профессиональных компетенций и компетентностей специалистов, способных эффективно участвовать в межкультурной профессиональной интеграции.

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751, подчеркивается, что она отражает интересы граждан многонационального Российского государства и призвана создать в стране условия для всеобщего образования населения, обеспечить реальное равенство прав граждан и возможность каждому повышать образовательный уровень в течение всей жизни. В числе основных целей и задач указано, что Доктрина должна обеспечить формирование у детей, молодежи, других категорий граждан трудовой мотивации, активной жизненной и профессиональной позиции, обучение основным принципам построения профессиональной карьеры и навыкам поведения на рынке труда; непрерывность образования в течение всей жизни человека; многообразие типов и видов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию образования, личностно ориентированное обучение и воспитание; подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий.

Реализация непрерывного образования граждан Российской Федерации возможна лишь при условии комплексного подхода, предполагающего сотрудничество между различными участниками образовательного процесса: образовательными организациями, работодателями, государственными структурами и общественностью. Согласованная работа этих субъектов позволяет создавать эффективные программы дополнительного профессионального образования (ДПО), соответствующие запросам рынка труда и социальным ожиданиям граждан. Учитывая стремительные изменения рынка труда, проблема обеспечения россиянам возможности получения качественного, конкурентоспособного непрерывного образования представляется особенно актуальной. В настоящее время компетентностный подход является ключевым

в системе непрерывного профессионального образования, так как он позволяет обеспечить формирование у обучающихся конкретных умений, навыков, знаний, ценностных ориентиров, опыта и компетенций, необходимых для осуществления взрослым населением страны профессиональной деятельности на высоком качественном, конкурентоспособном уровне.

Термин «компетентностный подход» появился в отечественной педагогике в 1990-х гг. и в конце 1990-х – начале 2000-х гг. закрепился как педагогический термин благодаря работам таких ученых, как В.И. Блинов, В.С. Леднев, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и др.

Начиная с 2010 г. и по настоящее время представители педагогических наук, а также исследователи в таких областях, как психология труда, экономика, социология, менеджмент и др., разрабатывают варианты авторских определений понятий «компетентность» и «компетенция», классифицируют явления, описываемые ими, разрабатывают вопрос соотношения компетенций (как набора определенных навыков) и компетентности (как способности решать задачи, требующие владения определенным набором знаний, умений и навыков (далее – ЗУН)).

Однако до сих пор в научной среде отсутствует единый подход к определению понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность». Кроме того, в настоящее время не обнаружено научных работ, в рамках которых рассматривается сущностная характеристика дефиниций «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» в контексте непрерывного профессионального образования.

Цель статьи – обобщить подходы к определению понятий, проанализировать сущность терминов «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» с учетом специфики непрерывного профессионального образования.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются компетентностный и акмеологический подходы, которые предполагают фокусирование иссле-

дования на формировании профессиональных компетенций специалистов с целью повышения их профессионального мастерства. Автором использованы теоретические методы исследования: обзор, обобщение и анализ существующих дефиниций понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность», представленных в научно-исследовательских работах отечественных и зарубежных исследователей; систематизация ключевых подходов к определению указанных понятий и их интерпретация применительно к непрерывному профессиональному образованию.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа и обобщения работ отечественных и зарубежных ученых в области педагогики, социологии, медицины, экономики и философии (Щедровицкий, 2003; Спенсер, Спенсер, 2005; Зимняя, 2014; Маликов, 2015; Цупикова, 2016; Туганска, 2016; Вербицкий, 2017; Хуторской, 2017; Зеер, 2019); [Лю, Петелин, 2020; Игрунова, Сучкова, 2023; Биксултанова, 2024; Морозова, Юров, 2024; Новоселова, 2024; Сытник, 2024]. На основе научного анализа работ этих и ряда других авторов был выделен комплекс обобщенных подходов к определению дефиниций «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность».

Результаты исследования. По результатам проведенного анализа, систематизации и обобщения научных исследований, близких по тематике к данной статье, было установлено, что понятие «профессиональная компетенция» рассматривается учеными следующим образом.

1. Совокупность ЗУН, необходимых для выполнения определенных задач или осуществления деятельности. Это узкое понимание профессиональной компетенции, которое акцентирует внимание на конкретных результатах обучения и готовности применять знания на практике (Маликов, 2015; Хуторской, 2017); [Морозова, Юров, 2024; Новоселова, 2024; Потанина, 2024; O'Donovan et. al., 2024];

2. Комплексная готовность действовать в различных ситуациях. Это более широкое определение, включающее в себя не только когни-

тивные аспекты (знания), но и личностные качества, такие как ответственность, способность к самоорганизации, критическое мышление и другие социально значимые характеристики (Азимов, Щукин, 2009); [Божко, Ильнер, 2019; Лю, Петелин, 2020; Глущенко, 2024; Лухменева, Кузьменкова, 2024; Grief, Yogarapan, 2023];

3. Динамическое качество личности, связанное с опытом и контекстом применения ЗУН [Сытник, 2024; Кадиров, Узаков, 2024; Aftab et al., 2024]. Это означает, что компетенция может изменяться со временем и зависеть от условий, в которых она проявляется.

Аналогичная ситуация отсутствия единого подхода была выявлена и при анализе дефиниции «профессиональная компетентность».

1. Обладание определенным набором компетенций, достаточных для успешного выполнения профессиональных обязанностей или решения жизненных задач (Горб, 2018; Ефремова, 2007; Зимняя, 2014; Маликов, 2015; Серов, 2019). Это понятие подчеркивает результативность действий индивида в конкретной области.

2. Интегративное свойство личности, включающее не только профессиональные навыки, но и ценностные ориентации, мотивацию, эмоциональную устойчивость и социальную адаптированность (Щедровицкий, 2003; Норимова, Абдуразакова, 2013; Цупикова, 2016; Хуторской, 2017); [Новоселова, 2024; Mendell et al., 2024]. Такой подход делает акцент на целостном развитии личности.

3. Уровень владения компетенциями, то есть степень соответствия требованиям профессиональной деятельности или реализуемой образовательной программы (Спенсер, Спенсер, 2005; Базаров, 2011); [Биксултанова, 2024; Smaldone et al., 2024]. Этот подход позволяет оценивать уровень проявления сформированности профессиональной компетентности.

Таким образом, определения понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» различаются по следующим параметрам:

– по широте охвата (ряд определений сфокусированы на конкретных ЗУНа либо на

владении конкретными ЗУН, в то время как другие определения, помимо ЗУН, включают такие компоненты, как опыт и личностные качества);

– по динамике развития (одни определения характеризуют профессиональные компетенции/компетентность статичностью, другие предполагают их развитие, в том числе в зависимости от контекста);

– по уровню интеграции когнитивных, эмоциональных и социальных компонентов (одни определения характеризуются исключительной приоритетностью знаниевой составляющей, другие устанавливают приоритет на личностных и профессиональных характеристиках специалиста);

– по уровню владения специалистом профессиональной компетенцией/компетентностью (определения могут включать в себя оценку уровня владения профессиональными компетенцией или компетентностью, что позволяет использовать эти понятия в образовательных стандартах и системах оценивания).

Учитывая разнообразие и разноплановость полученной информации, мы сочли перспективным и продуктивным систематизировать исследуемые понятия в логике ведущих методологических подходов, принимая во внимание также и то, что понятия «профессиональная компетентность» и «профессиональная компетенция» в научной литературе трактуются по-разному в зависимости от контекста и области исследований. В качестве основных для анализа были определены подходы, связанные с компетентностным.

1. Функциональный подход.
2. Личностно ориентированный.
3. Коммуникативный.
4. Контекстуальный.
5. Процессный.
6. Интегральный (комплексный) [Серов, 2019].

Определения понятий «профессиональная компетентность» и «профессиональная компетенция» с позиций предложенных подходов, а также основные черты, характеризующие указанные понятия и соответствующие примеры, представлены в таблице.

**Основные подходы к определению понятий
«профессиональная компетентность» и «профессиональная компетенция»**

**Essential approaches to defining the concepts
of 'professional expertise' and 'professional competence'**

№	Подход	Компетентность	Компетенция
1	2	3	4
1	Функциональный	1.1. Определение	
		Способность выполнять определенные профессиональные функции или задачи на высоком уровне	Набор характеристик индивида, необходимых для выполнения им определенных функций или видов деятельности
		1.2. Основные черты	
		Акцент на навыках и умениях, необходимых для успешной реализации деятельности в определенной профессиональной сфере	Акцент на конкретных ЗУН. Приоритетное значение результатов обучения и профессиональной деятельности. Взаимосвязь между формируемыми компетенциями и требованиями рынка труда
		1.3. Пример	
		Профессиональные стандарты специалистов, определяющие комплексный набор компетенций, необходимых для выполнения той или иной профессиональной деятельности	Для специалиста подразделения информационных технологий важными компетенциями будут владение языками программирования, умение разрабатывать программные алгоритмы и проводить тестирование программного обеспечения

Продолжение табл.

1	2	3	4
2	Личностно-ориентированный	2.1. Определение	
		Комплекс личностных качеств и ценностей индивида, определяющих его поведение в различных ситуациях	Характеристика личности, включающая в себя наряду с профессиональными навыками личностные качества, ценности и установки
		2.2. Основные черты	
		Способность человека действовать, в том числе принимать решения, в соответствии с внутренними моральными принципами и ценностными убеждениями. Приоритет данного подхода в профессиональных областях, предполагающих высокую степень ответственности и этичности, например в медицине, образовании, юриспруденции	Важность мотивации, ответственности и других ценностно-смысловых личностных качеств человека. Учет уровня социальной адаптации и взаимодействия человека в коллективе
3	Коммуникативный	2.3. Пример	
		Важным проявлением компетентности психолога будут умение выстраивать доверительные отношения с пациентами, уважительно относиться к их жизненному опыту, способность индивидуально подбирать пути решения возникающих проблем и запросов	Для педагогического работника важно не только владение профессиональными знаниями (знаниями предмета преподавания), но и умение объяснять изучаемый материал в соответствии с уровнем подготовки обучающихся, подбирать методы преподавания в соответствии с индивидуальными особенностями обучающихся/коллектива обучающихся
		3.1. Определение	
3	Коммуникативный	Обобщающее коммуникативное свойство личности, проявляющееся в способности выстраивать эффективное взаимодействие с другими людьми, в том числе проведение деловых переговоров, минимизация возникновения конфликтных ситуаций, умение сотрудничать, координировать совместные усилия в командной работе	Знание культурных норм, принятых традиций, этикета, свободная ориентация в средствах коммуникации, присущих определенному национальному менталитету, выражающаяся в рамках определенной профессиональной сферы
		3.2. Основные черты	
		Способность человека давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, планировать процесс общения и управлять им	Умение применять различные коммуникационные средства для достижения поставленных коммуникационных целей. Приоритетное значение процессов взаимодействия и взаимопонимания (эмпатия, навык активного слушания и т.п.). Взаимосвязь между компетенциями и условиями успешной профессиональной интеграции
		3.3. Пример	
3	Коммуникативный	Проявление специалистом коммуникативности, представляющей собой способность к успешному социальному взаимодействию и налаживанию профессиональных контактов (вне зависимости от профессиональной сферы деятельности)	Для клиентского менеджера важно обладать навыком ведения деловых переговоров, разрешения конфликтных ситуаций, умение выстраивать долгосрочные отношения

Продолжение табл.

1	2	3	4
4	Контекстуальный	4.1. Определение	
		Способность комплексно применять ЗУН и жизненный опыт в соответствии с условиями конкретной ситуации (контекста)	ЗУН, применяемые в конкретном профессиональном контексте
		4.2. Основные черты	
		Приоритетное значение способности адаптироваться к различным задачам, условиям, ситуациям. Акцент на контекстуальной применимости ЗУН. Взаимосвязь формируемой компетентности с требованиями реальной жизни	Вариации проявления одной и той же компетенции зависят от ситуации. Требуются гибкость и адаптация к быстро изменяющимся условиям окружающей среды
		4.3. Пример	
		Способность журналиста быстро ориентироваться в незнакомой информационной среде, интерпретировать освещаемые события согласно социальному, культурному, политическому контексту	Умение/навык проектного менеджера управлять проектами в условиях неопределенности с учетом экономических условий, особенностей рынка и корпоративной культуры организации
5	Процессный	5.1. Определение	
		Степень владения полученными ЗУН в целях реализации определенных профессиональных функций, в том числе готовность совершенствовать данные ЗУН в ходе профессиональной деятельности	Профессиональные ЗУН с позиции процесса их формирования и дальнейшего развития
		5.2. Основные черты	
		Процесс формирования компетентности включает в себя обучение, применение ЗУН на практике, саморазвитие и самосовершенствование. Обучение на протяжении всей жизни и непрерывная актуализация ЗУН являются неотъемлемой частью компетентности. Приоритет практических навыков и профессионального опыта над теоретическими знаниями в оценке уровня сформированной компетентности	Формирование компетенции в результате обучения и накопления жизненного/ профессионального опыта
		5.3. Пример	
		Важным аспектом компетентности метеоролога является не только понимание климатических моделей и знания теории метеорологии, но и готовность расширять свои знания в области новых методов моделирования атмосферных явлений, прогнозирования погоды и анализа прочих метеорологических данных, а также умение применять полученные знания на практике	Приобретение новых компетенций обучающимися посредством их участия в практических занятиях, решения кейсовых задач, стажировок на предприятиях, в ходе реализации проектов

Окончание табл.

1	2	3	4
6	Интегральный (комплексный) подход	6.1. Определение	
		Комплексное явление, включающее в себя знания, навыки, ценности, жизненный и профессиональный опыт, а также личные качества индивида	Сложная структура, состоящая из нескольких взаимосвязанных элементов и объединяющая в себе функциональные и личностные аспекты
		6.2. Основные черты	
		Позволяет оценить общую готовность человека к выполнению сложных и многогранных задач, требующих сочетания различных компетенций. Приоритетное значение системного подхода в образовании, охватывающего все ключевые аспекты жизнедеятельности. Соответствие формируемой компетентности требованиям, предъявляемым окружающей действительностью	Интеграция когнитивных, эмоциональных и социальных аспектов. Учет жизненного/профессионального опыта и контекста применения знаний. Динамический характер компетенции, зависящий от изменений внешней среды и личного роста
6.3. Пример			
		Компетентность преподавателя высшей школы состоит из глубоких предметных знаний и педагогических навыков, а также включает в себя готовность к непрерывному профессиональному развитию, способность адаптироваться к меняющимся образовательным требованиям и социальному заказу общества	Пожарный должен обладать не только знаниями и навыками пожаротушения, но и знаниями по технике безопасности, навыками оказания первой медицинской помощи, способностью принимать решения в сложных ситуациях, уметь работать в команде.

Учитывая, что дефиниции «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» могут иметь различные содержательные характеристики, необходимо определить указанные понятия в контексте непрерывного (life-long learning), в том числе дополнительного профессионального образования (additional professional education), следующим образом. Профессиональная компетенция – это целостная совокупность профессиональных знаний, умений, навыков, практического опыта, «мягких» навыков (soft-skills), а также личностных качеств индивида (ответственность, способность стратегически мыслить, принимать важные решения и т.п.), необходимых для эффективного выполнения работником конкретных производственных задач в соответствии с занимаемой должностью.

Профессиональная компетентность – это владение работником профессиональными компетенциями, включающее в себя способность применять, развивать и совершенствовать их в ходе практической профессиональной деятельности, а также посредством специального обучения.

Заключение. Понятия «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» имеют ключевое значение в вопросах реализации компетентностного подхода в условиях непрерывного профессионального образования. Несмотря на частое использование данных терминов как взаимозаменяемых, их семантические оттенки существенно различаются.

Кроме того, понимание разницы между значениями понятий «профессиональная компетенция» и «профессиональная компетентность» имеет важное практическое значение, поскольку помогает специалистам лучше осознать свои сильные профессиональные стороны, а также зоны профессионального роста. Осознание своих компетенций дает специалисту возможность сосредоточиться на их дальнейшем развитии, тогда как оценка собственной компетентности позволяет специалисту определить, насколько эффективно им применяются имеющиеся профессиональные знания, умения и навыки в реальной профессиональной ситуации.

Библиографический список

1. Биксултанова К.Э. Теоретические аспекты категории компетентности // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф., Пенза, 10–11 июня 2024 г. Пенза: Пенз. гос. аграрный ун-т, 2024. С. 20–23. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68481750> (дата обращения: 17.12.2024).
2. Божко Е.М., Ильнер А.О. Компетентностный подход в России и за рубежом: исторические и теоретические аспекты // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 1. Ст. 38. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN119.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).
3. Глушченко М.А. Проблема определения понятия компетенции в современной науке // Научные открытия: междисциплинарные аспекты: матер. Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 20 января 2024 г. М.: Доброе слово и Ко, 2024. С. 699–708. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67884395> (дата обращения: 17.12.2024).
4. Игрунова О.М., Сучкова А.Ю. Разработка компетентностного профиля маркетологов, востребованного работодателем // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 62–80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54523828> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Кадиров Ж.Р., Узиков О.Х. Компетенция как установка на формирование личностных качеств и профессионально-деятельностных характеристик // Образование и культура как фактор развития региона: матер. XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Тобольск, 24 ноября 2024 г. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 155–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67311249> (дата обращения: 15.12.2024).
6. Лухменева А.С., Кузьменкова О.В. Компетентностный подход: историко-хронологический анализ // Современный учитель: профессиональная компетентность и социальная значимость: матер. III Междунар. науч.-практ. конф., Донецк, 27 июня 2024 г. Донецк: Донец. гос. ун-т, 2024. С. 178–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68550534> (дата обращения: 20.12.2024).
7. Лю Б., Петелин А.С. Толкование понятий «компетенция» и «компетентность» в научной литературе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 29–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43153689> (дата обращения: 20.12.2024).
8. Морозова Е.А., Юров А.А. Компетенции и компетентность работников: общее и особенное // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1 (41). С. 52–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65443521> (дата обращения: 18.12.2024).
9. Новоселова А.Е. Профессионально-педагогическая компетентность педагога профессиональной школы // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: сб. матер. XI Всерос. науч.-практ. конференции, Евпатория, 11–12 апреля 2024 г. Симферополь: Ариал, 2024. С. 17–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68498128> (дата обращения: 10.12.2024).
10. Потанина М.В. Компетентностный подход в подготовке специалистов // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: матер. межвуз. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 15 декабря 2023 г. Новосибирск: Новосиб. гос. аграрный ун-т, 2024. С. 212–215. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68562575> (дата обращения: 25.12.2024).
11. Серов В.М. Компетентностный подход в профессиональном образовании, или В противоречии с наукой о труде // Вестник университета. 2019. № 10. С. 42–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41383079> (дата обращения: 15.12.2024).
12. Сытник А.А. Современные технологии развития компетенций персонала // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 1 (150). С. 109–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67317698> (дата обращения: 20.12.2024).

13. Aftab, A., Sadler, J.Z., Kious, B.M., & Waterman, G.S. (2024). Conceptual competence in psychiatric training: building a culture of conceptual inquiry. *BJPsych Bulletin*, 1–6. Advance online publication. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/CE034BBF-CE7AD60A2F60E7FCB1BA6114/S2056469424000123a.pdf/conceptual-competence-in-psychiatric-training-building-a-culture-of-conceptual-inquiry.pdf> (access date: 20.12.202).
14. O'Donovan, S., Scully, S., Donnellan, A., & Ryan, L. (2024). Digital competency in nutrition education – an educator's perspective. *Proceedings of the Nutrition Society*, 83(OCE4), E462. DOI: 10.1017/S0029665124007006
15. Grief, C.J., & Yogaparan, T. (2023). FC8: Revising competencies in geriatrics for Canadian medical students: adding a mental health perspective. *International Psychogeriatrics*, 35 (S1), 70–71. DOI: 10.1017/S1041610223001060
16. Kuntasa, T., & Lirn, T.C. (2024). A conceptual model of autonomous ship remote operators' competency. *Journal of Navigation*, 76(6), 653–674. DOI: 10.1017/S0373463324000055
17. Mendell, A.M., Knerich, V., Ranwala, D., Jones, C.T., Piechowski, P., Striley, C.W., & Cross, J.E. (2024). Team science competencies across the career life course for translational science teams. *Journal of Clinical and Translational Science*, 8 (1), e111. DOI: 10.1017/cts.2024.494
18. Smaldone, F., Ippolito, A., Lager, J., & Pellicano, & M. (2022). Employability skills: Profiling data scientists in the digital labour market. *European Management Journal*, 40 (5), 671–684. DOI: 10.1016/j.emj.2022.05.005

THE CONCEPTS OF ‘PROFESSIONAL COMPETENCE’ AND ‘PROFESSIONAL COMPETENCY’ IN THE CONTEXT OF LIFE-LONG CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION

A.A. Kliuchnikova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Currently, the competence-based approach is essential in the system of life-long education, mostly because it is based on the formation of students’ specific knowledge, skills and abilities that are necessary for the implementation of professional activities.

The issues of scientific study of professional competency (expertise) and professional competence seem to be relevant for researchers in various fields of scientific knowledge. Besides, there is the lack of a unified scientific approach to the definition of the concepts of ‘professional competence’ and ‘professional competency’. Considering that, the article analyzes scientific research on the essential characteristics of these concepts in the context of continuing professional adult education.

The purpose of the article is to summarize approaches to definitions of concepts, to analyze the essence of the terms ‘professional competency’ and ‘professional competence’, taking into account the specifics of life-long professional education.

Methodology (materials and methods). The methodological approaches of the research are competence-based and acmeological approaches, which involve focusing research on the formation of professional competencies of specialists in order to improve their professional skills. The author uses theoretical research methods, such as an overview, generalization and methodological analysis of the existing definitions of the concepts ‘professional competence’ and ‘professional competency’ presented in research papers by foreign and Russian researchers, the systematization of key approaches to the definition of these concepts and interpretation of these terms in relation to continuing professional education.

Research results. Due to the lack of a unified approach to the definition of the concepts of ‘professional competence’ and ‘professional competency’ in scientific research, the main approaches to the interpretation of these concepts (taking into account their interrelationship) have been developed that are applicable in the context of continuing professional education, as well as the author’s definitions of the concepts of ‘professional competence’ and ‘professional competency’.

Conclusion. The author’s definitions of the concepts ‘professional competence’ and ‘professional competency’ proposed in the research can be used for the theoretical specification of these concepts in the future scientific studies of the process of life-long professional education, as well as in the framework of the formation of educational programs aimed at developing professional competences and/ or improving the level of competency among workers in the real sector of the economy of the Russian Federation.

Keywords: *continuing professional education, life-long professional education, professional competence, professional competency, adult education, andragogy.*

Kliuchnikova, Anna A. – PhD Candidate, the Autonomous Non-profit Organization of Higher Education Russian New University (Moscow, Russia); SPIN-код: 9935-4030, ORCID 0009-0001-7587-7435, e-mail: A2752908@yandex.ru

References

1. Biksultanova, K.E. (2024, June 10–11). Theoretical aspects of the competency category. In: S.S. Pashkovskaia, A.V. Dunaeva (Eds), *Aktualnye problemy lingvistiki, yazykoznaniiya, psikhologii* [Actual problems of linguistics, linguistics, psychology] (pp. 20–23). The 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza State Agrarian University, Penza, Russia.
2. Bozhko, E. M., & Ilner, A.O. (2019). Competence-based approach in Russia and abroad: historical and theoretical aspects. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Pedagogy and Psychology], 7 (1), 38. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN119.pdf> (access date: 26.02.2024).

3. Glushchenko, M.A. (2024, January 20). The problem of defining the concept of competency in modern science. In: N.V. Reshetnikova (Eds.), *Nauchnye otkrytiya: mezhdistsiplinarnye aspekty* [Scientific discoveries: interdisciplinary aspects] (pp. 699–708). International Scientific and Practical Conference, Saratov, Russia.
4. Igrunova, O.M., & Suchkova, A.Yu. (2023). Development of the competence profile of marketers demanded by employers. *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Socio-Humanitarian Research], 3 (39), 62–80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54523828> (access date: 30.11.2024).
5. Kadirov, Zh.R., & Uzakov, O.Kh. (2024, November 24). Competency as an attitude towards the formation of personal qualities and professional activity characteristics. In: T.A. Iarkova (Eds.), *Obrazovanie i kultura kak faktor razvitiya regiona* [Education and culture as a factor in the development of the region] (pp. 155–162). The 29th International Scientific and Practical Conference, Tobolsk, Russia. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67311249> (access date: 20.12.2024).
6. Lukhmeneva, A.S., & Kuzmenkova, O.V. (2024, June 27). Competence approach: historical and chronological analysis. In: M.E. Korolev, E.I. Skafa (Eds.), *Sovremennyy uchitel: professionalnaya kompetentnost i sotsialnaya znachimost* [Modern teacher: professional competency and social significance] (pp. 178–181). The 3rd International Scientific and Practical Conference, Donetsk, Russia. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68550534> (access date: 20.12.2024).
7. Lyu, B., & Petelin, A.S. (2020). Interpretation of the concepts of ‘competency’ and ‘competence’ in scientific literature. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Voronezh State Pedagogical University], 2 (287), 29–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43153689> (access date: 20.12.2024).
8. Morozova, E.A., & Yurov, A.A. (2024). Competences and competency of employees: general and special. *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Socio-Humanitarian Research], 1 (41), 52–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65443521> (access date: 18.12.2024).
9. Novoselova, A.E. (2024, April 11–12). Professional and pedagogical competency of a teacher in a professional school. In: N.V. Gorbunova, V.A. Romanov (Eds.), *Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sisteme professionalnogo obrazovaniya pedagoga* [Implementation of the competence approach in the system of professional education of a teacher] (pp. 17–20). The 11th All-Russian Scientific and Practical Conference, Yevpatoria, Simferopol, Russia.
10. Potanina, M.V. (2023, December 15). A competence-based approach in the training of specialists. In: Yu.A. Guskov, T.V. Sidorina, N.A. Korniyenko, B.V. Fedotov (Eds.), *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty sovershenstvovaniya podgotovki studentov vuza* [Psychological and pedagogical aspects of improving the training of university students] (pp. 212–215). Interuniversity Student Scientific and Practical Conference with international participation, Novosibirsk, Russia.
11. Serov, V.M. (2019). The competence approach in professional education, or in contradiction with the science of labor. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 10, 42–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41383079> (access date: 15.12.2024).
12. Sytnik, A.A. (2024) Modern technologies for the development of personnel competences. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 23–1 (150), 109–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67317698> (access date: 20.12.2024).
13. Aftab, A, Sadler, J.Z, Kiouss, B.M, & Waterman, G.S. (2024). Conceptual competence in psychiatric training: building a culture of conceptual inquiry. *BJPpsych Bulletin*, 1–6. Advance online publication. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/CE034BBFCE7AD60A2F60E7FCB1BA6114/S2056469424000123a.pdf/conceptual-competence-in-psychiatric-training-building-a-culture-of-conceptual-inquiry.pdf> (access date: 20.12.2024).

14. O'Donovan, S., Scully, S., Donnellan, A., & Ryan, L. (2024). Digital competency in nutrition education – an educator's perspective. *Proceedings of the Nutrition Society*, 83 (OCE4), E462. DOI: 10.1017/S0029665124007006
15. Grief, C.J., & Yogaparan, T. (2023). FC8: Revising competencies in geriatrics for Canadian medical students: adding a mental health perspective. *International Psychogeriatrics*, 35 (S1), 70–71. DOI: 10.1017/S1041610223001060
16. Kuntasa, T., & Lirn, T.C. (2024). A conceptual model of autonomous ship remote operators' competency. *Journal of Navigation*, 76 (6), 653–674. DOI: 10.1017/S0373463324000055
17. Mendell, A.M., Knerich, V., Ranwala, D., Jones, C.T., Piechowski, P., Striley, C.W., & Cross, J.E. (2024). Team science competencies across the career life course for translational science teams. *Journal of Clinical and Translational Science*, 8(1), e111. DOI: 10.1017/cts.2024.494
18. Smaldone, F., Ippolito, A., Lagger, J., & Pellicano, & M. (2022). Employability skills: Profiling data scientists in the digital labour market. *European Management Journal*, 40 (5), 671–684. DOI: 10.1016/j.emj.2022.05.005

УДК 373

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ СРЕДСТВАМИ ХОККЕЯ

А.С. Кривошеев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается проблема повышения уровня функциональной и физической подготовленности учащихся общеобразовательных организаций с использованием средств хоккея. В последние годы наблюдается тенденция к усилению внимания к физическому развитию школьников, особенно в рамках спортивных и физкультурных программ, ориентированных на повышение общей выносливости, силы и координации. Хоккей, как высокоинтенсивный вид спорта, обладает значительным потенциалом для развития данных качеств у подростков, однако его использование в школьной программе остается недостаточно распространенным и научно обоснованным. Возникает необходимость разработки методик, адаптированных к возрастным и физиологическим особенностям учащихся, для эффективного внедрения хоккейных упражнений и тренировок в занятия по физической культуре в школе.

Цель статьи – выявление эффективности содержания занятий по физической культуре с элементами хоккея для учащихся общеобразовательных организаций в рамках школьной программы физического воспитания, направленного на повышение уровня функциональной и физической подготовленности обучающихся.

Методология и методы исследования. Исследование проводилось в три этапа: на подготовительном этапе был проведен анализ научной литературы и разработан план занятий, включающий упражнения для развития основных физических качеств и навыков игры в хоккей; на основном этапе были сформированы экспериментальная и контрольная группы, проведено начальное тестирование уровня физической подготовленности. Затем в течение трех месяцев в содержание занятий экспериментальной группы были включены элементы хоккея, в то время как контрольная группа занималась по стандартной программе без элементов хоккея (занятия проводились три раза в неделю по 90 минут); на заключительном этапе были проведены повторное тестирование уровня физической подготовленности, сравнительный анализ результатов и оценка их эффективности.

Результаты исследования. Было выявлено повышение уровня физической подготовленности обучающихся, занимавшихся хоккеем, по сравнению с обучающимися контрольной группы. В экспериментальной группе наблюдались увеличение силы мышц, рост показателей координации движений и скорости, а также повышение уровня общей выносливости. Показатели пробы Руфье также продемонстрировали повышение уровня функционального состояния сердечно-сосудистой системы у обучающихся, занимающихся хоккеем.

Заключение. Можно отметить, что интеграция элементов хоккея в содержание физкультурных занятий общеобразовательных организаций показала свою эффективность в повышении уровня функциональной и физической подготовленности обучающихся. Применение упражнений из хоккея в рамках школьной программы физического воспитания способствовало повышению уровня силовых, скоростных и координационных способностей, а также уровня выносливости. Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности включения элементов хоккея в содержание занятия по физической культуре в школе, что позволяет более эффективно решать задачи физического воспитания, отвечая современным требованиям к уровню физической активности и подготовленности школьников.

Ключевые слова: хоккей, молодежь, повышение уровня, физическая подготовленность, занятия.

Кривошеев Александр Сергеевич – аспирант кафедры теоретических основ физического воспитания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7890-8274>; e-mail: krivoshei.krsk74@mail.ru

Постановка проблемы. В условиях современного мира, где наблюдается рост малоподвижного образа жизни среди детей и подростков, вопрос о повышении уровня физической активности становится особенно актуальным [Pelletier et al., 2021]. Разнообразные средства и методы физического воспитания призваны формировать у обучающихся устойчивую мотивацию к занятиям спортом и здоровому образу жизни [Абрамов, Померанцев, 2024]. Одним из эффективных средств, способствующих развитию функциональной и физической подготовленности обучающихся, является хоккей. Хоккей, как командный вид спорта, сочетает в себе элементы силы, выносливости, скорости и координации, что делает его уникальным инструментом для всестороннего физического развития детей. Он способствует не только физическому, но и психическому развитию, формируя у школьников навыки командной работы, дисциплины и самоорганизации. Занятия хоккеем требуют высокой концентрации, быстроты реакций и тактического мышления, что, в свою очередь, положительно влияет на когнитивные функции обучающихся.

В последние годы исследователи и педагоги все чаще обращают внимание на интеграцию различных видов спорта в учебные программы общеобразовательных школ. Хоккей, благодаря своей популярности и доступности, может стать важным элементом системы физического воспитания, направленного на укрепление здоровья и повышение уровня физической подготовленности обучающихся [Медведев и др., 2023]. Систематические занятия хоккеем способствуют развитию различных физических качеств: силы, скорости, выносливости, координации движений. Кроме того, хоккей помогает укрепить сердечно-сосудистую и дыхательную системы, что особенно важно для общего здоровья школьников.

Одним из ключевых аспектов, определяющих успех занятий хоккеем, является правильная методическая организация тренировочного процесса [Ведерникова и др., 2023]. Важно учитывать возрастные особенности детей, их физиче-

скую подготовленность и индивидуальные способности. Тренировочный процесс должен быть построен таким образом, чтобы максимально эффективно использовать потенциал каждого учащегося, при этом избегая чрезмерных нагрузок и риска травм [Истомин, Теплоухов, Качалов, 2022]. Регулярные занятия хоккеем способствуют не только физическому развитию, но и формированию устойчивой мотивации к занятиям спортом, что особенно важно для поддержания здоровья на протяжении всей жизни.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ [Абрамов, Померанцев, 2024; Ведерникова и др., 2023; Зеленский, Магомедов, Федорова, 2023; Истомин, Теплоухов, Качалов, 2022; Крутских, Захаров, 2023; Медведев и др., 2023; Набойченко, Истомин, Ежов, 2022; Розенфельд, 2023; Череватова, Верясова, 2024; Яшина и др., 2023; Baryayev, Ivanov, Aranson, 2020; Kozhemyak, 2019; Naboichenko, Istomin, 2022; Pelletier et al., 2021; Polikanova et al., 2024; Rodygina, Yu, Potapchuk, Matveev, 2021; Xiao, Masanovic, 2021]. Анализ научной литературы показал, что использование средств хоккея в образовательных учреждениях способствует повышению функциональной и физической подготовленности учащихся. Авторы отмечают, что игровые виды спорта, включая хоккей, развивают выносливость, ловкость и силу, а также способствуют формированию дисциплины и командного взаимодействия. Особое внимание уделяется интеграции средств хоккея в учебный процесс как способа повышения мотивации к занятиям физической культурой. Кроме того, исследования подчеркивают важность использования современных методик тренировки и учета возрастных особенностей для достижения максимального эффекта [Baryayev, Ivanov, Aranson, 2020].

Методология исследования. Исследование включало три этапа, каждый из которых имел четкую цель и структуру. На подготовительном этапе был осуществлен детальный анализ научной литературы, посвященной развитию физических качеств и интеграции средств хоккея в образовательный процесс. На основе полученных

данных был разработан план занятий, который включал специально подобранные упражнения для комплексного развития физических качеств учащихся (таких как выносливость, сила и координация), а также для формирования базовых навыков игры в хоккей. Основным этапом исследования предполагал практическую реализацию подобранных упражнений. Обучающиеся были разделены на две группы: экспериментальную и контрольную, в каждой группе по 25 человек. Возраст участников исследования составил 14–15 лет. Перед началом занятий все участники прошли первичное тестирование, чтобы определить исходный уровень их физической подготовленности. В течение трех месяцев экспериментальная группа занималась по разработанной программе, которая предусматривала занятия три раза в неделю по 90 минут с обязательным использованием элементов хоккея. Упражнения были адаптированы к возрастным и физическим особенностям учащихся. В то же время контрольная группа занималась по стандартной школьной программе физического воспитания без включения хоккейных элементов. На заключительном этапе исследования было проведено повторное тестирование участников обеих групп, чтобы выявить изменения в их физической подготовке. Полученные данные были подвергнуты сравнительному анализу, что позволило оценить эффективность предложенной методики. Кроме того, на этом этапе была сфор-

мулирована комплексная оценка влияния занятий с элементами хоккея на уровень физической подготовки, координационные способности и общее физическое развитие школьников.

Результаты исследования. По итогам проведенного исследования были получены данные, подтверждающие положительное влияние занятий хоккеем на уровень функциональной и физической подготовленности обучающихся общеобразовательных организаций [Kozhemyak, 2019]. В экспериментальной группе, состоящей из обучающихся средних классов, которые занимались хоккеем три раза в неделю по 90 минут, наблюдались значительные улучшения в различных аспектах физического развития по сравнению с контрольной группой, продолжавшей посещать типовые уроки физической культуры.

Анализ результатов показал, что обучающиеся экспериментальной группы продемонстрировали заметное повышение показателей силы, выносливости, скорости и координации движений [Яшина и др., 2023]. Так, например, средний результат в тесте на силовые способности (подтягивание на перекладине) увеличился с 5 до 8 раз (прирост 60 %), в тесте на выносливость (бег на 1000 м) средний результат улучшился с 5 до 4 минут (прирост 20 %), а в тесте на скоростные способности (спринт на 30 метров) среднее время сократилось с 5,5 до 4,7 секунды (прирост 15 %).

Таблица 1

Средние показатели физической подготовки учащихся

Table 1

Average indicators of physical fitness among students

Показатель	До занятия хоккеем	После занятия хоккеем	Изменение (%)
Подтягивания на перекладине	5 раз	8 раз	+60
Бег на 1000 метров	5 минут	4 минуты	+20
Спринт на 30 метров	5,5 секунды	4,7 секунды	+15
Координация движений	12 ошибок	8 ошибок	+33

Эти данные свидетельствуют о том, что регулярные занятия хоккеем значительно повышают уровень физической подготовленности обучающихся [Крутских, Захаров, 2023]. Хоккей

требует интенсивной работы всех групп мышц, а также развивает быстроту реакций и координацию движений. Комплексный характер нагрузки, включающий аэробные и анаэробные

упражнения, способствует всестороннему физическому развитию обучающихся. Например, выполнение упражнений на ледовом покрытии требует значительного усилия и координации, что дополнительно тренирует мышцы ног и корпуса [Череватова, Верясова, 2024].

Оценка функционального состояния сердечно-сосудистой системы проводилась с использованием пробы Руфье [Polikanova, Sabaev, Vulaeva, Panfilova, 2024]. Результаты показали, что обучающиеся экспериментальной группы

заметно улучшили свои показатели: средний индекс Руфье уменьшился с 12 до 10, что свидетельствует о повышении эффективности работы сердца и общей выносливости организма. Это улучшение можно объяснить регулярными аэробными нагрузками, которые являются неотъемлемой частью тренировок по хоккею. Например, выполнение интенсивных интервалов на льду способствует улучшению работы сердечно-сосудистой системы и повышению уровня общей выносливости [Rodygina et al., 2021].

Таблица 2

Средние показатели функционального состояния учащихся

Table 2

Average indicators of students' functional status

Показатель	До занятия хоккеем	После занятия хоккеем	Изменение (%)
Индекс Руфье	12	10	-17
Частота сердечных сокращений (уд/мин)	85	75	-12
Артериальное давление (мм рт. ст.)	120/80	115/75	-4

Помимо физических и функциональных показателей, наше исследование также выявило положительное влияние занятий хоккеем на психологическое состояние и социальные навыки учащихся [Розенфельд, 2023]. В ходе опросов и анкетирования было выявлено, что обучающиеся экспериментальной группы отметили улуч-

шение настроения, повышение уверенности в себе и своих силах, а также улучшение взаимоотношений с одноклассниками [Xiao, Masanovic, 2021]. Например, 75 % участников отметили, что занятия хоккеем помогли им почувствовать себя частью команды и научиться лучше коммуницировать с другими.

Таблица 3

Психологические и социальные изменения у учащихся

Table 3

Psychological and social changes in students

Показатель	До занятия хоккеем (%)	После занятия хоккеем (%)	Изменение (%)
Уверенность в себе	60	80	+33
Настроение	65	85	+31
Взаимоотношения с одноклассниками	70	90	+29

Важно отметить, что для достижения таких результатов необходима грамотная организация тренировочного процесса, включающая индивидуальный подход к каждому обучающемуся, а также регулярность и систематичность занятий. Тренеры и педагоги должны учитывать возрастные и физиологические особенности детей, чтобы избежать перегрузок и травм [Naboichenko, Istomin, 2022]. Кроме того, создание позитивной

и поддерживающей атмосферы в команде играет важную роль в формировании устойчивой мотивации к занятиям спортом. Например, проведение регулярных командных мероприятий и соревнований способствует укреплению командного духа и мотивации.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что систематические занятия хоккеем значительно повышают уровень

функциональной и физической подготовленности обучающихся общеобразовательных организаций [Набойченко, Истомин, Ежов, 2022]. В экспериментальной группе наблюдалось существенное улучшение показателей силы, выносливости, скорости и координации движений, что демонстрирует высокую эффективность хоккея как средства физического воспитания. Кроме того, занятия хоккеем способствовали повышению уровня функционального состояния сердечно-сосудистой системы и общему оздоровлению обучающихся. Также было от-

мечено повышение уровня социального взаимодействия в команде, повышение уверенности в себе, улучшение настроения. Таким образом, интеграция средств хоккея в учебные программы общеобразовательных школ является перспективным направлением для повышения уровня физической подготовленности и общего здоровья учащихся. Полученные результаты подчеркивают необходимость продолжения работы в этом направлении, совершенствования методик и создания благоприятных условий для регулярных занятий хоккеем.

Библиографический список

1. Абрамов А.А., Померанцев А.А. Проблемы развития хоккейных школ группы «ЦЕНТР» центрального федерального округа // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2024. № 9. С. 6–7. DOI: 10.24412/2305-8404-2024-9-56-63
2. Ведерникова Е.В., Морозова М.А., Шушканова Е.Г., Кротова М.Н. Психологические особенности спортсменов-подростков разной спортивной специализации // Теория и практика физической культуры. 2023. С. 64–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-osobennosti-sportsmenov-podrostkov-raznoy-sportivnoy-spetsializatsii/viewer>
3. Зеленский К.Г., Магомедов Р.Р., Федорова А.В. Формирование мотивации у учащихся среднего общего образования к занятиям физической культурой и спортом // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 4. С. 3–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-u-uchaschihsya-srednego-obshchego-obrazovaniya-k-zanyatiyam-fizicheskoy-kulturoy-i-sportom> (дата обращения: 02.12.2024).
4. Истомин С.О., Теплоухов А.П., Качалов Д.В. Структурно-функциональная модель приобщения детей дошкольного возраста к занятиям хоккеем // Теория и практика физической культуры. 2022. С. 106–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnaya-model-priobscheniya-detey-doshkolnogo-vozrasta-k-zanyatiyam-hokkeem> (дата обращения: 02.12.2024).
5. Крутских В.В., Захаров А.А. Соревновательная и тренировочная деятельность в студенческом хоккее // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2023. № 1 С. 29–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorevnovatel'naya-i-trenirovochnaya-deyatelnost-v-studencheskom-hokkeem> (дата обращения: 02.12.2024).
6. Медведев В.Г., Медведева Е.М., Давыдов А.П., Напалков К.С. Информативные показатели двигательной подготовленности юных хоккеистов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 1. С. 8–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informativnye-pokazateli-dvigatel'noy-podgotovlennosti-yunyh-hokkeistov/viewer> (дата обращения: 02.12.2024).
7. Набойченко Е.С., Истомин С.О., Ежов А.Н. Диагностический инструментарий определения уровня приобщенности детей к занятиям хоккеем // Теория и практика физической культуры. 2022. С. 109–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskiy-instrumentariy-opredeleniya-urovnya-priobschennosti-detey-k-zanyatiyam-hokkeem> (дата обращения: 02.12.2024).
8. Розенфельд А.С. Физическая культура в вузе: модели смешанного обучения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 1. С. 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-modeli-smeshannogo-obucheniya/viewer> (дата обращения: 02.12.2024).

9. Череватова Д.А., Верясова И.Ю. Хоккей. История возникновения. Развитие хоккея в разных странах. Влияние хоккея на здоровье человека // Вестник науки. 2024. № 6 С. 3–6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hockey-istoriya-vozniknoveniya-razvitie-hokkeya-v-raznyh-stranah-vliyaniye-hokkeya-na-zdorovie-cheloveka> (дата обращения: 02.12.2024).
10. Яшина Е.Р., Рычков Е.Ю., Турзин П.С., Лукичев К.Е. Обоснование оптимальных модельных характеристик спортсменов в сфере детско-юношеского хоккея / [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2023. С. 18–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-optimalnyh-modelnyh-harakteristik-sportsmenov-v-sfere-detsko-yunosheskogo-hokkeya> (дата обращения: 02.12.2024).
11. Baryaev, A.A., Ivanov, A.V., & Aranson, M.V. (2020). Functionality monitoring in youth sledge hockey. *Theory and Practice of Physical Culture*, 7, 39–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/functionality-monitoring-in-youth-sledge-hockey> (access date: 02.12.2024).
12. Kozhemyak, K.Y. (2019). Some features of hockey player psychology in the period of influence on the success of the team. *Modern European Researches*, 2, 25–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/some-features-of-hockey-player-psychology-in-the-period-of-influence-on-the-success-of-the-team/viewer> (access date: 02.12.2024).
13. Naboichenko, E.S., & Istomin, S.O. (2022). Diagnostic tools for determining the level of involvement of children in hockey. *Theory and Practice of Physical Culture*, 12, 66–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostic-tools-for-determining-the-level-of-involvement-of-children-in-hockey/viewer> (access date: 02.12.2024).
14. Pelletier, V.H., Glaude-Roy, J., Diagle, A-P., Brunelle, J-F., Bissonnette, A., & Lemoine, J. (2021). Associations between testing and game performance in ice hockey. *A Scoping Review*, 9, 7–10. DOI: <https://doi.org/10.3390/sports9090117>
15. Polikanova, I.S., Sabaev, D.D., Bulaeva, N.I., Panfilova, E.A., & Leonov, S.V. (2024). Analysis of eye and head tracking movements during a puck-hitting task in ice hockey players, compared to wrestlers and controls. *Psychology in Russia: State of the art*, 17 (3), 65–67. DOI: 10.11621/pir.2024.0305
16. Rodygina, Yu.K., Potapchuk, A.A., & Matveev, S.V. (2021). Ice hockey elite: post-retirement psychosocial health analysis. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2, 37–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ice-hockey-elite-post-retirement-psychosocial-health-analysis/viewer> (access date: 02.12.2024).
17. Xiao, W., & Masanovic, B. (2021). Effect of functional training on physical fitness among athletes. *A Systematic Review*, 7, 3–4. DOI: https://www.researchgate.net/publication/354396622_Effect_of_Functional_Training_on_Physical_Fitness_Among_Athletes_A_Systematic_Review

INCREASING THE LEVEL OF FUNCTIONAL AND PHYSICAL FITNESS AMONG SECONDARY SCHOOL STUDENTS BY MEANS OF HOCKEY

A.S. Krivosheev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article discusses the problem of increasing the level of functional and physical fitness of students in secondary education institutions using hockey tools. In recent years, there has been a tendency to increase attention to the physical development of schoolchildren, especially in the framework of sports and physical education programs aimed at improving overall endurance, strength, and coordination. Hockey, as a high-intensity sport, has significant potential for the development of these qualities in adolescents, but its use in the school curriculum remains insufficiently widespread and scientifically justified. There is a need to develop methods adapted to the age and physiological characteristics of students in order to effectively implement hockey exercises and training in physical education classes at school.

The purpose of the article is to identify the effectiveness of the content of physical education classes with elements of hockey for students of secondary schools within the framework of the school physical education program aimed at improving the level of functional and physical fitness of students.

Methodology (materials and methods). The study was conducted in three stages: at the preparatory stage, analysis of scientific literature was carried out and a lesson plan was developed, including exercises for developing basic physical qualities and skills of playing hockey; at the main stage, experimental and control groups were formed, and initial testing of physical fitness was conducted. Then, for three months, elements of hockey were included in the syllabus of the classes in the experimental group, while the control group practiced according to the standard program without elements of hockey (classes were held three times a week for 90 minutes); at the final stage, repeated testing of the level of physical fitness was carried out, a comparative analysis of the results and assessment of their effectiveness were carried out.

Research results. An increase in the level of physical fitness of the students involved in hockey was revealed compared to the students of the control group. In the experimental group, there was an increase in muscle strength, an increase in movement coordination and speed, as well as an increase in overall endurance. The parameters of the Roufier test also demonstrated an increase in the level of the functional state of the cardiovascular system among students involved in hockey.

Conclusion. It can be noted that the integration of hockey elements into the syllabus of physical education classes at secondary schools has shown its effectiveness in improving the level of functional and physical fitness of students. The use of hockey exercises as part of the school's physical education curriculum helped to increase the level of strength, speed, and coordination abilities, as well as the level of endurance. The results obtained indicate the expediency of including hockey elements in the syllabus of physical education classes at school, which makes it possible to more effectively solve the tasks of physical education, meeting modern requirements for the level of physical activity and fitness of schoolchildren [Zelensky, Magomedov, Fedorova, 2023].

Keywords: *ice hockey, youth, improving the level, physical fitness, classes.*

Krivosheev, Alexander S. – PhD Candidate, Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7890-8274>; e-mail: krivoshei.krsk74@mail.ru

References

1. Abramov, A.A., & Pomerantsev, A.A. (2024). Problems of development of hockey schools of the TSEN-TR Group of the Central Federal District. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura* [News of the Tula State University. Physical Culture], 9, 6–7. DOI: 10.24412/2305-8404-2024-9-56-63
2. Vedernikova, E.V., Morozova, M.A., Shushkanova, E.G., & Krotova, M.N. (2023). Psychophysiological features of adolescent athletes of different sports specialization. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*

- [Theory and Practice of Physical Culture], 2, 64–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-osobennosti-sportsmenov-podrostkov-raznoy-sportivnoy-spetsializatsii/viewer> (access date: 02.12.2024).
3. Zelenskiy, K.G., Magomedov, R.R., & Fedorova, A.V. (2023). Formation of motivation among secondary education students towards classes in physical culture and sports. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta* [Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University], 4, 3–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-u-uchaschihsya-srednego-obschego-obrazovaniya-k-zanyatiyam-fizicheskoy-kulturoy-i-sportom> (access date: 02.12.2024).
 4. Istomin, S.O., Teploukhov, A.P., & Kachalov, D.V. (2022). Structural and functional model of introducing preschool children to ice hockey activities. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and Practice of Physical Culture], 12, 106–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktionalnaya-model-priobsheniya-detey-doshkolnogo-vozrasta-k-zanyatiyam-hokkeem> (access date: 02.12.2024).
 5. Krutskikh, V.V., & Zakharov, A.A. (2023). Competition and training activities in university ice hockey. *Fizicheskaya kultura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical Education: Upbringing, Education, and Training], 1, 29–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorevnovatelnaya-i-trenirovochnaya-deyatelnost-v-studencheskom-hokkeem> (access date: 02.12.2024).
 6. Medvedev, V.G., Medvedeva, E.M., Davydov, A.P., & Napalkov, K.S. (2023). Informative indicators of motor fitness among young ice hockey players. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and Practice of Physical Culture], 1, 8–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informativnye-pokazateli-dvigatelnoy-podgotovlennosti-yunyh-hokkeistov/viewer> (access date: 02.12.2024).
 7. Naboychenko, E.S., Istomin, S.O., & Ezhov, A.N. (2022). Diagnostic toolkit for determining the level of children's involvement in ice hockey activities. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and Practice of Physical Culture], 12, 109–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskiy-instrumentariy-opredeleniya-urovnya-priobshennosti-detey-k-zanyatiyam-hokkeem> (access date: 02.12.2024).
 8. Rozenfeld, A.S. (2023). Physical education in high educational institutions: Blended learning models. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta* [Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University], 1, 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-modeli-smeshannogo-obucheniya/viewer> (access date: 02.12.2024).
 9. Cherevatova, D.A., & Veryasova, I.Yu. (2024). Hockey. History of origin. Development of hockey in different countries. Effect of hockey on human health. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 6, 3–6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hockey-istoriya-vozniknoveniya-razvitiya-hokkeya-v-raznyh-stranah-vliyaniye-hokkeya-na-zdorovie-cheloveka> (access date: 02.12.2024).
 10. Yashina, E.R., Rychkov, E.Yu., Turzin, P.S., & Lukichev, K.E. (2023). Justification of optimal model characteristics among athletes in the field of youth ice hockey. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 18–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-optimalnyh-modelnyh-harakteristik-sportsmenov-v-sfere-detsko-yunosheskogo-hokkeya> (access date: 02.12.2024).
 11. Baryaev, A.A., Ivanov, A.V., & Aranson, M.V. (2020). Functionality monitoring in youth sledge hockey. *Theory and Practice of Physical Culture*, 7, 39–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/functionality-monitoring-in-youth-sledge-hockey> (access date: 02.12.2024).
 12. Kozhemyak, K.Y. (2019). Some features of hockey player psychology in the period of influence on the success of the team. *Modern European Researches*, 2, 25–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/some-features-of-hockey-player-psychology-in-the-period-of-influence-on-the-success-of-the-team/viewer> (access date: 02.12.2024).

13. Naboichenko, E.S., & Istomin, S.O. (2022). Diagnostic tools for determining the level of involvement of children in hockey. *Theory and Practice of Physical Culture*, 12, 66–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostic-tools-for-determining-the-level-of-involvement-of-children-in-hockey/viewer> (access date: 02.12.2024).
14. Pelletier, V.H., Glaude-Roy, J., Diagle, A-P., Brunelle, J-F., Bissonnette, A., & Lemoyne, J. (2021). Associations between testing and game performance in ice hockey. *A Scoping Review*, 9, 7–10. DOI: <https://doi.org/10.3390/sports9090117>
15. Polikanova, I.S., Sabaev, D.D., Bulaeva, N.I., Panfilova, E.A., & Leonov, S.V. (2024). Analysis of eye and head tracking movements during a puck-hitting task in ice hockey players, compared to wrestlers and controls. *Psychology in Russia: State of the art*, 17 (3), 65–67. DOI: 10.11621/pir.2024.0305 (access date: 02.12.2024).
16. Rodygina, Yu.K., Potapchuk, A.A., & Matveev, S.V. (2021). Ice hockey elite: post-retirement psychosocial health analysis. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2, 37–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ice-hockey-elite-post-retirement-psychosocial-health-analysis/viewer> (access date: 02.12.2024).
17. Xiao, W., & Masanovic, B. (2021). Effect of functional training on physical fitness among athletes. *A Systematic Review*, 7, 3–4. DOI: https://www.researchgate.net/publication/354396622_Effect_of_Functional_Training_on_Physical_Fitness_Among_Athletes_A_Systematic_Review

УДК 159

ПОВЫШЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.И. Панов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В начале профессиональной деятельности молодые педагоги сталкиваются с эмоциональным напряжением, стрессовыми ситуациями, переутомлением и выгоранием из-за разнообразных трудностей. Сочетание данных факторов приводит к различным проблемам со здоровьем, снижает качество работы, ухудшает взаимоотношения с коллегами, учениками и родителями. Таким образом, профессиональная деятельность педагога требует от молодого специалиста высокого уровня стрессоустойчивости. В контексте отмеченного следует указать на актуальность поиска путей формирования данного феномена с целью сохранения здоровья и работоспособности молодых педагогов.

Цель статьи – раскрыть особенности планирования занятий по физической культуре с применением упражнений на повышение стрессоустойчивости молодых педагогов.

Методология и методы исследования. Методологию исследования составляют анализ и обобщение научно-исследовательских работ в области психологии, педагогики, физиологии, медицины по формированию стрессоустойчивости педагогов. Экспериментальный метод позволил оценить результаты развития стрессоустойчивости у молодых педагогов под влиянием занятий физической культурой с применением упражнений.

Результаты исследования. Анализ и обобщение научной литературы позволили раскрыть особенности стрессоустойчивости и причины возникновения стресса у молодых педагогов. Исследование доказало результативность занятий физической культурой с применением разнообразных техник упражнений как эффективного средства повышения устойчивости к стрессовым ситуациям за счет формирования психофизиологических механизмов и стимулирования активных защитных реакций в организме.

Заключение. Предложенный в статье план занятий по физической культуре с применением разнообразных техник упражнений способствует повышению уровня устойчивости организма к психоэмоциональному перенапряжению, противодействию стрессогенным факторам и разным заболеваниям. Благодаря сформированности адаптационных механизмов за счет применения средств физической культуры молодые педагоги успешно преодолевают трудности в профессиональной деятельности, обладают эмоциональной саморегуляцией и имеют большой опыт использования в своей практике релаксации для снятия напряжений.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, молодые педагоги, стрессогенные факторы, способы формирования стрессоустойчивости, физическая культура, упражнения.

Панов Артем Игоревич – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: temka9803@mail.ru

Постановка проблемы. Профессиональная деятельность педагогов относится к группе специальностей, которая напрямую связана с эмоциональным напряжением, стрессовыми ситуациями, переутомлением и выгоранием. Особенно уязвимы перед такими сложностями молодые специалисты. В начале профессионального пути педагог сталкивается со многими трудностями, начиная от адаптации

к своей новой роли, заканчивая простой нехваткой времени и информации при решении разнообразных профессиональных задач. Помимо вышесказанного, молодой специалист находится в процессе коммуникативного взаимодействия, действует в рамках социальной и юридической ответственности, должен иметь и реализовывать творческий потенциал, обладать современными педагогическими технологиями и проек-

тировочным умением. Все это может привести к различным проблемам со здоровьем (развитие сердечно-сосудистых заболеваний, проблемы с пищеварением, мигрень, бессонница, слабый иммунитет), снизить качество работы, ухудшить взаимоотношения с коллегами, учениками и родителями. Таким образом, профессиональная деятельность педагога требует от молодого специалиста высокого уровня стрессоустойчивости.

Особенности стрессоустойчивости педагога в исследовании Г.А. Мешитбаевой определяются как совокупность личностных качеств, позволяющих переносить интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без последствия для профессиональной деятельности, окружающих и своего здоровья [Мешитбаева, 2022, с. 80].

Проблема стресса и устойчивости педагогов вызывает большой интерес у ученых и практиков, связывает между собой фундаментальные и прикладные исследования. В контексте отмеченного следует указать на актуальность поиска путей формирования стрессоустойчивости с целью сохранения здоровья и работоспособности молодых педагогов. Значительное внимание привлекают исследования С.Д. Синюшкиной, Е.О. Меркеевой, Е.М. Евдокимова и многих других о влиянии физической нагрузки как одного из эффективных способов повышения устойчивости к стрессу [Синюшкина, Меркеева, 2021; Евдокимов, 2024].

Цель статьи заключается в раскрытии особенностей планирования занятий по физической культуре с применением упражнений на повышение стрессоустойчивости молодых педагогов.

Методологию исследования составляют научные идеи и положения работ по формированию у молодых педагогов устойчивости к стрессовым ситуациям с поиском физических упражнений, раскрытием особенностей планирования занятий и методических рекомендаций.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ [Мешитбаева, 2022; Швацкий, 2018; Тошматов, 2023; Лучшева, Саркисова, 2023; Nikolenko, Zheldochenko, 2023; и др.], в которых рассматриваются особенности

стрессоустойчивости педагогов. Причины возникновения стресса у молодых педагогов раскрываются в работах [Токторбаева, 2019; Подколзина, 2021; Haroun, 2023]. Основные компоненты сформированности стрессоустойчивости у молодых педагогов рассмотрены в работах [Хижная, Некрасов, Меркушова, 2024; Мешитбаева, 2022; Подколзина, 2021; Микляева, Безгодная, 2016]. В исследованиях [Почекаева, Наговицына, 2018; Шалагинова, Декина, 2020; Токторбаева, 2019; Voğazliyan, Yalcin, Avsaroglu, 2023] приводятся эффективные способы формирования стрессоустойчивости у педагогов. Научные работы [Башкирова и др., 2023; Синюшкина, Меркеева, 2021; Евдокимов, 2024] посвящены аргументации физической культуры как эффективного средства повышения устойчивости к стрессовым ситуациям.

Несмотря на то что у авторов научных исследований нет единого мнения в отношении содержания особенностей устойчивости к стрессу у педагогов, стрессоустойчивость определяется многими из них как взаимодействие ряда личностных качеств (эмоции, воля, интеллект, мотив), позволяющих педагогу преодолевать интеллектуальные, волевые и эмоциональные трудности без последствия для своей деятельности и здоровья [Мешитбаева, 2022; Швацкий, 2018; Тошматов, 2023; Лучшева, Саркисова, 2023; Gnatyshina et al., 2020; и др].

Особый интерес исследователей вызывает определение стрессогенных факторов, другими словами, установление причин возникновения стресса у молодых специалистов:

- межличностные конфликты с коллегами, родителями и учениками;
- неправильное распределение обязанностей и времени;
- перегруженность и интенсивность производственного труда;
- высокие требования;
- социальная и юридическая ответственность;
- адаптация к профессиональной деятельности [Подколзина, 2021; Токторбаева, 2019; Васькина, Дворникова, 2019].

Изучение методических материалов и ряд исследований дают возможность определить основные компоненты, сформированность которых позволит противостоять вышеуказанным стрессогенным факторам:

– мотивационный – сила мотивов, определяющая удовлетворенность профессиональной деятельностью;

– интеллектуальный – саморефлексия, прогнозирование, принятие решений в педагогической деятельности;

– психофизиологический – свойства нервной системы (восприятие, память, внимание, мышление);

– эмоционально-волевой – опыт контролирования и регулирования своих реакций в процессе преодоления влияния отрицательных ситуаций;

– профессионально-информационный – расширение арсенала профессиональных педагогических действий [Мешитбаева, 2022; Подколзина,

2021; Микляева, Безгодная, 2016; Багадаева, Голубчикова, 2017; Соловьева, Бокачева, 2017; Meshko et al., 2020].

Многочисленные исследования в области психологии, физиологии, спортивной медицины, теории и методики физической культуры демонстрируют большое количество средств и методов развития стрессоустойчивости у молодых педагогов, и одним из эффективных способов являются занятия физической культурой. Согласно мнению специалистов, двигательная активность способствует повышению устойчивости к стрессовым воздействиям за счет физиологических и психологических механизмов [Синюшкина, Меркеева, 2021; Галкин, Сафонова, Карева, 2022; Сульбирева, Тихонова, 2024]. Благодаря таким процессам в организме развивается общая выносливость и стимулируются активные защитные реакции [Синюшкина, Меркеева, 2021]. Рассмотрим особенности этих механизмов в табл. 1.

Таблица 1

Психофизиологические механизмы

Table 1

Psychophysiological mechanisms

Название механизма	Описание
Усиление секреции гормонального фона	Активный выброс эндорфинов – нейрохимических веществ, обладающих обезболивающим и эйфорическим эффектом. Регуляция уровня кортизола – снижение его уровня. Влияние на нейротрансмиттеров в мозге – серотонин, дофамин, норадреналин регулируют настроение, сон, аппетит и уровень тревожности
Улучшение работы сердечно-сосудистой системы	Снижается артериальное давление и частота сердечных сокращений в покое. Улучшается кардиореспираторная выносливость
Снижение мышечного напряжения	Способствует физическому расслаблению
Отвлечение от стресса	Помогает переключиться и отдохнуть от умственного напряжения
Улучшение эмоциональной регуляции	Снижаются симптомы депрессии и тревожности, способствует управлению эмоциями
Повышение самооценки	Приобретается уверенность в себе
Социальное взаимодействие	Общение и поддержка со стороны других
Развитие осознанности	Акцентируются внимание и концентрация

Таким образом, при планировании занятий физической культурой с применением упражнений для повышения стрессоустойчивости необходимо учитывать вышеперечисленные

механизмы, виды упражнений и методические рекомендации.

Результаты исследования. Одно из основных условий достижения обозначенной цели

заключается в раскрытии особенностей планирования занятий по физической культуре с подбором упражнений, которые способствуют развитию защитных механизмов организма от стрессовых ситуаций у молодых педагогов.

Очевидно, что виды физических упражнений будут различаться в зависимости от конкретных условий и специфики целевой аудитории. Это означает, что необходимо учитывать такие факторы, как мотивация участников, их личностные качества, сложившийся уровень стресса и функциональные возможности организма, двигательные способности, а также социальные условия труда и повседневной жизни [Евдокимов, 2024; Сульбирекова, Тихонова, 2024; Комлев, Гвоздева, Комлев, 2023].

Авторы научных работ выделяют 2 категории педагогов, которым необходимо разное планирование занятий по физической культуре. Первая категория – педагоги с ослабленными защитно-приспособительными реакциями. Здесь необходимо выстраивать занятия таким образом, чтобы они не оказывали стрессогенное воздействие, а, наоборот, способствовали повышению функциональных возможностей организма до физиологической нормы. В случае второй категории педагогов занятия планируются с учетом создания дополнительных трудностей, которые способствуют активации уже имеющихся функциональных возможностей и развитию максимального уровня резистентности [Евдокимов, 2024; Синушкина, Меркеева, 2021].

Специалисты акцентируют особое внимание на основных принципах планирования занятий по физической культуре: систематичность и регулярность (для эффекта накопления и устойчивости); комплексность и разнообразие (включать упражнения, воздействующие на разные аспекты стрессоустойчивости); доступность и простота; индивидуализация и постепенность.

В связи с этим была проведена опытно-экспериментальная работа по оценке разработанной нами методики для улучшения психоэмоционального и физиологического состояния молодых педагогов. Исследование проводилось в МБОУ «Лицей № 2», Красноярск. Выборку составили 35 работников педагогической деятельности.

Для разработки плана занятий по физической культуре необходимо установить с помощью теста и оценочной методики сформированный уровень стресса у специалистов и факторы, которые к нему привели.

На начальном этапе респондентам было предложено пройти опросник «Оценка профессионального стресса» (автор Вайсман). Методика состоит из 15 утверждений, которые необходимо оценить, как часто встречаются те или иные ситуации в процессе профессиональной деятельности¹. Результаты тестирования респондентов были проанализированы и представлены в табл. 2.

Для наглядности представим результаты на рис. 1.

Таблица 2

Результаты тестирования «Оценка профессионального стресса»

Table 2

The results of the Professional Stress Assessment test

Уровень профессионального стресса	Количество, чел.	Количество человек, %
Низкий	7	20
Средний	13	37,15
Высокий	15	42,85

¹ Данилов С.В., Шустова Л.П., Кузнецова Н.И. Диагностика особенностей адаптации, деятельности и профессиональноличностных затруднений молодого педагога: сборник диагностических методик. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2018. 98 с. (Библиотека молодого педагога).

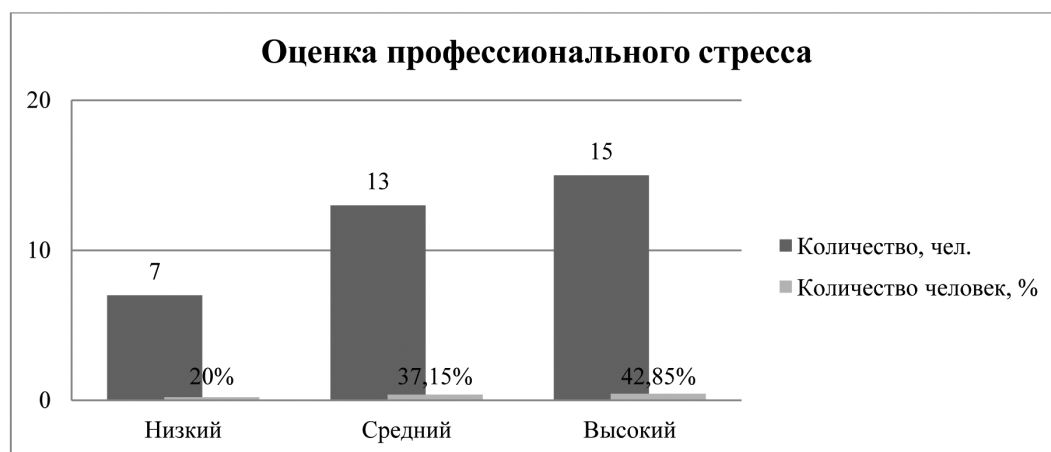

Рис. 1. Результаты тестирования «Оценка профессионального стресса»

Fig. 1. The results of the Professional Stress Assessment test

Таким образом, из представленных данных диагностики испытуемые были разделены на 3 группы с разным уровнем стресса. Низкий уровень стресса испытывают лишь 7 человек (20 %), эта категория специалистов полагает, что выполняет свои трудовые обязанности в соответствии с нормами и должностными инструкциями, не испытывая при этом эмоционального напряжения. У 13 молодых педагогов (37,15 %) установлен профессиональный стресс на среднем уровне. Испытуемые данной категории понимают значимость и осознанность выполнения трудовых обязанностей, но испытывают затруднения при их выполнении. Высокий уровень стресса зафиксирован у 15 человек (42,85 %) и представляет серьезную проблему для здоровья.

Из анализа научных источников стало явным, что сформированная стрессоустойчивость, за счет физической активности способствует развитию кардиореспираторной выносливости и стимулированию активных защитных реакций.

Поэтому нами была проведена диагностика «Индекс функциональных изменений» для оценки функционирования сердечно-сосудистой системы, которая отражает уровень гармоничного взаимодействия человека с окружающей средой и ее адаптационного потенциала². ИФИ проводился в разных ситуациях, вызывающих стрессогенные факторы, и высчитывался по формуле:

$$\text{ИФИ} = 0,0011\text{ЧСС} + 0,014\text{САД} + 0,008\text{ДАД} + 0,014\text{В} + 0,009\text{МТ} - 0,009\text{Р} - 0,27,$$

где ИФИ – индекс функциональных изменений; ЧСС – частота сердечных сокращений; САД – систолическое артериальное давление; ДАД – диастолическое артериальное давление; Р – рост; МТ – масса тела; В – возраст.

В ходе фиксирования значений функционального состояния ССС были установлены показатели, представленные в табл. 3.

Для наглядности представим результаты на рис. 2.

Таблица 3

Результаты диагностики «Индекс функциональных изменений»

Table 3

The results of the Functional Change Index diagnostics

Группа	Уровень функционирования (адаптационный потенциал)	Значение ИФИ (баллы)	Количество испытуемых, чел (%)
1	Удовлетворительный	Менее 2,60	5 (14,3 %)
2	Напряжение механизмов адаптации	2,60–3,09	18 (51,4 %)
3	Неудовлетворительная адаптация	3,10–3,49	11 (31,4 %)
4	Срыв адаптации	3,5 и выше	1 (2,8 %)

² Баевский Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. М., 1979. 116 с.

Рис. 2. Результаты диагностики «Индекс функциональных изменений»
 Fig. 2. The results of the Functional Change Index diagnostics

В ходе исследования значений, свидетельствующих о степени адаптационных параметров у молодых педагогов, можно сказать, что самые высокие значения (51,4 и 31,4 %) показали критерии напряжения и неудовлетворенности механизмов адаптации. 1 из 30 педагогов зафиксировал срыв своего адаптационного потенциала. И всего 5 (14,3 %) педагогов удовлетворены своей профессиональной деятельностью.

Анализируя результаты полученных диагностик, можно сделать вывод, что длительное воздействие стрессогенных факторов и нарушение адаптационного потенциала приводят к развитию различных форм заболеваний психического и физического характера и представляют серьезную опасность для молодых специалистов. Поэтому появляется необходимость в планировании занятий по физической культуре с применением упражнений на повышение стрессоустойчивости молодых педагогов.

В основу программы занятий были заложены следующие виды физических упражнений:

– дыхательные упражнения – диафрагмальное дыхание, йоговое дыхание, дыхание по квадрату, успокаивающее. Данные упражнения простые, но напрямую связаны с нервной системой. Они расслабляют, регулируют частоту сердечных сокращений, насыщают кровь

кислородом, снижают чувство тревоги и напряжения;

– упражнения на расслабление и релаксацию – прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону, аутотренинг, медитация осознанности, визуализация. Эти упражнения направлены на снижение тревоги и мышечного напряжения, помогают перейти в состояние умиротворения;

– упражнения йоги и стретчинга – позы асаны и упражнения на растяжку. Положительная сторона этих упражнений заключается в снижении мышечного напряжения и гармонизации состояния тела и души;

– аэробные упражнения умеренной нагрузки – ходьба, бег, плавание, танцы. Укрепляют сердечно-сосудистую и дыхательную системы, повышают настроение;

– силовые упражнения умеренной интенсивности – упражнения с собственным весом и с утяжелением (гантели и эспандеры). Направлены на укрепление мышечного корсета, способствуют эмоциональной разрядке и повышению уверенности в себе.

При планировании занятий для молодых педагогов мы использовали разнообразные упражнения, начиная от простых, постепенно увеличивали их сложность и интенсивность, чтобы обеспечить плавное формирование устойчивых

физиологических и психологических механизмов. Занятия проводились 3 раза в неделю по 1 часу в период с октября по декабрь 2024 г.

На контрольном этапе нами были проведены повторные диагностики, результаты которых представлены на рис. 3 и 4.

Рис. 3. Результаты тестирования «Оценка профессионального стресса»

Fig. 3. The results of the Professional Stress Assessment test

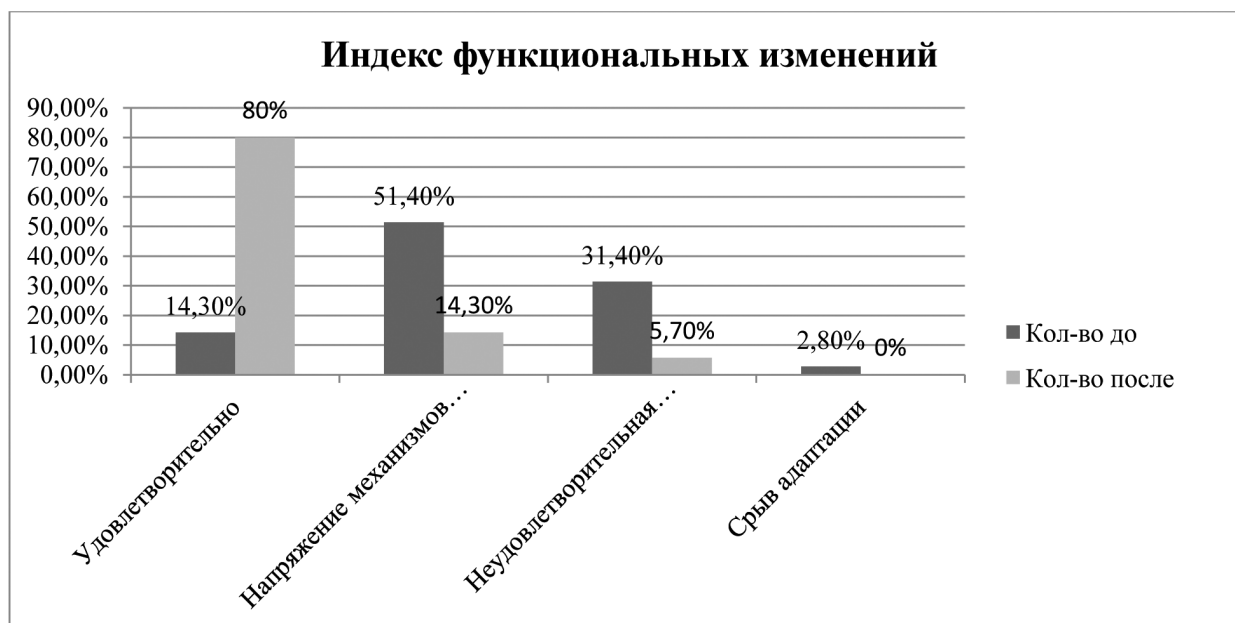

Рис. 4. Результаты диагностики «Индекс функциональных изменений»

Fig. 4. The results of the Functional Change Index diagnostics

В ходе исследования полученных значений диагностик по окончании занятий по физической культуре выявлена степень устойчивости участников эксперимента к стрессу: низкий уровень профессионального стресса у 71,4 % педагогов, а высокий лишь в 11,4 % случаев. Значение удовлетворения ИФИ возросло до 80 %. Благодаря

сформированности адаптационных механизмов за счет физических занятий молодые педагоги успешно преодолевают трудности в своей профессиональной деятельности, обладают эмоциональной саморегуляцией и имеют большой опыт использования в своей практике релаксации для снятия эмоционального перенапряжения.

Полученные значения обеих методик, рассчитанных по коэффициенту корреляции Спирмена, показали, что зависимость признаков статистически значима и имеет обратную связь. Опираясь на результаты корреляционного анализа, можно резюмировать, что молодые специалисты демонстрируют достоверные взаимосвязи в показателях ИФИ и уровня профессионального стресса. Показатели устойчивости к стрессогенным факторам позволяют свидетельствовать о наличии положительной связи физической культуры.

Заключение. Результаты нашего исследования позволяют сделать ряд заключений, в частности о влиянии стрессоустойчивости на характер и эффективность профессиональной деятельности педагога. Многочисленные исследования подтверждают эффективность занятий физической культурой для повышения устойчивости к стрессовым воздействиям за счет формирования психофизиологических механизмов и стимулирования активных защитных реакций

в организме. В этом случае следует подчеркнуть, что названные критерии были достигнуты путем научно обоснованного включения в повседневную жизнь молодых педагогов оптимальных физических упражнений, перечисленных нами ранее в содержании экспериментальной работы.

Занятия физическими упражнениями варьировались в зависимости от конкретных условий и специфики целевой аудитории. Это означает, что учитывались такие факторы, как мотивация участников, их личностные качества, сложившийся уровень стресса и функциональные возможности организма, двигательные способности, а также социальные условия труда и повседневной жизни. Можно сделать вывод, что планирование занятий по физической культуре с применением разнообразных техник упражнений способствует повышению уровня устойчивости организма к психоэмоциональному перенапряжению, противодействию стрессогенным факторам и различным заболеваниям.

Библиографический список

1. Багадаева О.Ю., Голубчикова М.Г. Критерии стрессоустойчивости педагога с позиций деятельностного подхода // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 4 (37). С. 129-139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-stressoustoychivosti-pedagoga-s-pozitsiy-deyatelnostnogo-podhoda> (дата обращения: 11.06.2024).
2. Башкирова С.Н., Наумова Т.В., Осадчий А.И., Сарибекянц Е.Б. Физическая культура как фактор повышения устойчивости организма человека к умственному перенапряжению, стрессовым ситуациям и разным заболеваниям // Перспективы науки. 2023. № 1 (160). С. 142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50734508> (дата обращения: 08.07.2024).
3. Васькина Т.И., Дворникова И.Н. Психологические особенности стрессоустойчивости молодых педагогов // Colloquium-Journal. 2019. № 20-3 (44). С. 6–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41174666> (дата обращения: 09.06.2024).
4. Галкин А.А., Сафонова И.П., Карева Ю.Ю. Влияние физической культуры и спорта на стрессоустойчивость // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2022. № 2 (15). С. 30–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49423140> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Евдокимов И.М. Пластическая гимнастика как метод профилактики и лечения стресса: исследование медико-биологических и психологических механизмов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. № 19 (4). С. 1–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plasticheskaya-gimnastika-kak-metod-profilaktiki-i-lecheniya-stressa-issledovanie-mediko-biologicheskikh-i-psihologicheskikh> (дата обращения: 12.12.2024).
6. Комлев М.А., Гвоздева К.И., Комлев Н.А. Влияние занятий физической культурой и спортом на развитие эмоциональной сферы личности // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. ст. по матер. III Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 21 ноября 2023 г. Уфа: Вестник науки, 2023. С. 220–226. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59762879> (дата обращения: 20.07.2024).

7. Лучшева Л.М., Саркисова Е.А. Стрессоустойчивость и эмоциональный интеллект как факторы эмоционального выгорания педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-3. С. 239–241. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54268355> (дата обращения: 26.06.2024).
8. Мешитбаева Г.А. Психологические особенности стрессоустойчивости педагога // Уникум. 2022. Т. 9, № 3 (3). С. 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47966844> (дата обращения: 15.06.2024).
9. Микляева А.В., Безгодова С.А. Стрессоустойчивость как фактор профессиональной самореализации молодых педагогов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Психология. 2016. Т. 18. С. 66–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-kak-faktor-professionalnoy-samorealizatsii-molodyh-pedagogov> (дата обращения 01.06.2024).
10. Подколзина Л.Г. Взаимосвязь стрессоустойчивости с адаптационным потенциалом и личностными особенностями молодых специалистов-педагогов // Научное мнение. 2021. № 1–2. С. 78–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44822056> (дата обращения: 05.07.2024).
11. Почекаева И.С., Наговицына Н.В. Эффективные способы формирования стрессоустойчивости педагогов // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 204–210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37607248> (дата обращения: 20.06.2024).
12. Синюшкина С.Д., Меркеева Е.О. Оценка влияния занятий спортом на устойчивость к стресс-факторам и психологическое состояние // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 4 (194). С. 517–520. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-zanyatiy-sportom-na-ustoychivost-k-stress-faktoram-i-psihologicheskoe-sostoyanie> (дата обращения: 26.06.2024).
13. Соловьева Е.В., Бокачева О.Н. Психологическое сопровождение педагогов в формировании стрессоустойчивости // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 221–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-pedagogov-v-formirovanii-stressoustoychivosti> (дата обращения: 04.06.2024).
14. Сульбирекова А.А., Тихонова И.В. Влияние физической культуры и спорта на стрессоустойчивость // Лучшая студенческая статья 2024: сб. ст. IX Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 25 февраля 2024 года. Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 141–143. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=61783770&pff=1> (дата обращения: 11.06.2024).
15. Токторбаева Н.Т. Формирование стрессоустойчивости в деятельности педагога // Universum: психология и образование. 2019. № 12 (66). С. 24–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42316260> (дата обращения: 12.07.2024).
16. Тошматов Б.Э. Оптимизация стрессоустойчивости педагогов с формирующимся эмоциональным выгоранием // Современное образование (Узбекистан). 2023. № 8. С. 36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55311361> (дата обращения: 09.07.2024).
17. Хижная А.В., Некрасов М.Н., Меркушова Е.С. Исследование факторов профессиональной стрессоустойчивости педагогов образовательных организаций // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83-2. С. 400–402. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67963329> (дата обращения: 14.12.2024).
18. Шалагинова К.С., Декина Е.В. Развитие стрессоустойчивости у педагогов как условие предупреждения эмоционального выгорания // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3. С. 44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43919949> (дата обращения: 10.07.2024).
19. Швацкий А. Ю. Стрессоустойчивость педагога и стратегии преодоления барьеров в педагогической деятельности // Психология стресса субъектов образовательного процесса: диагностика, коррекция, профилактика: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) /

- отв. ред. О.А. Галстян, С.В. Солдатова. Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический университет, 2018. С. 66–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37089671> (дата обращения: 07.07.2024).
20. Boğazliyan, E.E., Yalçın, & S.B., & Avşaroğlu, S. (2023). Kariyer Stresi ve Kariyer Adanmışlığı İlişkisinde Bir Yordayıcı Olarak Öğretmenlik Mesleğine Yönelik Tutumun İncelenmesi: Necmettin Erbakan Üniversitesi Pedagogik Formasyon Öğrencileri Örneği. *Manas Journal of Social Studies*, 12 (2), 613–620. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pasxlt> (access date: 07.07.2024).
 21. Haroun, S. (2023). Psychological stress and vocational adjustment among special education teachers: a field study in some psychopedagogical centers in Tizi Ouzou. *Rimak International Journal of Humanities and Social Sciences*, 2 (5), 67–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63335741> (access date: 03.07.2024).
 22. Gnatyshina, E., Uvarina, N., Savchenkov, A., Pakhtusova, N., Shumakova, O., & Savelyeva, N. (2020, October 6–9). Stress resistance of teachers as one of factors of effective educational activities. In: *FarEastSon 2020* (Volume 227, pp. 761–772). The International Science and Technology Conference. Springer, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0953-4_75
 23. Meshko, H., Meshko, O., Drobyk, N., & Mikheienko, O. (2020, May 20–22). Psycho-pedagogical training as a mean of forming the occupational stress resistance of future teachers. In: *Environmental, Technological, Social and Economic Matters* (Volume 166). International Conference on Sustainable Futures. Kryvyi Rih. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016610023>
 24. Nikolenko, O., & Zheldochenko L. (2023, February 24–26). Stress resistance of future teachers-psychologists at the stage of training at the university. In: *INTERAGROMASH 2021. Precision Agriculture and Agricultural Machinery Industry* (Volume 2, pp. 847–856). Conference proceedings. Rostov-on-Don. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-80946-1_77 (access date: 07.07.2024).

INCREASING STRESS RESISTANCE OF YOUNG TEACHERS BY MEANS OF PHYSICAL EDUCATION

A.I. Panov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. At the beginning of their professional career, young teachers face emotional stress, stressful situations, overwork, and burnout due to various difficulties. The combination of these factors leads to various health problems, reduces the quality of work, and worsens relationships with colleagues, students, and parents. Thus, professional activity of a young teacher requires a high level of stress tolerance. In the context of the above, it is necessary to point out the urgency of finding ways to form this phenomenon in order to preserve the health and efficiency of young teachers.

The purpose of the article is to reveal the specifics of planning physical education classes using exercises to increase stress tolerance of young teachers.

Methodology and research methods. The research methodology consists of analysis and generalization of scientific research works in the field of psychology, pedagogy, physiology, and medicine on the formation of teachers' stress tolerance. The experimental method allowed us to evaluate the results of the development of stress tolerance in young teachers under the influence of physical education with the use of exercises.

Research results. The analysis and generalization of scientific literature made it possible to reveal the features of stress tolerance and the causes of stress among young teachers. Based on the results of the study, the effectiveness of physical education classes using a variety of exercise techniques has been proven as an effective means of increasing resistance to stressful situations through the formation of psycho-physiological mechanisms and stimulating active protective reactions in the body.

Conclusion. The physical education lesson plan proposed in the article, using a variety of exercise techniques, helps to increase the body's resistance to psycho-emotional overstrain, counteracting stressful factors and various diseases. Due to the formation of adaptive mechanisms through the use of physical education tools, young teachers successfully overcome difficulties in their professional activities, have emotional self-regulation, and have extensive experience in using relaxation techniques to relieve stress.

Keywords: *stress tolerance, young teachers, stress factors, ways of forming stress tolerance, physical education, exercises.*

Panov, Artyom I. – PhD Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: temka9803@mail.ru

References

1. Bagadaeva, O.Yu., & Golubchikova, M.G. (2017). Criteria of stress tolerance of a teacher from the standpoint of an activity approach. *Pedagogicheskiy obraz* [Pedagogical IMAGE], 4 (37), 129–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-stressoustoychivosti-pedagoga-s-pozitsiy-deyatelnostnogo-podhoda> (access date: 11.06.2024).
2. Bashkirova, S.N., Naumova, T.V., Osadchy, A.I., & Saribekyants, E.B. (2023). Physical culture as a factor in increasing the human body's resistance to mental overstrain, stressful situations, and various diseases. *Perspektivy nauki* [Perspectives of Science], 1 (160), 142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50734508> (access date: 07.08.2024).
3. Vaskina, T.I., & Dvornikova, I.N. (2023). Psychological features of stress tolerance of young teachers. *Kollokvium-Zhurnal* [Colloquium-Journal], 20-3 (44), 6–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41174666> (access date: 09.06.2024).
4. Galkin, A.A., Safonova, I.P., & Kareva, Yu.Y. (2022). The influence of physical culture and sports on stress tolerance. *Olimp. Gumanisticheskaya versiya* [Olympus. The Humanitarian Version], 2 (15), 30–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49423140> (access date: 06.10.2024).
5. Evdokimov, I.M. (2024). Plastic gymnastics as a method of stress prevention and treatment: a study of biomedical and psychological mechanisms. *Pedagogicheskkiye, psikhologicheskkiye i mediko-bio-*

- logicheskiye problemy fizicheskoy kultury i sporta* [Pedagogical, Psychological and Biomedical Problems of Physical Culture and Sports], 19 (4), 1–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plasticheskaya-gimnastika-kak-metod-profilaktiki-i-lecheniya-stressa-issledovanie-mediko-biologicheskikh-i-psiholicheskikh> (access date: 12.12.2024).
6. Komlev, M.A., Gvozdeva, K.I., & Komlev, N.A. (2023, November 21). The influence of physical education and sports on the development of the emotional sphere of personality. In: (Eds), *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki* [Actual issues of modern science] (pp. 220–226). The 3rd International Scientific and Practical Conference. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.
 7. Luchsheva, L.M., & Sarkisova, E.A. (2023). Stress tolerance and emotional intelligence as factors of emotional burnout of teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 79 (3), 239–241. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54268355> (access date: 26.06.2024).
 8. Meshitbaeva, G.A. (2022). Psychological features of stress tolerance of a teacher. *Unikum* [Unique], 3 (3), 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47966844> (access date: 15.06.2024).
 9. Miklyaeva, A.V., & Bezgodova, S.A. (2016). Stress resistance as a factor of professional self-realization of young teachers. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [News of the Irkutsk State University. Series: Psychology], 18, 66–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-kak-faktor-professionalnoy-samorealizatsii-molodyh-pedagogov> (access date: 01.06.2024).
 10. Podkolzina, L.G. (2021). Interrelation of stress resistance with adaptive potential and personal characteristics of young specialists-teachers. *Nauchnoye mneniye* [Scientific Opinion], 1 (2), 78–85. URL: 10.25807/PBH.2224378.2021.1.2.78.85. (access date: 05.07.2024).
 11. Pochekaeva, I.S., & Nagovitsyna, N.V. (2018). Effective ways of forming teachers' stress tolerance. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages], 14, 204–210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37607248> (access date: 06.06.2024).
 12. Sinyushkina, S.D., & Merkeeva, E.O. (2021). Assessment of the impact of sports on resistance to stress factors and psychological state. *Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University], 4 (194), 517–520. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-zanyatiy-sportom-na-ustoychivost-k-stress-faktoram-i-psiholicheskoe-sostoyanie> (access date: 26.06.2024).
 13. Solovyova, E.V., & Bokacheva, O.N. (2017). Psychological support of teachers in the formation of stress resistance. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 4 (65), 221–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholicheskoe-soprovozhdenie-pedagogov-v-formirovanii-stressoustoychivosti> (access date: 04.06.2024).
 14. Sulberekova, A.A., & Tikhonova, I.V. (2024, February 25). The influence of physical culture and sports on stress tolerance. In: *Luchshaya studentcheskaya statya 2024* [The best student article 2024] (pp. 141–143). The 9th International Scientific Research Competition. Penza.
 15. Toktorbaeva, N.T. (2019). The formation of stress tolerance in the activity of a teacher. *Universum: psikhologiya i obrazovaniye* [Universum: Psychology and Education], 12 (66), 24–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42316260> (access date: 07.12.2024).
 16. Toshmatov, B.E. (2023). Optimization of stress tolerance of teachers with emerging emotional burnout. *Sovremennoye obrazovaniye (Uzbekistan)* [Modern Education (Uzbekistan)], 8, 36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55311361> (access date: 07.09.2024).
 17. Khizhnaya, A.V., Nekrasov, M.N., & Merkushova, E.S. (2024). Investigation of factors of professional stress tolerance of teachers in educational organizations. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 83 (2), 400–402. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67963329> (access date: 14.12.2024).

18. Shalaginova, K.S., & Dekina, E.V. (2020). Development of stress tolerance among teachers as a condition for preventing emotional burnout. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Pedagogy and Psychology], 8 (3), 44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43919949> (access date: 07.10.2024).
19. Shvatsky, A.Y. (2018, October 25). Stress tolerance of a teacher and strategies for overcoming barriers in pedagogical activity. In: *Psikhologiya stressa subyektov obrazovatel'nogo protsessa: diagnostika, korrektsiya, profilaktika* [Psychology of stress among subjects of the educational process: diagnosis, correction, prevention] (pp. 66–69). The All-Russian Scientific and practical conference (with international participation). State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo.
20. Boğazliyan, E.E., Yalçın, & S.B., & Avşaroğlu, S. (2023). Kariyer Stresi ve Kariyer Adanmışlığı İlişkisinde Bir Yordayıcı Olarak Öğretmenlik Mesleğine Yönelik Tutumun İncelenmesi: Necmettin Erbakan Üniversitesi Pedagojik Formasyon Öğrencileri Örneği. *Manas Journal of Social Studies*, 12 (2), 613–620. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pasxlt> (access date: 07.07.2024).
21. Haroun, S. (2023). Psychological stress and vocational adjustment among special education teachers: a field study in some psychopedagogical centers in Tizi Ouzou. *Rimak International Journal of Humanities and Social Sciences*, 2 (5), 67–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63335741> (access date: 03.07.2024).
22. Gnatyshina, E., Uvarina, N., Savchenkov, A., Pakhtusova, N., Shumakova, O., & Savelyeva, N. (2020, October 6–9). Stress resistance of teachers as one of factors of effective educational activities. In: *FarEastSon 2020* (Volume 227, pp. 761–772). The International Science and Technology Conference. Springer, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0953-4_75
23. Meshko, H., Meshko, O., Drobyk, N., & Mikheienko, O. (2020, May 20–22). Psycho-pedagogical training as a mean of forming the occupational stress resistance of future teachers. In: *Environmental, Technological, Social and Economic Matters* (Volume 166). International Conference on Sustainable Futures. Kryvyi Rih. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016610023>
24. Nikolenko, O., & Zheldochenko L. (2023, February 24–26). Stress resistance of future teachers-psychologists at the stage of training at the university. In: *INTERAGROMASH 2021. Precision Agriculture and Agricultural Machinery Industry* (Volume 2, pp. 847–856). Conference proceedings. Rostov-on-Don. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-80946-1_77 (access date: 07.07.2024).

УДК 811.161.1

КОЛОРАТИВ «КРАСНЫЙ» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАРОДНОГО МИРОВИДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ ИЗ СБОРНИКА В.И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)

У Цюн (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Колоративы как категория культуры несут важную смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку, выражают различные морально-нравственные и эстетические оценки. Однако современные носители русского языка не всегда понимают заложенные в поговорках смыслы и оценки, в том числе глубокие. В связи с этим необходимо изучение прямых и переносных значений народных изречений, поскольку это позволит установить первичные смыслы, охарактеризовать национально-культурный компонент, а это, в свою очередь, позволит лучше понять мировидение русского народа.

Цель статьи – изучить прямые и переносные смыслы колоратива «красный» в поговорках, извлеченных из сборника В.И. Даля, и выявить, какие национально-специфические черты восприятия мира русским народом в них представлены.

Методология и методика исследования. В качестве материала исследования были избраны поговорки, представленные в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» и содержащие колоратив «красный». Количество анализируемых единиц – 256. В работе был использован ряд методов, а именно: описательный, метод компонентного и контекстуального анализа, семантического анализа.

Результаты исследования. Изучение колоратива «красный», функционирующего в поговорках, показало, что этот цвет амбивалентен, поскольку может выражать позитивную и негативную оценки. Семантическая структура данного колоратива сложна, в ней заложены прямые и переносные смыслы, в которых в той или иной степени отражается восприятие народом различных категорий: красота, повседневный труд, отдых и праздники, гостеприимство и хлебосольство, ответственность, правдивость и лживость, богатство и бедность, остроумие, мудрость и глупость и пр. Каждая из них по-разному проявляется в жизни. Так, красота может утрачиваться, а в некоторых случаях предпочтительнее оказываются практические умения. В праздничные, благополучные дни человек счастлив, но даже в такое время есть люди, испытывающие трудности. Богатые приятны многим, но достаток, а значит, и влияние, можно легко потерять. Ценностью обладают как предметы, так и люди и их морально-нравственные качества. Красивая речь заслуживает уважения, в то же время она бывает обидной и лживой.

Заключение. Таким образом, в поговорках заложена идея о том, что при осмыслении тех или иных предметов, явлений, жизненных ситуаций прежде всего следует обращать внимание на их внутреннее содержание, а не на внешние признаки.

Ключевые слова: колоратив, поговорка, народное мировидение, прямое значение, переносное значение, символическое значение.

У Цюн – аспирант института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>; Scopus Author ID: 0009-0000-2320-0580; e-mail: 921409165@qq.com

Постановка проблемы. В настоящее время исследование колоративов остается актуальным. Лингвисты рассматривают разные проблемы, затрагивающие этимологию цветных слов, состав цветообозначающей лексики, особенности семантической структуры колоративов, функционирование колоративов в

языке произведений известных писателей и поэтов и пр. Среди них выделяется проблема, обусловленная тем, что колоративы как категория культуры несут важную смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку, выражают различные морально-нравственные и эстетические оценки. Однако современные носители русского

языка не всегда понимают заложенные в паремиях смыслы и оценки, в том числе глубинные. В связи с этим необходимо изучение прямых и переносных значений народных изречений, поскольку это позволит установить первичные смыслы, охарактеризовать национально-культурный компонент, что, в свою очередь, позволит лучше понять мировидение русского народа.

Цель статьи – изучить прямые и переносные смыслы колоратива «красный» в паремиях, извлеченных из сборника В.И. Даля, и выявить, какие национально-специфические черты восприятия мира русским народом в них представлены.

Обзор научной литературы. Колоративы, входящие в состав фразеологизмов, пословиц и поговорок, являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа [Козьякова, 2023, с. 69]. «На основе цветового восприятия можно судить не только о психических и интеллектуальных чертах индивида, но и о “цветовом зрении” общества в целом» [Иванова, 2005, с. 31]. Вследствие этого цветовая лексика, включенная в паремии и фразеологизмы, уже становилась предметом исследования. Так, изучены закономерности, особенности употребления цветowych и световых лексем в паремиях; проанализирована семантика паремий, содержащих цвето- и светообозначения на материале русского языка¹; проведено сопоставление цветообозначающей лексики в английских и русских паремиях [Иванова, 2005; Абакумова, 2023; Арсалиева, Дибирова, 2023]; исследован опыт русского народа, передаваемый через колоративы в пословицах и поговорках, на основе двухтомного труда В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Перфилова, 2014]; выявлены сходство и различия в семантике русских, английских и французских фразеологизмов и пословиц с колоративом «красный» [Кулинская, 2015]; описана значимость фразеологических и

паремиологических единиц с цветовыми единицами *weiß / белый / ак*, а также *golden / золотой / алтын* в лингвоцветовой картине мира носителей немецкого, русского и татарского языков [Кулькова, Мухамадьярова, 2017; Мухамадьярова, 2019]; определены функции колоративов в паремиях [Замятина, 2024].

Методология и методика исследования. В качестве материала исследования были избраны паремии, представленные в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» и содержащие колоратив «красный». Количество анализируемых единиц – 256. В работе был использован ряд методов, а именно: описательный, метод компонентного и контекстуального анализа, семантического анализа.

Результаты исследования. В данном исследовании паремии понимаются широко как «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл»². К паремиям будем относить пословицы, поговорки, загадки, приметы, прибаутки, пожелания, скороговорки и другие малые жанры фольклора [Пермяков, 1988]. Заметим, что на формирование значений паремий оказывают влияние цветочные слова, включенные в их состав, так как они актуализируют присущий им скрытый оценочный смысл [Шестеркина, 2011].

Проведенный анализ показал, что паремии, извлеченные из сборника В.И. Даля, содержат общеупотребительные колоративы, которые делятся на следующие группы.

1. Хроматические цвета: красный, синий, голубой, зеленый, желтый.
2. Ахроматические цвета: черный, серый, белый.
3. Оттенки цвета: алый, рыжий, розовый, черемной, карий.
4. Колоративы, обозначающие цвет как непосредственно, так и опосредованно: золотой, серебряный.

¹ Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кострома, 2000. 220 с.

² Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 242.

С точки зрения частотности колоративы, входящие в состав паремий, можно распределить по следующим группам.

1. Часто используемые колоративы: красный, белый, черный, золотой.

2. Колоративы, употребляемые со средней частотностью: зеленый, серый, синий.

3. Редко используемые колоративы: рыжий, серебряный, алый, голубой, желтый, розовый.

Для детального анализа избираем функционирующий в паремиях колоратив «красный» и его дериваты, так как этот цвет наиболее употребителен. Кроме того, этот цвет включается в триаду «красный – белый – черный», которая является значимой во всех культурах, в том числе и русской. Считается, что данные колоративы возникли первыми, поскольку базируются на наиболее ценных, важных для выживания человека объектах и явлениях внешнего мира: свет, мрак, кровь, огонь [Хараева, Езаова, Шугушева, 2022, с. 2233–2234].

Исследуемые в работе паремии включают в свой состав колоратив «красный», выраженный преимущественно прилагательными в полной (красный, красенький) или краткой форме (красно, красна, красны). Преобладание данной части речи обусловлено тем, что категориальным значением имени прилагательного является указание на признак, в данном случае на признак цвета. В некоторых паремиях встречается колоратив с семантикой красного цвета, выраженный наречием (красно, в красне). Употребление такого компонента обоснованно, так как он выражает общее состояние, положение, реализует символическое значение³.

В народных изречениях колоратив «красный» употребляется с существительными, которые составляют следующие тематические группы:

1) наименования людей и частей их внешности: человек, девушка, девица, девка, жена, дочь, гость, рыло, рожа, детки;

2) наименования животных и птиц и частей их тела: зверь, пава, кочет, петух, перья;

3) наименования растений, деревьев: сосна, цветок, верба;

4) наименования предметов одежды и обуви: платье, колпак, сапожки, сапоги, шапка, рубашка, голенище;

5) наименования мест, в том числе мест проживания человека: угол, место, Москва, село, изба, ряды, Кут;

6) наименования предметов быта: ложка, книга, товар, гроб, палка, окно, ногавка, гарус, румяна;

7) наименования продуктов питания: земляника, ягодка, яблоко, яйцо, яичко, рыба;

8) наименования металла: золото;

9) наименования временных отрезков: лето, весна, ночь, день, денек, утро;

10) наименования праздников и событий: горка, похороны, Евдокия;

11) наименование природных объектов: солнце, солнышко, облака, огонь, дорога, река, поле;

12) наименования абстрактных понятий: смерть, звон, ложь, нужда, милость, хлеб-соль;

13) наименование объектов речевой деятельности: слово, словцо, речь.

Прежде чем перейти к описанию смыслов колоратива «красный», употребленного в паремиях, отметим, какие значения этой единицы зафиксированы в лексикографических источниках.

Этимологические словари указывают, что прилагательное «красный» относится к общеславянским словам, оно восходит к той же основе, что и лексема «краса», и имеет исходное значение «красивый», «прекрасный»^{4,5}.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой прилагательное «красный» трактуется таким образом: «1) цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака;

³ Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кострома, 2000. С. 27.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2 (Е – Муж) С. 368.

⁵ Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 200.

2) относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии; 3) употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого; 4) употр. для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь; 5) сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военнослужащий Красной Армии»⁶. Кроме вышеуказанных значений, выделяются также следующие: «3) трад.-поэт. Красивый, прекрасный; 4) устар. Радостный, счастливый; 5) народно-поэт. Ясный, яркий, светлый; 6) только полн. ф. Устар. Парадный, почетный»⁷; «2) покрасневший от прилива крови; 4) устар. Самый лучший, высшего качества»⁸.

Словарь символов определяет красный цвет как «активный, мужское начало, цвет жизни, огня, войны, энергии, агрессии, опасности, революции, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и молодости»⁹.

Таким образом, в семантической структуре колоратива «красный» выделяются прямые, переносные и символические значения. В прямом значении цветное слово называет абсолютный признак, не зависящий от оценки говорящего; при переносном употреблении происходит нарушение традиционных норм, вследствие чего рождаются яркие образы. Если цветное слово реализует символическое значение, то его первичное содержание становится условным обозначением для абстрактного содержания [Мартьянова, 2013, с. 59].

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 303–304.

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 29.01.2025).

⁸ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / автор. ред., 2000. 1536 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 29.01.2025).

⁹ Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Изд.-торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 2001. 444 с. URL: https://www.book-site.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/11.htm (дата обращения: 29.01.2025).

Исследование показало, что в большинстве случаев лексема «красный» в паремиях встречается не в прямом цветовом значении, а в своей «старой роли, как слово, выражающее не очень определенные, но зато самые разнообразные положительные качества: красивый, прекрасный, превосходный, великолепный, приятный, привлекательный, ценный, драгоценный, отличный, изрядный, отменный и прочее» [Бахилина, 1975, с. 165].

Следует заметить, что отдельные значения у колоратива «красный» разграничиваются условно, так как одна и та же паремия в разных контекстах может получать разные толкования, а у колоратива в одном контексте одновременно могут быть актуализированы несколько значений¹⁰.

Рассмотрим, какие народные идеи представлены посредством лексемы «красный» в прямом, переносном и символическом значениях.

Колоратив «красный» в паремиях отражает красоту, привлекательность, молодость женщины [Бреслав, 2000; Кулинская, 2015, с. 131]: *Он красным девушкам во сне снится; Женить бы его не на красной девице, на рябиновой вице; Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде; Девушки хороши, красные пригожи, да отколь же злые жены берутся? Красна, как маков цвет.* Красота обусловлена наличием некоторых элементов во внешности: *Коса – девичья краса. Красная краса – русая коса; Без хвоста и пичужка не красива (не красна).* Паремии также отражают мысль о том, что красота и привлекательность могут быть утрачены женщиной в силу возраста: *Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет; Вянет и красный цвет. Христова невеста (засидевшаяся),* а также после замужества *Девка красна до замужества.* В некоторых случаях красота не является главным качеством женщины, на первое место ставится ее умение вести хозяйство: *Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла.*

¹⁰ Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кострома, 2000. С. 30.

Колоратив «красный» в паремиях может выступать в значении «почетный, парадный» [Кулинская, 2015, с. 131]. Появление этого значения связано с тем фактом, что в «русских избах красным или почетным называли внутренний угол дома, где находились стол и иконы. Сюда сажали самых уважаемых и дорогих гостей»¹¹. В то же время данное цветочное слово вербализирует такую черту характера русского народа, как гостеприимство и хлебосольство: *Просим на избу: красному гостю красное место; Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают; Первому гостю первое место и красная ложка.*

Колоратив «красный» в паремиях зачастую используется в значении «хороший, яркий, ясный, светлый» [Там же]: *Когда весна красными днями снег сгоняет, родится хлеб; С Петрова дня красное лето, зеленый покос; Ешь, конь, сено, поминай красное лето; Красное солнышко на белом свете черную землю греет.* Для русского народа, ведущей деятельностью которого было сельское хозяйство, значимыми были погодные условия, поскольку если выбрать хороший, удачный для посадки день, можно получить хороший урожай: *Красные дни – сей пшеницу; Пшеницу сей, когда весна стоит красными днями. Какой день маслены красный, в такой и сей пшеницу (ярославск.).* Теплый период не столь длителен в России, поэтому для русского человека такое время очень важно, оно нужно не только для работы, но и для отдыха: *В красный день прятать ленно.*

Красными называли радостные, счастливые, праздничные дни [Там же]. Праздники, в том числе и религиозные, выделялись в календаре красным цветом, вероятно, поэтому родилось выражение «красный день»¹²: *Деньга про белый день, деньга про красный день да деньга про черный день.* Обычно в такое время человек представлен с лучшей стороны: *Посмотреть на него в красный день, в белой рубашке да при лучине;*

Не видал ты меня в красный день да при лучине. Но не всегда в хорошие, праздничные дни человек трезв, счастлив, хорошо выглядит и хорошо себя чувствует: *В красный день, как обгорелый пень; В черный день перемогусь, а в красный – сопьюсь.* Красные дни, т.е. счастливое время, молодость, в паремиях противопоставляются старости. Это грустный период, так как он связан с отрицательными сторонами жизни, «с ощущением безвозвратно утраченной молодости, прожитой жизни»¹³: *Старость не радость, не красные дни.* Также в паремиях отражается противопоставление «счастливая семейная жизнь – бедность»: *Красный день свадьбы – жить красно, да бедно.*

Колоратив «красный» используется для обозначения ценных пород, сортов чего-нибудь, подчеркивает высшее качество того или иного предмета, товара^{14,15}: *Спасцы: Откуда ты, молодец? – Спасский купеч. – Чем торгуешь? – Красным товаром: сальными свечами да чистым дегтем (Рязанская губерния); У спасца и деготь – красный товар; Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя (или: до красного зверя).*

Помимо описанных значений лексемы «красный», зафиксированных в словарях, в паремиях выделяются и другие смыслы. Остановимся на некоторых.

Прилагательное «красный» имеет в своем составе сему «дорогой, ценный» [Кулинская, 2015, с. 131]. При этом ценность могут представлять люди: *Сын да дочь – красные детки.* Для крестьянской семьи большую ценность представляли «двое детей, сын и дочь, такая семья считалась удачливой, потому что сын – это помощник и продолжатель дела отца, а дочь – помощница матери в хозяйстве. При таком сочетании дети

¹¹ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 580.

¹² Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Изд.-торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 2001. 444 с. URL: https://www.book-site.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/11.htm (дата обращения: 29.01.2025).

¹³ Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кострома, 2000. С. 108.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 303–304.

¹⁵ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / автор. ред., 2000. 1536 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 29.01.2025).

назывались красными»¹⁶. В народных изречениях утверждается ценность таких морально-нравственных понятий, как опыт, дела: *Не годами старость красна, делами; Дело толком красно*; гостеприимство, приветливость: *Не красна изба углами, а красна пирогами; Изба красна углами, обед – пирогами; Красна дорога ездоками, а обед – едоками (пирогами); Красна река берегами, обед – пирогами (едоками)*; ответственность за поступки: *Красны займы отдачею (а наймы уплатою); Всякие займы платежом красны; Хлеб-соль платежом красна. Хлеба б те в брюхо (шуточ.); Конец игры – расчет. Игра расчетом красна*; правдивость: *Красна милость и в правде*; миролюбие: *Всякая ссора красна мировую*; образованность: *Красна птица перьем, а человек ученьем*. Если говорить о предметах, то ценность имеет не красивый их вид, а предназначение, наполнение: *Дом для фасада строится. Красно глядеть, а жить негде*. В выражениях *Не красна книга письмом, красна умом; Не складна (не красна) письмом, складна (красна) вымыслом; Не красна челобитная складом, складна указом* указывается, что содержание книги, документа важнее стилистического оформления текста или красивой обложки.

Колоратив «красный» становится символом богатства: *Тот и умен, кто богато (или: красно) наряжен; Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку*. В паремиях представлена идея о том, что богатому человеку хорошо живется не только в реальной действительности, но и в мечтаниях, снах: *Жить в добре да в красне – хорошо и во сне; Жить в красне хорошо и во сне*. В народном изречении может содержаться указание на род деятельности, который приносит достаток, при этом в лексеме «красный» совмещаются сема цвета и сема «богатство»: *Продавец в красных сапожках ходит (щеголяет)*. Кроме того, в народных изречениях реализуется идея о противоречивости, изменчивости жизненных обстоятельств, хорошая жизнь в достатке в любой момент может смениться бедностью: *Временем в красне, порою*

в черне; Живут и на воде люди. И в красне живут, и в черне живут. В некоторых паремиях прослеживается мысль о том, что с богатыми, успешными людьми приятно и легко общаться. Если же человек беден, находится в трудной жизненной ситуации, то он никому не нужен: *Полюби-ка нас в черне, а в красне и всяк полюбит*.

Колоратив «красный» в паремиях принимает участие в характеристике речевых действий и становится носителем значения «остроумный, меткий» [Кулинская, 2015, с. 131]. С одной стороны, речевые действия могут оцениваться негативно: *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца; Ради красного словца не пожалеет родного отца*. В данных паремиях красное словцо – это прежде всего слова, с помощью которых можно сделать речь эффектной, продемонстрировать остроту ума, представить окружающую действительность лучше, чем она есть. Такие слова могут обидеть, задеть кого-либо [Лесинская, Мазай, Сперанская, 2023, с. 112]. Под красным словцом может быть скрыта ложь: *Вот тебе грош за красную ложь! Красно врешь: за мною грош; Говорит воду, а во рту сухо*. За подобные слова и речи дают грош, т.е. они оцениваются негативно. Критикуются в паремиях пустословие и сплетни: *Говорит красно, а поглядишь – пестро; Красно говорит, а слушать нечего; И красно, и пестро (говорит), да пустоцветом, Сказал красно – по избам пошло, а смолчится – себе пригодится*.

С другой стороны, в народных изречениях «красное словцо» получает и положительную коннотацию, так как красными называют содержательные, меткие, мудрые речи [Там же]: *Красное словцо не ложь; Кому красное словцо, кому присказку; Хорошую речь хорошо и слушать. Красную речь красно и слушать; Красна речь с притчею (с поговоркой); Он роди язык (т.е. он красно говорит)*. В паремиях обращается внимание не только на умение хорошо говорить, но и на умение слушать другого: *Красна речь слушаньем (а беседа смирением)*.

Лексема «красный» в паремиях также может передавать собственно цветное значение. Приведем примеры такого употребления.

¹⁶ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 159.

Колоратив «красный» в паремиях используется для выражения негативной оценки интеллекта, в частности, он является любимым цветом дурака. Вероятно, для недалеких людей красный цвет привлекателен, поскольку он яркий, бросающийся, внешняя, поверхностная красота, становится для них важнее, чем внутренние, духовные качества: *В красной шапке узнаешь дурака; Рад, как дурак красной шапке (из сказки); Рад дурак красному. Что пестро, то дураку и красно; Дурак любит красно, солдат любит ясно; Коли барский дурак, так и красный колпак.*

Также колоратив «красный» в цветовом значении в составе паремии принимает участие в описании внешности человека, а именно указывает на цвет лица, волос. Однако не всегда красный цвет говорит о красоте и здоровье человека. Он может отражать негативную оценку: *Рыжий да красный – человек опасный.* Негативное отношение может подчеркиваться словами «рыло», «рожа»: *Вавила красное рыло; Рожа красная, хоть онучи суши.*

Лексема «красный» в прямом значении встречается в паремиях о типах деятельности человека. Красного цвета могла быть шапка у вора: *Красная шапка – вор мужик; у солдата: Дворянская служба – красная нужда (о старинной военной службе); Красная нужда – дворянская служба; Отдали под красную шапку.*

Колоратив «красный» используется для обозначения объектов природного мира. Этот цвет привлекателен для насекомых: *На красный цветок и пчела летит; И пчелка летит на красный цветок.* Обращает на него внимание и человек. В пословице *Красна ягодка, да на вкус горька* колоратив «красна» характеризует цвет зрелой ягоды. В природе такие плоды имеют сладкий вкус. Однако в данной паремии цветочное слово включено в антитезу «красна – горька». В результате пословицу можно трактовать следующим образом: внешний вид может быть обманчив, не все, что выглядит ярко и красиво, обладает достоинствами.

Прямое цветовое значение колоратива «красный» содержится и в загадках. Как правило, цветовое слово включается в загадываемую

часть. Для того чтобы загадка была успешно отгадана, кодирование загадываемого объекта происходит с опорой на стереотип, т.е. коллективное представление об этом объекте [Мещерякова, 2023, с. 80]. Так, в загадках колоратив «красный» используется для обозначения объектов природного мира: *Маленький, удаленький, в землю ушел, красну шапку нашел (мак); Вверху зелено, внизу красно, в землю вросло (свекла); Красный сапог (или: бархат) в земле горит (свекла); Маленький, удаленький, сквозь землю прошел, красну шапочку нашел (гриб); Под лесом, лесом красна пенька висит (рябина); Под ярусом, ярусом висит зипун с красным гарусом (рябина).* Посредством красного цвета в загадках описывается огонь, возникающий при горении того или иного предмета: *Красненький кочеток по жерди ходит (горящая лучина); Красный кочеток по жердочке бежит (огонь); Мать толста, дочь красна, сын храбер (кудреват), в поднебесье ушел (печь, огонь и дым);* или во время выстрела из оружия: *Летит птица тонка, перья красны да желты, под конец ее человекья смерть (ружье, выстрел).*

Заключение. Изучение колоратива «красный», функционирующего в паремиях, показало, что этот цвет амбивалентен, поскольку может выражать позитивную и негативную оценки. Семантическая структура данного колоратива сложна, в ней заложены прямые и переносные смыслы, в которых в той или иной степени отражается восприятие народом различных категорий: красота, повседневный труд, отдых и праздники, гостеприимство и хлебосольство, ответственность, правдивость и лживость, богатство и бедность, остроумие, мудрость и глупость и пр. Каждая из них по-разному проявляется в жизни. Так, красота может утрачиваться, а в некоторых случаях предпочтительнее оказываются практические умения. В праздничные, благополучные дни человек счастлив, но даже в такое время есть люди, испытывающие трудности. Богатые приятны многим, но достаток, а значит, и влияние, можно легко потерять. Ценностью обладают как предметы, так и люди и их морально-нравственные качества. Красивая речь заслуживает уважения,

в то же время она бывает обидной и лживой. Таким образом, в паремиях заложена идея о том, что при осмыслении тех или иных предметов, явлений, жизненных ситуаций прежде всего следует обращать внимание на их внутреннее содержание, а не на внешние признаки.

Библиографический список

1. Абакумова О.Б. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами // *Art Logos (искусство слова)*. 2023. № 1. С. 97–108. DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_97/
2. Арсалиева Э.Х., Дибирова А.М. Цветообозначающая лексика в паремиях русского и английского языков // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 1 (98). С. 430–432.
3. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
4. Бреслав Г.Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб.: Б.&К., 2000. 212 с. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0365/1_0365-59.shtml (дата обращения: 18.02.2025).
5. Замятина А.О. Функции колоративов в воспроизводимых текстах русской культуры (на материале сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля) // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. матер. XI (XXV) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (18–20 апреля 2024 г.)*. Томск, 2024. Вып. 25. С. 80–84. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74507674_77115151.pdf (дата обращения: 18.02.2025).
6. Иванова Е.В. Какого цвета пословичная картина мира? // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2005. Сер. 9. Вып. 2. С. 31–43.
7. Козьякова М.И. Красный цвет как исторический символ русской культуры // *Вестник МГУКИ*. 2023. № 4 (114). С. 68–79.
8. Кулинская С.В. Фразеологические единицы и пословицы с компонентом «красный цвет» и их отражение в языковой картине мира (на примере русского, английского и французского языков) // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2015. № 1 (27). С. 129–132.
9. Кулькова М.А., Мухамадьярова А.Ф. Сопоставительное изучение паремиологических и фразеологических единиц, содержащих колоронимы golden / золотой / алтын (на примере немецкого, русского и татарского языков) // *Филология и культура. Philology and culture*. 2017. № 4 (50). С. 27–32.
10. Лесинская А.К., Мазай Н.И., Сперанская А.Н. Бог, род и речь в народной культуре: анализ русских паремиологических единиц: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 336 с.
11. Мартыянова Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // *Филология и человек*. 2013. № 4. С. 56–67.
12. Мещерякова О.А. Перцептивная лексика в русской народной загадке // *Отечественная филология*. 2023. № 4. С. 74–84.
13. Мухамадьярова А.Ф. Изучение фразеологических и паремиологических единиц с колоронимами weiß / белый / ак (на примере немецкого, русского и татарского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 143–149.
14. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 237 с.
15. Перфилова М.Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2014. № 77. С. 89–92.
16. Хараева Л.Х., Езаова М.Ю., Шугушева Д.Х. Цветовая триада «черный – белый – красный» в адыгской картине мира и ее функционирование в художественном дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2232–2238. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220387>
17. Шестеркина Н.В. Концепт «Цвет» (белый): на материале русских и немецких паремий // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2011. Вып. 2. С. 62–70.

THE COLORATIVE 'RED' AS A REFLECTION OF FOLK WORLDVIEW (BASED ON PAREMIAS FROM V.I. DAL'S PROVERBS OF THE RUSSIAN PEOPLE)

Wu Qiong (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Coloratives, as a cultural category, carry significant semantic and emotional-expressive weight, conveying various moral and aesthetic evaluations. However, modern Russian speakers do not always grasp the meanings and evaluations embedded in paremias, including their deeper layers. Therefore, it is essential to study the literal and figurative meanings of folk sayings, as this will help uncover their primary meanings, characterize the national-cultural component, and, in turn, deepen the understanding of the Russian people's worldview.

The purpose of the article is to analyze the literal and figurative meanings of the colorative 'red' in paremias extracted from V.I. Dal's collection and to identify the nationally specific features of the Russian people's perception of the world reflected in them.

Methodology (materials and methods). The research material consists of 256 paremias from V.I. Dal's *Proverbs of the Russian People* containing the colorative 'red'. The study employs descriptive, component-contextual, and semantic analysis methods.

Research results. The analysis reveals that the colorative 'red' is ambivalent, capable of expressing both positive and negative evaluations. Its semantic structure is complex, encompassing literal and figurative meanings that reflect the people's perception of categories such as beauty, daily labor, rest and holidays, hospitality and generosity, responsibility, truthfulness and deceit, wealth and poverty, wit, wisdom, and foolishness. These categories manifest diversely in life: beauty may fade, while practical skills are sometimes prioritized; festive times bring joy, yet hardships persist even then; wealth attracts admiration but is easily lost. Value is ascribed to both objects and people's moral qualities. Eloquent speech commands are respectful but can also be hurtful and dishonest.

Conclusion. The paremias convey the idea that when interpreting objects, phenomena, or life situations, one should their inner essence over external appearances.

Thus, the idea is embedded in the paroemias that when interpreting certain objects, phenomena, and life situations, first of all, one should prioritize their internal content inner essence over external appearances.

Keywords: *colorative, paremias, folk worldview, literal meaning, figurative meaning, symbolic meaning.*

Wu Qiong – PhD Candidate, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>; Scopus Author ID: 0009-0000-2320-0580; e-mail: 921409165@qq.com

References

1. Abakumova, O.B. (2023). Semantics of color in Russian and English phraseological units and proverbs with coloratives. *Art Logos (iskusstvo slova)* [Art Logos (The Art of the Word)], 1, 97–108. DOI: 10.35231/25419803_2023_1_97/
2. Arsalieva, E.Kh., & Dibirova, A.M. (2023). Color-denoting vocabulary in Russian and English proverbs. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 1 (98), 430–432.
3. Bakhilina, N.B. (1975). *Istoriya tsvetooboznacheniya v russkom jazyke* [The History of Color Terms in the Russian Language], Moscow.
4. Breslav, G.E. (2000). *Tsvetopsikhologiya i tsvetolechenie dlya vsekh* [Color Psychology and Color Therapy for Everyone], St. Petersburg. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0365/1_0365-59.shtml (accessed: 18.02.2025).
5. Zamyatina, A.O. (2024, April 18–20). Functions of coloratives in reproducible texts of Russian culture (based on V.I. Dal's Collection "Proverbs of the Russian People"). In: *Aktualnye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Current Issues in Linguistics and Literary Studies] (Issue 25, pp. 80–84). The 11th (25th) International Scientific and Practical Conference of Young Scholars. Tomsk. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74507674_77115151.pdf (access date: 18.02.2025).

6. Ivanova, E.V. (2005). What color is the proverbial worldview? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 9 (2), 31–43.
7. Kozyakova, M.I. (2023). The color red as a historical symbol of Russian culture. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Art], 4(114), 68–79.
8. Kulinskaya, S.V. (2015). Phraseological units and proverbs with the component 'red color' and their reflection in the linguistic worldview (based on Russian, English, and French languages). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (27), 129–132.
9. Kulkova, M.A., & Mukhamadyarova, A.F. (2017). Comparative study of paremiological and phraseological units containing color terms 'golden/zolotoy/altyn' (based on German, Russian, and Tatar languages). *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 4 (50), 27–32.
10. Lesinskaya, A.K., Mazay, N.I., & Speranskaya, A.N. (2023). *Bog, rod i rech v narodnoy kulture: analiz russkikh paremiologicheskikh edinits* [God, Kin, and Speech in Folk Culture: Analysis of Russian Paremiological Units], Krasnoyarsk.
11. Martyanova, N.A. (2013). Symbolic color designations in russian linguoculture. *Filologiya i chelovek* [Philology and the Human], 4, 56–67.
12. Meshcheryakova, O.A. (2023). Perceptual vocabulary in Russian folk riddles. *Otechestvennaya filologiya* [National Philology], 4, 74–84.
13. Mukhamadyarova, A.F. (2019). The study of phraseological and paremiological units with coloronyms weiß / white / ак (based on German, Russian, and Tatar languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 12 (3), 143–149.
14. Permyakov, G.L. (1988). *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of Structural Paremiology], Moscow.
15. Perfilova, M.N. (2014). Coloratives as a means of transmitting folk experience in proverbs and sayings. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 77, 89–92.
16. Kharaeva, L.Kh., Ezaova, M.Yu., & Shugusheva, D.Kh. (2022). The color triad 'black – white – red' in the Adyghe worldview and its functioning in artistic discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 15 (7), 2232–2238. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220387>
17. Shesterkina, N.V. (2011). The concept of 'color' (white): based on Russian and German paremias. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University], 2, 62–70.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

В «Вестнике КГПУ им. В.П. Астафьева» публикуются основные научные результаты исследований научных школ, диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, статьи преподавателей и аспирантов, которые ведут активные научные поиски в области педагогических и психологических наук. Полнотекстовая электронная версия статей публикуется в Научной электронной библиотеке *eLibrary*, выставляется в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» и во все-российской электронно-библиотечной системе издательства «Лань».

Журнал размещен на платформе публикаций *Readera*. Проект предоставляет комплекс бесплатных инструментов для мобильного чтения, создания заметок и цитат, эффективного продвижения публикаций на международную аудиторию.

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объем не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Текст рукописи статьи должен иметь следующую *структуру*: постановка проблемы, цель статьи, методология (материалы и методы), обзор научной литературы по проблеме, результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из списка литературы: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются *переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev publishes the main scientific results of research of scientific schools, doctoral or PhD theses, articles of teachers and graduate students who do active scientific research in the field of pedagogical and philological sciences. A full-text electronic version of the articles is published in the Scientific Electronic Library *eLibrary*, is exhibited in the system of the scientific electronic library *KiberLeninka* and in the all-Russian electronic library system *Lan*.

The journal is published on the *Readera* publishing platform. The project provides a set of free tools for mobile reading, creating notes and quotations, and effectively promoting publications to an international audience.

Only manuscripts that meet the following requirements are allowed for consideration (review).

Manuscripts of the articles must be made in accordance with international professional requirements for a scientific article with a volume of at least 0.5 of printed sheet (20,000 characters), Times New Roman font, size 14, interval 1.5.

The text of the manuscript of the article must have the following *structure*: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), review of scientific literature on the problem, research results, conclusions (conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution).

When citing, it is necessary to provide references to *all* sources from the list of references, "...» [Ivanov, 2017, p. 119].

The names of tables and figures are necessarily accompanied by a *translation into English*, which makes it possible to increase the readability of articles for foreign authors.

К рукописи статьи прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

– *заглавие* – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

– сведения об авторе – указываются фамилия, имя и отчество, занимаемая должность, ученая степень, звание, место работы, почтовый рабочий адрес с указанием индекса города, страна, адрес электронной почты, контактный телефон; Scopus Author ID; ORCID ID; научная специальность согласно новой номенклатуре научных специальностей (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

– *аннотация статьи* – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не менее 200 слов / 1 500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: постановка проблемы, цель статьи, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад; ключевые слова (5). Соответственно на английском языке: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution; keywords (5).

Пристатейный список литературы (не менее 17 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии), из них не менее 30 % зарубежных (*Scopus, Web Of Science*), за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии) оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (References); данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерацией фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

The manuscript is accompanied by the published information in Russian and English:

– *title* – contains the title of the article, initials and surname of the author/authors, UDC;

– *address information about the author* – the place of work, position, academic degree, postal work address with a city index, country, e-mail address (all information is provided in full without abbreviations);

– *abstract of the article* – a brief summary of the main content of the article and its summarizing results (no less than 200 words / 1 500 characters).

Requirements for the content and structure of the abstract

The structure of the article is preserved in the abstract: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution; keywords (5).

A reference list (at least 17 scientific research sources such as scientific articles, monographs), of which at least 30 % are foreign ones (*Scopus, Web Of Science*) for the last 3 to 5 years, indicating DOI for all sources if available), is made in alphabetical order in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008 and in accordance with international standards adopted by the editors (References); data for each source are provided in accordance with the original translation of the title of the article, the name of the journal, including transliteration of the names of authors; Links in the text are made in square brackets, contain the author's surname, year of publication and pages of the work cited. References to other types of sources (archival, normative, publicistic, reference, educational and methodical literature, dictionaries, abstracts of theses...) are made inside the text of the article by subscript links.

Accompanying information to the article

Author's summary is a summary of the main information about the author and the content of the article being published, which is a summary of the publication.

Сопроводительные сведения к статье

Авторское резюме – изложение основных сведений об авторе и содержании публикуемой статьи, являющееся рефератом публикации.

*Структура авторского резюме**1. На русском языке*

УДК

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

2. На английском языке

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

Требования, предъявляемые к авторским резюме:

- ясность/понятность, полнота, лаконичность отражения сведений об авторе и статье;
- соответствие требованиям структурных элементов;
- полнота изложения аннотации (наличие проблемы и цели, методологии, результатов, заключения);
- наличие и качество авторского резюме на английском языке (качество перевода).

Рецензирование статей

Редакцией журнала приняты международные стандарты *одностороннего слепого и двустороннего слепого рецензирования*.

Срок рецензирования – 1 месяц со дня представления статьи. В случае отрицательной экспертизы назначается второй рецензент. Вопрос о публикации статей решается на заседании редколлегии. На основании экспертизы специалистов статьи могут быть отклонены. Результаты экспертизы доводятся до сведения авторов. Отклоненные статьи предлагается доработать и представить в очередной номер журнала.

Общий *срок редакционной подготовки* статьи составляет **2 месяца**.

*Structure of the author's resume**1. In Russian*

UDC

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

2. In English

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

Requirements for author's resumes:

- clarity/clearness, completeness, brevity of reflection of information about the author and the article;
- compliance with the requirements of structural elements;
- completeness of the presentation of the abstract (the presence of a problem and purpose, methodology, results, conclusions);
- availability and quality of the author's resume in English (quality of translation).

Reviewing Articles

The editorial board adopted the international standards of one-sided blind and two-way blind peer review.

The review period is **1 month** from the day of submission of the article. In case of negative expertise, a second reviewer is appointed. The issue of the publication of articles is decided at a meeting of the editorial board. Based on the examination of experts, articles can be rejected. The results of the expertise are brought to the attention of the authors. The rejected articles are proposed to be finalized and submitted to the next issue of the journal.

The general term of the editorial preparation of the article is 2 months.

Научное периодическое издание

**ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА
(ВЕСТНИК КГПУ)**

2025 № 1 (71)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор Е.С. Сазончик
Верстка Н.С. Хасаншина

Адрес редакции и издателя: 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Сайт журнала: <http://www.kspu.ru/division/vestnik/>
E-mail: vestnik_kspu@kspu.ru

Подписано в печать 23.03.25. Формат 60x84 1/8.

Дата выхода в свет 30.03.2025.

Усл. печ. л. 25,0. Бумага офсетная.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 03-001

Свободная цена
Подписной индекс 66001

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в типографии «Литера-принт», Красноярск, ул. Гладкова, д. 6,
т. +7 904-895-03-40

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+